

Том 5, № 3
2008

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Е.М. Лаптева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валцовой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2008 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

Л.Я. Дорфман. Горизонты современной эмпирической психологии3

Теоретико-эмпирические исследования

И.С. Уточкин. Теоретические и эмпирические основания уровневого подхода к вниманию31

Специальная тема выпуска:

К 100-летию со дня рождения Абрахама Маслоу

Д.А. Леонтьев. Вступительное слово67

Д.А. Леонтьев. Абрахам Маслоу в XXI веке68

Семинар с А. Маслоу весной 1970 года88

Г.В. Иванченко. Понятие метапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы105

Психодиагностика

А.А. Бормотов. Разработка и апробация методики диагностики честности как устойчивой черты личности123

Короткие сообщения

О.В. Белокопф. Эмоциональный интеллект и феномен лидерства: эксперимент «Строим вместе»137

В.М. Шендяпин, В.А. Барабанщиков. Использование теории обнаружения сигнала для разработки модели принятия решения и уверенности в нем человека145

Резюме выпуска на европейских языках157

Vol. 5, № 3
2008

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanschikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
A.V. Karpov
E.A. Klimov
A. Längle
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiakov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrikov (Vice Editor)
B. Schäfer (Vice Editor)
A.G. Shmelev
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.N. Zhdan
A.L. Zhuravlev

Managing editor *E.M. Lapteva*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, N.S. Sambu

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2008

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

L.Ya. Dorfman. The Horizons of Modern
Empirical Psychology3

Theoretical and Empirical Research

I.S. Utochkin. Theoretical and Empirical
Foundations of Level Approach to Attention31

Special Theme of the Issue.

Centenary of Abraham Maslow

D.A. Leontiev. Editorial67

D.A. Leontiev. Abraham Maslow

in the XXI Century68

UCLA Seminar with A. Maslow, March 197088

G.V. Ivanchenko. The Maslow's Notion of
Metapathology: Contexts and Perspectives105

Psychodiagnostics

A.A. Bormotov. The Development and
Assessment of a Measure of Honesty
as a Stable Personality Trait123

Work in Progress

O.V. Belokon. Emotional Intelligence and
Leadership: an Experiment «We are Building
Together»137

V.M. Shendyapin, V.A. Barabanschikov. Signal
Detection Theory for the Development
of the Model of Decision Making and
of Subjects' Confidence in His/Her Decisions ...145

Summary of the Issue157

Философско-методологические проблемы

ГОРИЗОНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Л.Я. ДОРФМАН

Дорфман Леонид Яковлевич — заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры, доктор психологических наук, профессор. Автор более 300 трудов (в том числе 6 монографий и 13 глав в монографиях, редактор и соредактор 15 сборников научных трудов) в области теоретической и эмпирической психологии, психологии индивидуальности, стилей активности, эмоций, креативности, искусства и литературы. Лауреат премии имени В.С. Мерлина I степени Пермской области, лауреат конкурса «Лучшая научная книга 2005 года» среди преподавателей высших учебных заведений. Контакты: dorfman07@yandex.ru

Резюме

Современная эмпирическая психология — это чувственный опыт и разум за рамками чувственного опыта; новые отношения между эмпиризмом и рационализмом, восприятием и пониманием, эмпирическими и теоретическими исследованиями. В статье предпринята попытка показать и осмыслить в первом приближении достижения эмпирической психологии, обозначить роль и место в ней мышления (теории) в методологическом аспекте. Эмпирическая психология подвергается анализу в оппозиции к априорной психологии и в контексте различения эмпирических и априорных наук. Показана возможность и необходимость выделения эмпирической психологии в самостоятельную область.

Ключевые слова: эмпирическая психология, эмпиризм, эмпирическая теория, априорная теория, реализм

В сторону реальности или мышления? (Вместо введения)

В 1927 г. Л.С. Выготский завершил работу над рукописью об исто-

рическом смысле психологического кризиса, эта работа в те годы не была опубликована. В этом труде Л.С. Выготский (Выготский, 1982) сосредоточился, прежде всего, на двух моментах.

Во-первых, он поставил проблему уровней методологического анализа и определял в психологии (а) ее теоретико-эмпирический состав, т. е. материал концепций и фактов, из которых она строится, и (б) способ организации и разработки психологической науки, систему ее категорий и принципов, организующих производство знаний, т. е. методологию научного познания в психологии (см. также: Ярошевский, 1994). Во-вторых, методологически и теоретически расчищая поле для новой марксистской психологии, Л.С. Выготский подверг разгромной критике психологические школы, которые хоть какой-то стороной имели отношение к идеализму. Досталось и психологическим школам, которые развивали материалистическую традицию, как не совсем пригодным для строительства новой марксистской психологии.

Эмпирическая психология была в фокусе внимания Л.С. Выготского при анализе как первой, так и второй проблемы. В целом его отношение к эмпирической психологии было противоречивым и непоследовательным. В контексте постановки и разработки первой проблемы идея опоры на эмпирическую психологию была отвергнута, поскольку последняя считалась непригодной решать собственно методологические проблемы. Вместе с тем был сформулирован принцип практики и на его основе определено фундаментальное значение психотехники. Психотехника признавалась эмпирической наукой в полном и положительном смысле этого слова. В контексте постановки и разработки второй проблемы утверждалось, что эмпиризм по неко-

торым причинам раздвоился на идеалистическую и материалистическую психологии. Эмпиризм в составе материалистической (естественно-научной) психологии принимался. В своей основе эмпирическая психология рассматривалась все же как идеалистическая, ее следовало отвергнуть. Двумя годами ранее в предисловии к книге А.Ф. Лазурского «Психология общая и экспериментальная» Л.С. Выготский (Выготский, 1925) отмечал, что основные положения эмпирической психологии пропитаны наследием метафизической психологии, тесно связаны с философским идеализмом, проникнуты субъективизмом, поэтому эмпирическая психология не может служить хорошей и удобной почвой для создания единой научной системы психологии как естественной науки. Но Л.С. Выготский писал и о том, что нужно реализовать и перевести в новую (марксистскую) науку преимуществ объективных наблюдений, точных экспериментов, которые накоплены в вековой работе эмпирической психологии.

В первой трети XX в. эмпирической психологией интересовались и занимались идеалисты А.И. Введенский, Г.И. Челпанов и его ученик Г.Г. Шпет, ориентированный на феноменологию Э. Гуссерля, материалисты В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский и мн. др. На Первый Всероссийский психоневрологический съезд (1923) Г.И. Челпанов представил доклад «О предпосылках современной эмпирической психологии» (см.: Богданчиков, 1996). Для учебных курсов другой психологии, кроме эмпирической, просто не существовало (Выготский, 1925).

Вместе с тем, когда марксизм стал доктриной советской психологии (см.: Ярошевский, 1994), подобно педологии и психотехнике, ликвидированным во второй половине 1930-х гг., понятие эмпирической психологии исчезло на многие годы из научного аппарата отечественной науки. Марксистская философия и советская идеология парализовали эмпирическую психологию прежде всего методологически и теоретически. Собственно же эмпирические исследования проводились, методы наблюдения, эксперимента, измерений применялись, но в контексте развития отечественной психологической наукой идей исключительно марксистской философии (напр., принципов объективности, единства сознания и деятельности, анализа продуктов деятельности). Целая плеяда выдающихся советских психологов проводила эмпирические исследования: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, Д.Б. Эльконин, Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин, Я.А. Пономарев, Э.А. Голубева, В.М. Русалов и мн. др. Тем не менее эпистемологические основания эмпирической психологии не вписывались в логику диалектического материализма, а методологические уступки в пользу западной эмпирической психологии не допускались. Ее достижения и успехи замалчивались, а то и грубо искажались. К примеру, суть эмпирической психологии не сводилась к интроспекции, как утверждал Л.С. Выготский (Выготский, 1982).

Прошло чуть более 80 лет с тех пор, как Л.С. Выготский завершил

работу над своей рукописью об историческом смысле психологического кризиса (1927). Изменилась Россия, изменились люди, психологи подвергают осмыслению свое прошлое, актуальные задачи и проблемы в ситуации построения гражданского общества и рыночной экономики. В последние годы отдельные авторы вновь стали употреблять понятие эмпирической психологии (напр.: Аллахвердов, 2005; Дорфман, 2003, 2005; Кочубей, 1989). Вместе с тем не совсем понятно, какова роль и какое место эмпирическая психология занимает и может занять в системе современного отечественного психологического знания. Отечественные психологи предпочитают вести речь скорее об эмпирических методах, относя их вместе с теоретическими к области основных общенаучных исследовательских методов (см., напр.: Дружинин, 2008), или об экспериментальной психологии в значении по преимуществу экспериментального метода (Корнилова, 2005, 2006). Не останавливаясь на том, как соотносятся понятия «эмпирические» и «экспериментальные» методы (они не тождественны), отмечу, что проблема природы эмпирической психологии и ее места в системе психологического знания перекрывает вопрос эмпирических (в том числе экспериментальных) методов. Осмыслить эту проблему можно не с применением эмпирических методов, а на другом уровне анализа — на уровне историко-философского и методологического контекста. Фундаментальные вопросы не борьбы между материализмом и идеализмом (внутренняя проблема метафизики), а собственно научного

познания — реальности, объективности, истины, понимания — выходят в таком контексте на передний план. Очищенный от классового подхода и идеологических пристрастий, эпистемологический анализ оснований и природы эмпирической психологии позволяет непредвзято и без лишних эмоций оценить ее ресурс и потенциал.

Несколько лет назад на страницах журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики» (2005, Т. 2, № 1) по инициативе В.М. Аллахвердова была предпринята одна из первых в новейшее время более или менее внятных попыток подвергнуть публичной развернутой методологической и теоретической рефлексии потенциал эмпирической психологии (Аллахвердов, 2005). Однако методологические и теоретические вопросы, относящиеся к эмпирической *эпистемологии*, остаются все же наиболее злободневными и наименее разработанными в отечественной научной (академической) психологии.

Проблема

В таком контексте одним из фундаментальных становится вопрос об эмпирической психологии скорее как пути познания в *методологическом* плане, чем методе, методике или техническом приеме исследования. На уровне методологического анализа фундаментальным является вопрос о том, как соотносятся современные эмпирическая и теоретическая психологии.

Понятие теоретической психологии имеет разные значения. Она имеет собственные предмет и логику

развития безотносительно к эмпирической психологии (см., напр.: Выготский, 1982; Корнилова, Смирнов, 2008; Петровский, Ярошевский, 2003; статьи в журнале «Методология и история психологии»). Но в русле эмпирической психологии тоже создаются теории. Они иного (менее крупного) масштаба в сравнении с понятиями и категориями собственно теоретической психологии и, в отличие от нее, обязательно увязываются с эмпирическими данными. Последние поддерживают (верифицируют, фальсифицируют и т. д.) исследовательские гипотезы, но также способствуют выдвиганию новых предсказаний, указывают на новые направления развития теорий, как, впрочем, и их тупиковые повороты. Очевидно, подобно тому как собственно теоретическая психология не сводится к эмпирической, эмпирическая психология (включая создаваемые ею теории) не сводится к собственно теоретической. Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов отмечают, что «в современной научной (академической) психологии не говорят отдельно о теоретической и эмпирической ее ветвях, а сопоставляют разные методы эмпирической проверки теоретических гипотез» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 86). Такой взгляд на суть дела не бесспорен. Научная (академическая) психология включает эмпирическую психологию, хотя не сводится только к ней (см., напр.: Ardila, 2007; Miller, 2004). С другой стороны, теории создаются внутри эмпирической психологии и вне ее, в априорной психологии. При этом эмпирические и априорные теории имеют разный эпистемологический статус (о различиях между эмпи-

рическими и априорными теориями см. раздел данной статьи «Априорные и эмпирические теории»).

Порой водораздел между эмпирической и теоретической психологиями проводят по линии различий чувственного и рационального познания (Васильев, 2000, 2003). Это не совсем верно, поскольку современная эмпирическая психология применяет как чувственное, так и рациональное познание.

Традиционный (ортодоксальный) взгляд на эмпирическую психологию связывает ее с эмпиризмом в том его виде, в котором он противопоставляется разуму и теориям. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля термин «эмпиризм» переводится с греческого как «слепой опыт без разумного применения теории и вообще науки». Эмпиризм основан на одном опыте, не на учении. В таком значении эмпиризм противоположен теории. Эмпирик следует одному опыту, практике, отвергая рассуждение и науку. В Большой советской энциклопедии эмпирическая психология сводится к эмпиризму в его ранних формах: психология, основанная на опыте и противопоставляемая рациональной психологии, основанной на умозрении. В словаре по общей психологии М.Г. Ярошевский (Ярошевский, 2005) определяет эмпирическую психологию как особую дисциплину, описывающую и изучающую конкретные явления психической жизни в отличие от рациональной психологии, выводящей явления из природы и сущности психики. Действительно, был такой период в истории эмпирической психологии. Но времена «разумной

перекомпоновки» материала, который дан только в опыте, давно канули в историю. Даже О. Конт (Comte, 1855), основатель позитивизма, отвергал любой эмпиризм, если он описывал науку только как аккумуляцию «голых фактов».

Современная эмпирическая психология — это чувственный опыт и разум за рамками чувственного опыта; другие, чем прежде, отношения между эмпиризмом и рационализмом, восприятием и пониманием, эмпирическими и теоретическими исследованиями, ориентация на разработку и обоснование гипотез. Вместе с тем вопрос истинности или ложности научных утверждений решается через наблюдение и эксперимент, а не путем логической связности рассуждений (см., напр.: Argdila, 2007).

В настоящей статье предпринята попытка показать и осмыслить в первом приближении достижения эмпирической психологии, обозначить роль и место в ней мышления (теории) в методологическом аспекте. В эмпирической психологии выделяются номотетическая (количественная) и идиографическая (качественная) ветви. Они опираются на разные философские традиции. Речь будет идти об эмпирической количественной психологии.

Априоризм и апостериоризм (эмпиризм)

Насколько правомерно ставить вопрос об эмпирической психологии как самостоятельной области познания и знания? Основания для этого можно обнаружить в том, что эмпирическая психология имеет свою

историю и собственный путь развития. Другим основанием могут служить многовековые оппозиции эмпирического и априорного знания в контексте философской эпистемологии. Еще одно основание можно усмотреть в устойчивой традиции различения эмпирических и априорных наук. По всем этим основаниям в отечественной психологической науке можно обозначить возможность и необходимость выделения в самостоятельную область исследования эмпирической психологии и показать ее оппозицию к априорной психологии.

*Априорное и апостериорное
(эмпирическое) знание*

Априорным является знание, предшествующее опыту и независимое от него. Априорные понятия, по И. Канту (Кант, 1781/2006), не могут быть доказаны или опровергнуты опытом, они условны и относительны, и тем не менее они рассматриваются как истинные. *Апостериорным* является знание, которое выводится из опыта или основано на нем. Априорные истины необходимы, апостериорные истины возможны и допускают исключения. Несколько огрубляя, можно сказать, что апостериорное знание — эмпирично, априорное знание — неэмпирично, или антиэмпирично.

Априорное знание

Проводниками априорного знания являются метафизика (учение о сверхчувственных основах и принципах бытия, предельной реальности, сущностях и первых принципах, универсалиях), рационализм (разум

является главным источником знания о мире), иррационализм (выход за границы разума в поисках критериев познания в область инстинктов, чувств, воли, подсознания, биологии), эссенциализм (постижение абсолютной истины через определение сущностных свойств объектов), другие философские учения.

Априорные учения (скажем, рационализм, который также обозначают как интеллектуализм или априоризм) рассматривают разум как главный источник и способ проверки знания о реальности. Разум представляется как способность схватывать истины о реальности непосредственно. Реальность мыслится как рационально упорядоченное целое, части которого связаны логической необходимостью; потому она постигаема и доступна для понимания. Разум толкуется как способность постигать истины безотносительно к чувственному опыту — в плане определенности знаний, в плане их всеобщности. По Платону, чувственная реальность — это нечто, мешающее постижению чистым и ясным умом (освобожденным от его чувственной основы) сущности.

Разумом постигаются объекты, которые находятся за границами чувственного опыта, — универсалии и их отношения. Универсалии представляют собой абстракции, которые могут проявляться различным образом: цифра три или особенности, общие для любых треугольников. Хотя ни то, ни другое невозможно видеть, слышать или чувствовать, человек может отчетливо мыслить о них и об их отношениях. Этот вид знания, который включает прежде всего логику и математику (как и

фрагментарные инсайты в других сферах), представляет собой наиболее важное и определенное знание, которое разум может достичь. Априорное знание является необходимым (его нельзя получить иным, не априорным, образом), универсальным (оно не принимает никаких исключений), определенным ($2 + 2 = 4$ и не может быть равным другому числу, например, 5). Между тем ни необходимость, ни универсальность, ни определенность знания невозможно получить через чувственный опыт. То, что ворона — черная, можно воспринимать, но невозможно воспринимать то, что ворона должна быть черной или что все вороны всегда и везде будут черными. Восприятие не обеспечивает постижение такого рода истин.

Априоризм утверждает фундаментальную роль абстрактных, теоретических рассуждений как источников надежных мнений. Существуют понятия, которые не производны от особенностей опыта и не связаны с ним, такие как «причина» или «идеальный круг». Необходимость априорных понятий подтверждается не фактами, а мышлением и логикой, основанными на посылке о том, что все должно быть разумно обосновано. Источниками такого рода мнений могут служить интеллектуальная интуиция, прямое постижение сути вещей, самоочевидные истины или какие-либо идеи, выводимые из метафизических понятий в результате дедуктивных рассуждений.

Априорное знание выводится из неких общих положений, далее используют логическую дедукцию и показывают, что следует из этих положений, если они действительно

истинные. Если базовые положения истинны, значит, их следствия не могут быть ложными, т. е. тоже являются истинными. Как отмечает И. Лакатос (Лакатос, 1970/1995), чисто логическая дедукция позволяет совершать перенос истинности, выводя одни высказывания из других, но не обосновывать и не устанавливать истинность исходных посылок (базовых положений). Последние остаются гипотетическими, их истинность продолжает нуждаться в доказательствах. Часто истинность исходных посылок обосновывается или устанавливается не логическим, а внелогическим образом, — через откровение, прямое постижение самоочевидной истины, интеллектуальную интуицию, инсайт. В дедуктивном рассуждении истинность посылок переносится на истинность вывода. Отсюда не следует отнюдь, что истинность дедуктивного вывода обратно переносится на истинность исходных посылок. Дедукция не является очевидным и важным условием постановки проблемы истинности исходных посылок.

Проблема априорного знания кроется не в истинности следствий, а в том, являются ли необходимо истинными сами исходные (базовые) положения (см.: «Metaphysics» и «Rationalism» в Британской энциклопедии online).

Апостериорное (эмпирическое) знание

Апостериорное знание является эмпирическим в смысле его опытного основания. С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003) писал, что отправной пункт открытия бытия, реального существования мира — в чувственности, практике человека,

а не в его мышлении (мышление производно). Базовое положение современного *эмпиризма* в философии состоит в том, что человек обращается к миру, который окружает его, который вне его, в том числе к другим людям, их психике, сознанию, поведению. Органы чувств — это канал, путь и способ проникновения в этот мир, источник человеческого опыта. Хотя ощущения и восприятие могут быть иллюзорными и обманчивыми, с помощью специальных процедур (например, контроль наблюдения — см.: Toulmin, Leary, 1992) информация о мире, поступающая через органы чувств, объективируется.

Органы чувств — не единственный проводник эмпирического (внешнего) опыта. Эмпирическими признаются также «внутренние чувства», внутренний опыт — осознание (посредством интроспекции или рефлексии) ментальных состояний, таких как чувство боли или страха. Вопрос же о том, как далеко можно продвигаться, развивая представления о внутреннем опыте как эмпирическом (например, о моральном, эстетическом, религиозном опыте), остается дискуссионным. Другая сторона медали заключается в том, что опыт (внешний и внутренний) представляет собой сырую массу неупорядоченных и случайных впечатлений; сами по себе они вряд ли имеют какое-либо собственно научное значение. В ходе эмпирического познания, однако, массив сенсорных данных упорядочивается и систематизируется в специально организованных и структурированных наблюдениях, свидетельствах, экспериментах. В этом проявляются отличия научного познания от обыденного, тесная связь опыта и

мышления внутри самого научного познания.

Положение об опыте как *источнике* познания не означает сведение познания только к опыту. Научное познание — это единство опыта и мышления, наблюдений, фактов, закономерностей и теорий. Вопрос о том, как соотносятся опыт и теории, имеет несколько разных решений. Одни авторы утверждают, что выдвижение новых идей, обобщения, законы и теории основаны на фактах. Отсюда особое внимание к индуктивному пути научного познания. Другие авторы настаивают на том, что роль опыта сводится к поддержке или опровержению теорий. По соответствию фактам судят о состоятельности теорий. Отсюда особое внимание к дедуктивному пути научного познания.

Эмпиризм производит знание, которое противостоит, с одной стороны, неподтвержденным мнениям, а с другой — неподтвержденным метафизическим теориям. Главное назначение упорядоченного и систематизированного опыта в том и состоит, чтобы прямо или косвенно *поддерживать* или *опровергать* как мнения, так и научные теории (см.: «Empiricism» в Британской энциклопедии online) с помощью эмпирических процедур наблюдения или эксперимента, служить внешним и объективным (эмпирическим) свидетельством состоятельности или несостоятельности теоретических идей (Kimble, 1989).

Краткая предыстория эмпиризма и эмпирической психологии

Соперничество между эмпирической и априорной психологией

имеет давнюю историю. Не вдаваясь в этот вопрос детально, отмечу, что впервые термин «эмпирическая психология» появляется в метафизике (философской психологии) XVIII в. Он был введен учеником Христиана Вольфа (1679–1754) Л.Ф. Гюммигом (1697–1728) и взят на вооружение учителем. Иммануил Кант (1724–1804) также употреблял термин «эмпирическая психология». Начиная с трудов Х. Вольфа «Эмпирическая психология» (1732/1736) и «Рациональная психология» (1734/1740) определяются как две науки о душе. Эмпирическая психология представляет собой опытную науку, дающую знание того, что происходит в человеческой душе. Рациональная психология априорно развивает из метафизики то, что возможно благодаря человеческой душе. Расхождения между эмпирической и рациональной психологиями производны от различий чувственного и рационального познания. Душу можно исследовать как с помощью опыта (индуктивно), так и с помощью разума (дедуктивно). Душа может рассматриваться как со стороны ее внешних свойств, так и со стороны ее сущности. Проникновение в сущность души обеспечивает разум, душа как явление познается благодаря опыту. Тематически и содержательно рациональная и эмпирическая психологии у Х. Вольфа во многом совпадают. Рациональная психология пользуется материалом, полученным в эмпирической психологии; то, что априорно развивает рациональная психология, проверяется и подтверждается эмпирической психологией (подробнее см.: Васильев, 2000, 2003; Корнилова, Смирнов, 2008).

Эмпиризм

Между тем исторические предпосылки эмпирической психологии связаны по преимуществу с философским эмпиризмом и восходят не к XVIII в., а к философии античности. Почву для эмпиризма подготовили рационалисты Платон и — в меньшей степени — Аристотель. В Средние века ряд философов отвергали внутреннее происхождение идей. Стандартной была формулировка: нет ничего в разуме, что прежде не было представлено в органах чувств. В XIV в. номиналист Уильям Окхам (1285–1347/1349) утверждал, что источником знаний являются органы чувств. Признавалось и «абстрагирующее» знание («abstractive knowledge») — гипотетическое и не подразумевающее ничего из того, что существует. В Новой философии Френсис Бэкон (1561–1626) признавал априорное знание. Но он отдавал преимущество эмпирическому знанию; эмпирические данные, основанные на восприятии и наблюдении, подлежали затем систематическому упорядочиванию. Джон Локк (1632–1704), британский философ раннего Просвещения, утверждал роль органов чувств и интроспекции (рефлексии) в происхождении знания. Априорный статус признавался лишь для отдельных видов знания, например, для математики и морали. Эмпирические идеи Дж. Локка развивали его соотечественники Джордж Беркли (1685–1753) и Давид Юм (1711–1776). Дж. Беркли, к примеру, рассматривал органы чувств важными не потому, что они открывают окно во внешний мир, а потому, что они представляют собой единственный

канал прямой репрезентации реальности (см.: «Empiricism» в Британской энциклопедии online).

Утверждая фундаментальную роль опыта в процессе познания, эмпиристы создали оппозицию по отношению к утверждению роли авторитетов, интуиции, воображаемых догадок, абстрактных, теоретических или систематических рассуждений как внушающих доверие источников надежных знаний о мире. Наиболее фундаментальным и влиятельным оппонентом эмпиризма был рационализм (обозначается также как интеллектуализм или априоризм).

Рационализм

Рационализм рассматривает разум как главный источник и критерий познания. Реальность мыслится как устроенная строго логически. Поэтому ее истины постигаются разумом непосредственно. Некоторые рациональные принципы, особенно в логике и математике и даже в этике и метафизике, настолько очевидны, что невозможно отрицать их, не создавая противоречий. Рационалистическая теория познания исходит из того, что понимание носит априорный характер и может возникать благодаря интеллектуальной интуиции, непосредственному постижению самоочевидных истин или чисто дедуктивным рассуждениям. Источники верификации понимания находятся в мышлении и логике. Разум способен постигать достоверные и всеобщие истины без обращения к чувственному опыту. Рационалисты отвергают эмпиризм, эзотерическое знание, иррационализм.

Предпосылки рациональной (априорной) психологии связаны по

преимуществу с философским рационализмом и восходят не к XVIII в., а опять-таки к философии античности. Считается, что Пифагор был первым западным философом, выдвинувшим мысль о рационализме. Пифагор считал, что предельная реальность устроена гармонично; люди отображают ее с помощью математики. Отсюда его лозунг: все есть число. Рациональные идеи как более глубокие и существенные в сравнении с восприятием трактовал также Платон. Он настолько восхищался строгостью и точностью геометрии, что на дверях его академии была запечатлена надпись: «Пусть никто, не знакомый с геометрией, не войдет сюда». Знаменитые «Идеи» Платона адресовались разуму, а не ощущениям и восприятию. Человек имеет только «мнения» о существующих, изменяющихся, поддающихся восприятию вещах в пространстве и времени. Только «знание» носит вневременной характер и обладает необходимыми истинами. Объекты «знания» представляют собой неизменяющиеся и не поддающиеся восприятию формы или универсалии. Они относятся к истинной реальности, характеризуются идеальностью и вневременностью. Идеи более реальны, чем вещи, данные человеку через его органы чувств. Главный вклад Аристотеля в рационализм заключался в его силлогистической логике, которая давала указание на то, как разум производит рационалистическое объяснение. Для того чтобы объяснить частный факт, его нужно подвести под общий принцип. Первым рационалистом Нового времени был Р. Декарт (1596–1650). Получив математическое образование, он стремился

привнести в философию строгость, точность и ясность. Философская система, согласно Р. Декарту, должна быть свободна от сомнений. Базовая посылка заложена в его знаменитой фразе «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, значит, я есть»), ибо сомнение в существовании самого себя есть абсурд. Существование Я является абсолютно определенным и ясным. Отталкиваясь от этого базового основания, Р. Декарт пытался дедуктивно вывести серию других положений, каждое из них было самоочевидным как существование Я. Философская система Р. Декарта походила на геометрию Евклида, будучи свободна от сомнений. Ясность и различимость идей происходила от понимания, от схватывания разумом абстрактных идей, а не от восприятия. Вслед за Р. Декартом Б. Спиноза (1632–1677) и Г.В. Лейбниц (1646–1716) согласились, что строй вещей может познаваться априорным мышлением. В отличие от Р. Декарта, правда, Б. Спиноза исходил из универсума («субстанции»), а не из существования Я (см.: «*Rationalism*» в Британской энциклопедии online).

Примирение эмпиризма и рационализма

На протяжении всей истории эмпиризма и рационализма они соперничали друг с другом. Их примирил в своей критической философии И. Кант, правда, несколько своеобразно. В «Критике чистого разума» И. Кант отвергает догматическую метафизику рационалистов с их претензией на сверхчувственный характер познания (Кант, 1781/2006). Не всякое разумное высказывание

есть верное описание реальности; научные теории без обращения к опыту, созданные только силой разума не очевидны и не убедительны. Однако и эмпиризм имеет серьезные ограничения. Хотя познание берет начало в опыте, не все знание происходит из опыта. Существуют понятия, категории, которые имеют синтетический характер и приводят к априорным истинам. Априорные категории не относятся к реальности, которую выражает опыт. Они относятся к мышлению, которое организует аморфную массу сенсорных впечатлений в определенный порядок.

Обособление эмпирической психологии от метафизики

Наступает XIX в. Психология выделяется из философии и становится самостоятельной отраслью научного знания. Примерно к середине XIX в. эмпирическая психология порывает с философской метафизикой и начинает ориентироваться на естественные науки, прежде всего на физику, химию и биологию. В 1862 г. Г. Гельмгольц зафиксировал факт развода между наукой и философией (Helmholtz, 1862/1995a). Принципиальные различия науки и метафизики Гельмгольц проиллюстрировал эволюционной теорией Ч. Дарвина (Helmholtz, 1869/1995b). Эта теория свидетельствовала о том, что адаптивность организмов к среде может быть результатом действия слепого закона природы без какого-либо вмешательства разума. Хотя признавалась вероятность осуществить открытие такого закона с помощью мышления, сам закон относился к природе, а не к

мышлению. Разрыв с метафизикой обеспечили и сами философы, к примеру, Дж. Миль (1865–1867). В западной психологии этот разрыв сохраняется и поныне. Начиная с В. Вундта и организации им экспериментальной лаборатории в Лейпциге (1879), научная психология приобретает облик эмпирической науки. В. Вундт ориентировался не только на физиологию Г. Гельмгольца и психофизику Г. Фехнера, но и на логику и эпистемологию И. Канта (см.: Toulmin, Leary, 1992). На рубеже XIX–XX вв. эмпиризм достигает наивысшей точки своего влияния в науке и философии (Green, 1992). Психологическая наука, которая не мыслилась без эмпирических исследований, вновь обращает свое внимание на философию, но она усваивает основополагающие идеи философии науки, а не метафизики (см.: Robison, 2000).

В XIX – начале XX в. термин «эмпирическая психология» неизменно употребляется в научных трудах (см., напр.: Nickok, 1855; Lindner, 1894; Rand, 1912; Ruckmick, 1928; Titchener, 1921; Wundt, 1897). Во второй половине XX в. и в начале XXI в. употребление этого термина сохраняется (см., напр.: Crosby, Viney, 1993; Dawson, 1990; Gavin, 2006; Hunt, 2005; Rorty, 1977; Strasser, 1962; Toulmin, Leary, 1992). Эмпирическая психология признается, вписывается в постмодернистский контекст и допускается к диалогу (Gergen, 2001).

Близкими к понятию эмпирической психологии являются понятия эмпиризма и опыта в психологии (напр.: James, 1904), эмпирического подхода в психологии (Brentano,

1874; Brock, 2006; Proctor, Capaldi, 2001; Wendt, Slife, 2007), эмпирического статуса психологии (Koch, 1980; van Fraassen, 2002), психологии как эмпирической науки (Green, 1992; Mos, 2002) или эмпирической дисциплины (Вундт, 1912), экспериментальной психологии (Danziger, 2000; Hardcastle, 2000; Skinner, 1947/1961; Wundt, 1904), эмпирико-экспериментальной психологии (Miller, 2004), научной психологии со стороны ее эмпирической базы (Ardila, 2007; Gergen, 2001; Miller, 2004) и т. д. Во многих отношениях эмпирический подход определяет своеобразие поведенческой (Bargh, Ferguson, 2000; Carpintero, 2004; Morris, Todd, 1999; Skinner, 1957; Watson, 1925), когнитивной (Bargh, Ferguson, 2000; Craik, 1991; Eysenck, 1994; Medin, Ross, Markman, 2001; Miller, 2004), других отраслей психологии.

На протяжении своей истории базовые положения эмпирической психологии менялись, нередко изменения носили поворотный, фундаментальный характер. Смена базовых положений не предполагает линейной эволюции по типу «одно умирает, а другое рождается и замещает первое». В современной эмпирической психологии причудливо сочетаются и «старые» и «новые» представления о путях ее развития, ее возможностях и ограничениях. Общий тренд эмпирической психологии видится в конвергенции путей чувственного и рационального познания. Метафизические предельные категории отвергаются. Но принимаются рациональное мышление, логика, теории, движение мысли от фактов к теории и от теории к фактам.

Современное состояние эмпиризма и эмпирической психологии

Априорные и эмпирические науки, априорная и эмпирическая психология

Выделение в психологии эмпирической и априорной ветвей основывается на оппозиции эмпирического и априорного знания в контексте философской эпистемологии. Выделение в психологии эмпирической и априорной ветвей продолжает также традицию различения эмпирических и априорных наук.

Априорные и эмпирические науки

Эта традиция имеет долгую историю и связана, в частности, с обособлением эмпирической философии от метафизики, эмпиризма от рационализма (см., напр.: «Metaphysics» в Британской энциклопедии online), поисками отчетливых критериев эмпирической науки с позиций логики и теории познания (Поппер, 1935/2005). В XX в. эту традицию обострил неопозитивизм (см., напр.: Howard, 2000; Mathieson, 1993). Сторонники других философских направлений также различают априорные и эмпирические науки (см., напр.: Шюц, 1952/1994; Łukasiewicz, 1915/1994). Априорные и эмпирические науки разделялись по отраслевому принципу: социальные науки — априорные, естественные науки — эмпирические; логика, математика — априорные науки, физика, химия, биология — эмпирические. Внутри отдельных дисциплин возникла такая же дифференциация. В естественно-научных дисциплинах появились теоретическая физика и

теоретическая биология. В социальные дисциплины проникает эмпирическая традиция. Эмпирическая социология обособилась от теоретической социологии (см.: Ионин, 2004). Эмпирическая эстетика (идущая «снизу», от Г. Фехнера) обособилась от философской эстетики (идущей «сверху») (Eysenck, 1997; Martindale, 2007). Естественнонаучные (с использованием методов точных наук) и гуманитарные (теоретические) подходы привели к образованию самостоятельных ветвей исследований в искусствознании и культурологии (Петров, 2004; Петров, Голицын, 2007). В истории (в том числе в истории психологии) историометрические (количественные) исследования архивных данных, касающихся исторических личностей и событий, обособились от соответствующих аналитических исследований (Simonton, 1998, 1999). В психологической науке В. Вундт отделял эмпирическую («физиологическую») психологию от метафизической (философской) психологии (Вундт, 1912). Дж. Рычлак различает эмпирическую и теоретическую ветви психологии (Rychlak, 1968).

Априорная психология и эмпирическая психология

В современной отечественной психологической науке также различают априорную психологию и эмпирическую психологию (Дорфман, 2003, 2005). Этот подход пока не получил широкого распространения.

По характеру *априорная психология* является рационалистической и в то же время метафизической. Это теоретическая психология, которая ориентируется на те или иные

философские картины мира, опирается на законы логики и претендует на познание предельной реальности в тех или иных ее аспектах. Источник априорной психологии — мышление, форма — рассуждение, результат — понимание. Она обращается к мышлению, оперирует широкими и сверхширокими категориями, создает метафизические теории, не будучи склонна регулярно и систематически соотносить (тестировать) продукты разума с результатами эмпирического познания, чувственного опыта. Априорная психология строит теории, игнорируя свидетельства чувственного опыта.

Современная *эмпирическая* психология в качестве источника познания рассматривает внешний и/или внутренний опыт. По С.Л. Рубинштейну (Рубинштейн, 2003), как уже отмечалось, отправной пункт открытия бытия, реального существования мира — в чувственности человека, а не в его мышлении (мышление производно). Эмпирическая психология не претендует на познание предельной реальности и открытие первых принципов (см.: Дорфман, 2003). Она претендует на познание тех фрагментов реальности, информация о которых доступна чувственному опыту, как внешнему, так и внутреннему. Во многих (но не во всех) отношениях эмпирическая психология — это опытная наука. Отсюда особое внимание тому, каким образом исследователи получают информацию о реальности, отсюда же опора на наблюдение, измерение, эксперимент, объективные свидетельства. Хотя эмпирическая психология как источник информации о реальности рассматривает опыт, она обращается

также к разуму, является рационалистической, оперирует мышлением, применяет процедуры рассуждения, ориентируется на понимание. Эмпирическая психология ориентируется на теории и создает теории, использует законы формальной логики, производит обобщения и пользуется абстракциями. В отличие от априорной психологии эмпирическая психология соотносит теории с результатами эмпирического познания. Теории соотносятся с логикой и проверяются на их соответствие реальности по эмпирическому основанию. Поэтому эмпирическая психология занимается вопросами эмпирических предпосылок постановки и разработки гипотез, подвергает тестированию идеи (концепции, теории) на их соответствие фрагментам реальности, информация о которых доступна опыту; признает идеи, которые опытную проверку успешно выдержали.

Различия между эмпирической психологией и априорной психологией носят относительный, а не абсолютный характер. Как и априорная психология, современная эмпирическая психология использует абстракции и априорные понятия. Они остаются в эмпирической психологии. В XX в. предпринимались попытки изгнать абстракции и априорные понятия из эмпирической науки, они оказались безуспешными и бесплодными (см., напр.: Bridgman, 1927; примеры см.: Дорфман, 2005). Между тем для получения знаний о психике, сознании, поведении (в отличие от мнений) априорные суждения недостаточны. Опора на *опыт* служит фундаментальным основанием эмпирической психологии. Опора

на *мышление* является фундаментальным условием и формой существования теоретических построений в эмпирической психологии. Состоятельность теорий определяется тем, выдерживают ли они испытание опытом.

*Абсолютный, субстантивный,
неполный эмпиризм*

Граница между эмпиризмом и априоризмом несколько размыта, поскольку существует ряд версий эмпиризма, которые отличаются разной степенью жесткости — мягкости в отношении признания априорных идей. Под этим углом зрения выделяют и различают абсолютный, субстантивный и неполный эмпиризм (см.: «Empiricism» в Британской энциклопедии online).

Согласно *абсолютному эмпиризму*, понятия, как формальные, так и категориальные, не существуют априорно, не существуют также априорные предложения. Так или иначе и те и другие восходят к опыту.

Более умеренной формой эмпиризма является *субстантивный эмпиризм*. Субстантивные эмпиристы признают априорное знание и его полезность в некотором диапазоне. В частности, отмечается, что априорное знание позволяет раскрывать реально существующие скрытые значения фактуальных утверждений. Однако априорные предложения сами по себе не дают нового знания о мире; фактуально они «пустые», поскольку утверждают истины по принципу «может быть все». В рамках субстантивного эмпиризма попытки абсолютных эмпиристов доказать, что формальные понятия про-

исходят из опыта, считаются малоубедительными. Вместо этого субстантивные эмпиристы допускают, что формальные понятия логики и математики могут быть априорными и устанавливаться до и вне опыта. Формальные понятия больше не рассматриваются как семантические для описания отношений между словами и вещами. Формальные понятия берутся как дескриптивные или чисто синтаксические для описания отношений сугубо между идеями. Вместе с тем, подобно абсолютным эмпиристам, субстантивные эмпиристы не признают априорными категориальные понятия (такие как «субстанция» или «причина»), приписывая им эмпирические свойства. У «чистой науки» — особый статус. Она истолковывается как собственно эмпирическая — от фундаментальных допущений о структуре универсума до свидетельств, поддерживающих теории.

Сторонники *неполного эмпиризма* идут дальше субстантивных эмпиристов и допускают, что не только формальные понятия (логика и математика) являются априорными. Есть информативные предложения о реальности, которые в то же время не являются эмпирическими. Положения трансцендентной, или кантианской, метафизики, общие научные принципы сохранения и каузальности, каузальные законы природы являются априорными. Они устанавливаются исключительно в результате рассуждений без обращения к опыту. Тем не менее остается большое количество собственно эмпирических понятий, предложений, теорий, которые образуют отдельную и самостоятельную область исследований и

отличаются от сферы априорных идей.

Эмпиризм и научный реализм

Согласно Р. Карнапу (Carnap, 1952), эмпиризм рассматривает знание как результат сенсорного восприятия; реализм толкует знание как результат отражения человеком окружающего мира. Реализм утверждает, что объекты научного исследования реально существуют, не зависят от ученых и их попыток понять эти объекты. Знание не существует как платоновские идеи, оно извлекается исследователем из окружающей реальности благодаря наблюдениям его феноменов. Это родовое определение представляет собой смесь того, что называют наивным реализмом (иногда обозначаемого также как перцептивный реализм), и научного реализма (Shames, 1990). Так намечается некоторое сходство в основах двух относительно разных течений — эмпиризма и реализма в науке. Соответственно обнаруживается известное сходство в постановке проблем, которые пытаются разрешить реалисты, с одной стороны, и эмпиристы, с другой. Эмпиризм не сводится к научному реализму и не растворяется в нем. Однако научный реализм во многих отношениях связан с эмпиризмом и обращается в качестве аргументов к феноменам наблюдения.

Тема научного реализма разрабатывается в русле философии науки (см., напр.: Хакинг, 1998; Carnap, 1952; Hooker, 1987; Kukla, 1994; Psillos, 1999; Timothy, 2006). Эта тема живо обсуждается в психологической науке (см., напр.: Casiroppo,

Semin, Berntson, 2004; Casiroppo, Berntson, Semin, 2005; Haig, 2005; Lau, 2005).

Научный реализм относит к области научного знания не только наблюдаемые, но и так называемые ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Термином «ненаблюдаемый объект» обозначается то, что постулируют теории, но что невозможно наблюдать. Подразумеваются не теоретические понятия (продукты мышления), а теоретические объекты, существующие в самой реальности. Термином «теоретический объект» в естественных науках описываются, к примеру, частицы, поля, процессы, структуры, состояния и т. п. В психологии к теоретическим объектам можно отнести либидо, Супер-Эго и перенос в психоанализе З. Фрейда (см.: Хакинг, 1998) или ментальные репрезентации и социальное познание (см.: Casiroppo, Semin, Berntson, 2004).

Вопрос о том, существуют ли ненаблюдаемые (теоретические) объекты в реальности, остается все же нерешенной научной проблемой. Актуальным является также вопрос о том, можно ли познавать ненаблюдаемые (теоретические) объекты (см.: Хакинг, 1998; Boyd, 2002). Вопрос истинности теорий — это еще одна проблема, исследованием которой занимается научный реализм. Причем признание истинности (или ложности) теории не влечет за собой автоматически признание существования объектов теории (см.: Хакинг, 1998). В дискуссиях на эти темы отчетливо обозначаются позиции как сторонников научного реализма («реалистов»), так и их противников («антиреалистов»). Научные реалисты

утверждают, что ненаблюдаемые (теоретические) объекты существуют в реальности, а состоятельные научные теории обладают признаками относительной истины. Антиреалисты подвергают эти взгляды сомнению и критике.

Связь эмпиризма с научным реализмом можно обнаружить, обратив внимание на то, что эмпиризм отводит опыту или органам чувств две разные функции. Во-первых, опыт рассматривается как источник всех идей, сырой материал для мышления. Во-вторых, опыт трактуется как основа для подтверждения понимания стоящей за ним реальности. Эта вторая функция опыта оформилась в виде самостоятельной доктрины, которую Дж. Беннетт (Bennett, 1964) обозначил как познавательный эмпиризм (knowledge empiricism). Познавательный эмпиризм получил широкую поддержку со стороны многих научных реалистов (см.: Boyd, 2002).

Эмпиризм и научный реализм обнаруживают близость в подходах по вопросу о расширяющихся возможностях органов чувств. Современные течения эмпиризма и научного реализма рассматривают органы чувств в качестве детекторов реальности. При этом круг познаваемых феноменов реальности можно увеличивать, расширяя возможности человеческих органов чувств через применение инструментов и процедур, пусть даже они зависят от теорий, на основе которых были разработаны. С помощью инструментов и процедур можно измерять и познавать не только наблюдаемые, но и напрямую через органы чувств не наблюдаемые объекты (см., напр.:

Хакинг, 1998). Тем самым научный реализм подчеркивает значение для психологической теории новых методов. Знание о ненаблюдаемых психологических феноменах первоначально могут принимать формы теоретических конструктов. По мере того как инструменты и процедуры совершенствуются, становится возможным определять и измерять прежде недостижимые психологические феномены.

Такой взгляд служит в защиту позиций научного реализма. Этот же взгляд дает основание и эмпиризму оперировать теоретическими (ненаблюдаемыми) объектами. К примеру, когда эмпирическая психология опирается на теорию вероятности и использует методы статистики для экстраполяции данных, полученных на выборке, на популяцию, она включает в предмет своих исследований ненаблюдаемые объекты. Когда данные эмпирических исследований подвергаются эмпирическим обобщениям в терминах «факторов» (эксплораторный факторный анализ) или «латентных факторов» (конфирматорный факторный анализ, структурные линейные уравнения), психолог-исследователь вновь обращается к ненаблюдаемым объектам. В русле эмпирической традиции ненаблюдаемые объекты обнаруживаются как бы вслед и на основе наблюдаемых объектов, т. е. в результате применения индуктивной стратегии исследования. Научный реализм, напротив, скорее ненаблюдаемые объекты рассматривает в качестве каузального фактора и «механизма» наблюдаемых объектов, т. е. применяет дедуктивную стратегию исследования (см., напр.: Shames, 1990).

Многие десятилетия эмпирическая психология находится под влиянием и научного реализма, и научного инструментализма (не смешивать инструментализм с инструментами измерений!). Различаются научный реализм и научный инструментализм между собой тем, как они толкуют теории и их (ненаблюдаемые, теоретические) объекты.

Сторонники научного реализма считают задачей эмпирических исследований подвергать тестированию знания, заключенные в теориях, на их истинность. Истинность теорий соотносится с реальностью. Если же некий феномен допускает множество объяснений, то, согласно научному реализму, скорее всего, одна из конкурирующих гипотез или теорий может быть истинной. Кроме того, — это отмечалось выше, — научный реализм относит ненаблюдаемые (теоретические) объекты к области реальности. Приверженцы научного инструментализма, напротив, не рассматривают целью научных теорий открытие истины. Научные теории представляются в качестве подходящих интеллектуальных структур для описания, предсказания и упрощенного объяснения абстрактными терминами некоторой области наблюдаемых феноменов. Эти интеллектуальные структуры относятся к мышлению; утверждается, что они не существуют в реальности. В соответствии с положениями научного инструментализма, теории также являются полезным интеллектуальным ресурсом для ответов на вопросы и решения проблем в той или иной эмпирической области исследования. Концептуально научный реализм не совместим с научным инструмента-

лизмом. Тем не менее отмечается целесообразность концептуальной интеграции этих течений в психологической науке. У каждого из этих течений есть и сильные и слабые стороны. Сильные стороны одного течения могут восполнять слабые стороны другого течения (подробнее см.: Casioppo, Semin, Berntson, 2004). Их концептуальное сближение может способствовать усилению позиций эмпиризма в психологической науке в целом.

По некоторым вопросам эмпиризм встает в прямую оппозицию к научному реализму и смыкается с антиреализмом. Так, с точки зрения инструментализма, существование ненаблюдаемых (теоретических) объектов в реальности подвергается сомнению. Эмпиристы-инструменталисты ссылаются на так называемый *базовый эмпирический аргумент недоопределенности*. Суть этого аргумента иллюстрирует случай, когда рассматриваются две эмпирически эквивалентные теории (А и Б). Допустим, каждая из этих теорий содержит ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Теория А и теория Б различаются тем, что они содержат разные ненаблюдаемые (теоретические) объекты. Что касается наблюдаемых феноменов, ситуация становится обратной: к одним и тем же выводам о них можно дедуктивно прийти от одной теории независимо от другой. Тогда теория А и теория Б сходны по их эмпирическим следствиям, но по ненаблюдаемым (теоретическим) объектам, которые описываются этими теориями, различия по эмпирическим свидетельствам не обнаруживаются. Следовательно, нет эмпирических свидетельств в

пользу ненаблюдаемых (теоретических) объектов ни в теории А, ни в теории Б (см.: Boyd, 2002).

Существенный вклад в развитие научного реализма внес позитивизм. Позитивисты понимали мир как единую, объективно постигаемую и относящуюся к популяции (а не к ее отдельным членам) реальность (философский наивный реализм). Позиция постпозитивизма на этот вопрос изменилась: ученые постигают реальность неполно и несовершенно (философский критический реализм). Это объясняется тем, что жизненные феномены трудно поддаются изучению. Никто и никогда не сможет полностью схватить истину реальности во всей ее полноте (см.: Ponterotto, 2005). Научный реализм в рамках логического эмпиризма способствовал развитию теорий в психологии, ориентируясь на понимание истины в логике и математике вкупе с пониманием истины как знания, которое соответствует реальности, а потому опирающегося на чувственный опыт.

Между тем систематический реалистический подход к науке разрабатывается не только в русле позитивизма. Предпринимаются попытки развития идей научного реализма в качестве альтернативы позитивизму. Р. Бхаскар (R. Bhaskar) предложил новую версию научного реализма, которая была обозначена как *трансцендентальный реализм*. Он основывается на классическом эмпиризме и трансцендентальном идеализме. Трансцендентальный реализм находится в поиске путей синтеза двух главных антипозитивистских критических позиций. Первую позицию представляют Т. Кун, И. Лакатос,

К. Поппер и др., которые подчеркивают социальный характер науки, социальные факторы развития и изменений в науке. Вторую позицию представляют Н. Хенсон (N. Hanson), Р. Харре (R. Harré), М. Хесс (M. Hesse), М. Скривен (M. Scriven), которые весьма критичны к дедуктивистской точке зрения на науку. Согласно трансцендентальному реализму, объекты знания не представляют собой ни феномены (эмпиризм), ни конструкции сознания, основанные на феноменах (идеализм). Вопреки эмпиризму трансцендентальный реализм понимает объекты знания как структуры, а не как отдельные явления или события. Вопреки идеализму трансцендентальный реализм понимает объекты знания как объекты реальности, а не собственные конструкции сознания (см.: Shames, 1990).

Априорные и эмпирические теории

Считается, что структура психологической теории складывается из некоторых базовых идей и утверждений, образующих ядро теории (ее центр), и вспомогательных по отношению к центру опыта и когнитивных конструкций (периферия теории) (см.: Юревич, 2004). В данном параграфе теории подвергаются анализу в ином контексте — не в плане их общей структуры, а, напротив, в плане своеобразия теорий при их дифференциации на эмпирические и априорные (метафизические). В чем состоит отличие эмпирических теорий от априорных (метафизических)? Во-первых, ответы на этот вопрос могут быть содержательными. Во-вторых, различия между эмпирическими и априорными (метафизическими)

теориями можно проводить по эмпирическим основаниям.

Содержательные различия

Априорные (метафизические) теории претендуют на постижение предельной реальности, открытие первопричин и сущности, которые носят принципиально вневещественный характер и находятся *за пределами* той информации о мире, которую получает человек прямо или косвенно через органы чувств. Эмпирические теории, напротив, исследуют природу реальности *в пределах* информации, поступающей к человеку через его органы чувств. Эмпирические теории направлены на выявление происхождения ближайших, а не далеких (предельных) причин. Подобно априорным эмпирические теории тоже носят вневещественный характер. Но эта дорога приводит к иной, чем сущность, реальности. Эмпирические обобщения и теории направлены на понимание, объяснение, предсказание явлений и событий, имеющих чувственный характер, открытие законов и обнаружение причин, опять-таки относящихся к сфере явлений и событий, имеющих чувственный характер. С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003) понимал сущность не только за «поверхностью» явлений (как понимают сущность метафизики), но в самих явлениях, существенное в них. Своеобразным выражением сущности, по С.Л. Рубинштейну, одним из ее значений может служить понятие «эмпирическое обобщение». Эмпирическое обобщение — это движение исследовательского мышления в направлении к сущности, приближение к ней в самих явлениях. В то время как мета-

физические теории пытаются объяснить сущности (за пределами явлений), эмпирические теории пытаются объяснять явления (в поисках сущности в них). Это значит, что метафизические и эмпирические теории *расходятся по своему предмету*.

Другое отличие эмпирических теорий от априорных (метафизических) теорий заключается в том, какова степень их абстрагированности, или насколько они «удалены» от чувственного опыта. Есть основания полагать, что уровень абстрагированности метафизических теорий может существенно превосходить таковой у эмпирических теорий. Как отмечают Дж. Кларк и А. Пайвио (Clark, Pavió, 1989), эмпиристы считают, что в сравнении с теоретическими эмпирические понятия более непосредственно привязаны к перцептивному опыту. Рационалисты, напротив, утверждают, что любые научные понятия, в том числе эмпирические, в равной степени теоретически нагружены. Эмпирические исследования в области когнитивной психологии свидетельствуют о том, что различия между эмпирическими понятиями и метафизическими понятиями все же имеют место. Они идут параллельно с различиями между конкретным и абстрактным, невербальным и вербальным. Можно полагать, что эмпирические теории являются более конкретными и менее абстрактными в сравнении с метафизическими теориями, которые характеризуются скорее высокой степенью абстрактности, чем конкретности.

Каков объем и насколько детализированы эмпирические и априорные (метафизические) теории — третье содержательное основание, по

которому они отличаются друг от друга. Как известно, объем понятия определяется совокупностью обобщенных в нем явлений, а содержание — совокупностью признаков, по которым обобщаются и выделяются явления. По объему и содержанию обычно различают философские, общенаучные и теоретические понятия. Можно добавить в этот ряд эмпирические понятия и остановиться на различиях между теоретическими и эмпирическими понятиями по их объему и содержанию. В психологической науке *теоретическое* понятие имеет высокие уровни обобщения и поднимается до уровня категорий (например, «образ», «мотив», «переживание») (см.: Петровский, Ярошевский, 2003). В соответствии с законом формальной логики об обратном отношении между объемом и его содержанием, *теоретическое* понятие (в сравнении с эмпирическим) имеет больший объем (обозначает множество явлений), но более бедное содержание (в части описания конкретных признаков отдельных явлений). В сравнении с теоретическим *эмпирическое* понятие, напротив, описывает реальность более фрагментарно, имеет более низкие уровни обобщения и абстракции. Однако при малом объеме (обозначаются отдельные явления) эмпирическое понятие наполнено более конкретным содержанием (при описании явления выделяются признаки, присутствующие данному явлению). Экстраверсия, доминантность, самооценка, вербальный интеллект, пластичность — примеры эмпирических понятий; их объем меньше, а содержание больше (богаче), чем у собственно теоретических понятий. Если

совершить переход от понятий к теориям, то можно думать, что эмпирические теории в сравнении с априорными (метафизическими) имеют меньший объем, но более богатое (конкретное) содержание. Сверх того, как отмечают Дж. Кларк и А. Пайвио (Clark, Paivio, 1989), эмпирические понятия, описывая факты наблюдения, имеют больше надежных и определенных значений, чем метафизические понятия.

Различия по эмпирическим основаниям

Традиционный в XIX — первой половине XX в. взгляд заключался в том, что эмпирические науки получают знание по преимуществу индуктивным путем, начиная с наблюдения и эксперимента, т. е. эмпирические науки отправляются от опыта, «снизу вверх», индуктивно. Метафизика, напротив, строит теории, применяя дедуктивный метод, начиная с абстрактных сверхшироких категорий и понятий, т. е. выводит теории, так сказать, из чистого мышления, направляя его «сверху вниз», и остается при этом, как правило, в границах самого мышления. Считалось (например, неопозитивистами), что научными являются только те понятия (представления или идеи), которые выводятся из опыта. Проблема заключалась в том, чтобы определить критерии различий между научными (эмпирическими) теориями и априорными (метафизическими) теориями. К. Поппер (Поппер, 1935/2005) обозначил поиск критерия для выявления различия между эмпирическими теориями и метафизическими теориями *проблемой демаркации*.

Вначале подразумевалось, что критерий демаркации обнаруживается в употреблении индуктивной логики: эмпирические теории являются результатом применения именно индуктивной логики. Однако К. Поппер отказался от индуктивной логики как критерия демаркации (Поппер, 1935/2005). По его мнению, индуктивная логика не устанавливает подходящего признака, по которому можно отличать эмпирические теории от метафизических. Нужен другой критерий демаркации, но он должен быть эмпирическим и не иметь метафизического характера. Этот критерий должен описывать мир возможного опыта — так, чтобы его можно было отличить от мира метафизических идей. Таким критерием, по К. Попперу, является эмпирическая проверка. Эмпирические теории можно подвергать проверке по опытному основанию. Метафизические теории, напротив, невозможно в принципе подвергать проверке по опытному основанию. Опыт с этой точки зрения выступает как специфический *метод*, посредством которого можно отличать эмпирические теории от метафизических, а теория познания применительно к эмпирическим наукам предстает как теория опыта, или теория эмпирического метода.

Между тем использование опыта, или эмпирического метода, в качестве критерия демаркации приводит к тому, что к эмпирическим теориям применим дедуктивный, а не индуктивный метод. Следствием попперовской демаркации является то, что эмпирические теории отличаются от метафизических по критерию их «чувствительности» к эмпирической

проверке, но эти же теории сходятся в том, что обе используют по преимуществу дедуктивный метод. Существуют много вариантов решения проблемы демаркации: джастификационизм (верификация), пробабиллизм, фальсификационизм, фаллибилизм, их разновидности. Проблема демаркации может решаться как индуктивным, так и дедуктивным путем. Эти вопросы подвергает детальному критическому анализу И. Лакатос (Лакатос, 1995).

Почему психология эмпирическая? (Вместо заключения)

Вдумчивый читатель, конечно, задумается: почему ставится проблема психологии эмпирической, казалось бы, речь шла о психологической науке в целом? Можно задуматься и над иным вопросом: сколь долго в отечественной психологии будет в почете произвол мышления и априорность, свободные от необходимости доказательств эмпирическими средствами? Вопросы эти разные, но по своей сути они об одном — о том, что есть психологическая наука.

Западная академическая психологическая наука основывается на теориях и даже метатеориях. По преимуществу они опираются на эмпирические свидетельства и сверяют свои теоретические положения с ними. Для западной психологической науки это аксиома. В российской психологии ситуация прямо противоположная: слишком много теорий и слишком мало эмпирических свидетельств в их пользу (см.: Мартиндейл, 2000). В рамках западной академической традиции понятия пси-

хологической науки и эмпирической психологии почти смыкаются (см., напр.: Ardila, 2007; Gergen, 2001; Koch, 1980; Miller, 2004; van Fraassen, 2002). Вряд ли то же можно сказать об отечественной психологии. В ней избыточно много внимания уделяют чисто логическим построениям и обсуждению метафизических вопросов. В таких обстоятельствах роль эмпирической психологии весьма велика: она развивает и укрепляет статус отечественной психологии как академической науки.

Эмпирическая психология включает как чувственное, так и рациональное познание, направлена своим острием против произвола мышления, априорности и ее предельной формы — метафизики. Основной пафос эмпирической психологии заключается в том, что она стремится отделять мышление истинное, т. е. описывающее, предсказывающее, объясняющее мир людей, от мышления небесспорного, сомнительного, а порой и ложного. Эту задачу нельзя решить только мышлением, но возможно посредством дополнительного и внешнего по отношению к нему критерия. Таковым является эмпирический критерий. Вряд ли он может претендовать на универсальность. Но в определенном диапазоне он позволяет решать главную задачу — отделять продукты мышления, соотносящиеся с реальным миром людей, от продуктов мышления, уводящих исследователя от мира в область чистого мышления или пре-

дельных категорий и понятий, недоступных для эмпирической верификации.

Психологическая наука не может быть исключительно теоретической дисциплиной. Конечно, собственно теоретическая психология имеет и должна иметь право на существование. Она имеет собственные предмет и логику развития безотносительно к эмпирической психологии. Но это не значит, что психологическая наука сводится к теоретической (априорной) психологии. Помимо априорных, психологическая наука необходимо строит теории, основанные на фактах, и подвергает их проверке фактами. Это и есть эмпирическая психология со своим собственным теоретическим и эмпирическим базисом. Для отечественной психологии эмпирическая психология — это этап, этап движения в сторону академической психологической науки. Ставить знак равенства между ними пока преждевременно. До тех пор пока в отечественной психологии не станет общим правилом эмпирическое тестирование идей, выделение эмпирической психологии в самостоятельный раздел познания и знания остается злободневным и актуальным. Можно выразить осторожный оптимизм, что наступят времена, когда в отечественной психологии понятие «эмпирическая психология» будет избыточным, поскольку ее задачи и функции будет выполнять «нормальная» академическая психологическая наука. Но такие времена еще не наступили.

Литература

- Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии (На пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44–65.
- Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85–96.
- Васильев В.В.* Учение о душе в метафизике 18 века. Барнаул: АлтГУ, 2000.
- Васильев В.В.* История философской психологии. Западная Европа — XVIII век. Калининград: ГП «КТГ», 2003.
- Вундт В.* Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 3–6.
- Выготский Л.С.* Предисловие // Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. Л.: Госиздат, 1925. С. 5–23.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование (1927) // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 292–436.
- Дорфман Л.Я.* Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.
- Дорфман Л.Я.* Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005.
- Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2008.
- Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006. (Первое оригинальное издание — 1781.)
- Корнилова Т.В.* Экспериментальная психология. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Корнилова Т.В.* Экспериментальный метод как путь к причинному объяснению в психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 2. С. 3–22.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2008.
- Кочубей Б.И.* В защиту эмпиризма // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 68–72.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
- Мартиндейл К.* Генеральная парадигма эмпирической эстетики // Творчество в искусстве — искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. М.: Наука; Смысл, 2000. С. 36–44.
- Петров В.М.* Количественные методы в искусствознании. М.: Академический проект, 2004.
- Петров В.М., Голицын Г.А.* Информация. Поведение. Язык. Творчество. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. М.: Академия, 2003.
- Поппер К.* Логика научного исследования / Под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005. (Впервые опубликовано: Popper K.R. Logik der Forschung. Wien: J. Springer, 1935.)
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / Науч. ред. Е.А. Мамчур. М.: Логос, 1998.
- Челпанов Г.И.* Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: ЛКИ, 2007. (Первое издание — 1900.)

- Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. С. 481–497. (Впервые опубликовано в журнале: Science, Language and Human Rights. American Philosophical Association, Eastern Division. Philadelphia, 1952. Vol. 1. P. 43–86.)
- Юревич А.В. Структура психологических теорий // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 20–36.
- Ярошевский М.Г. Марксизм в советской психологии // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 24–44.
- Ярошевский М.Г. Эмпирическая психология // Общая психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского (Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. В 6 т.). М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 92.
- Ardila R. The nature of psychology: The great dilemmas // American Psychologist, 2007. 62. 8. 906–912.
- Bargh J.A., Ferguson M.J. Beyond behaviorism: On the automaticity of higher mental processes // Psychological Bulletin. 2000. 126. 6. 925–945.
- Bennett J. Rationality. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.
- Boyd R. Scientific Realism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2002 Edition), E.N. Zalta (ed.). Электронная версия: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2002/entries/scientific-realism/>.
- Brentano F. Psychology from an empirical standpoint. London: Routledge & Kegan Paul, 1874.
- Bridgman P.W. The logic of modern physics. New York: Macmillan, 1927.
- Brock A.C. Rediscovering the history of psychology: Interview with Kurt Danziger // History of Psychology. 2006. 9. 1. 1–16.
- Cacioppo J.T., Berntson G.G., Semin G. R. Scientific symbiosis represents the mutual benefit of iteratively adopting the perspective of Realism and Instrumentalism // American Psychologist. 2005. 60. 347–348.
- Cacioppo J.T., Semin G.R., Berntson G.G. Realism, instrumentalism, and scientific symbiosis: Psychological theory as a search for truth and the discovery of solutions // American Psychologist. 2004. 59. 4. 214–223.
- Carnap R. Empiricism, semantics and ontology // L. Linsky (ed.). Semantics and the philosophy of language. Urbana: University of Illinois Press, 1952.
- Carpintero H. Watson's behaviorism: A comparison of the two editions (1925 and 1930) // History of Psychology. 2004. 7. 2. 183–202.
- Clark J.M., Paivio A. Observational and theoretical terms in psychology: A cognitive perspective on scientific language // American Psychologist. 1989. 44. 500–512.
- Comte A. The positive philosophy of Auguste Comte. New York: Blanchard, 1855. (Original work published 1839–1842.)
- Craik F.I. Will cognitivism bury experimental psychology? // Canadian Psychology / Psychologie Canadienne. 1991. 32. 3. 440–444.
- Crosby D.A., Viney W. Toward a psychology that is radically empirical: Recapturing the vision of William James // Donnelly M.E. (ed). Reinterpreting the legacy of William James (pp. 101–117). Washington, DC: American Psychological Association, 1993.
- Danziger K. Making social psychology experimental: A conceptual history, 1920–1970 // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2000. 36. 329–347.
- Dawson M.R. Empirical issues in theoretical psychology: Comment on Kukla // American Psychologist. 1990. 45. 6. 778–780.
- Empiricism // Encyclopædia Britannica. Retrieved January. 2008. 26 from Encyclopædia Britannica Online: <http://www.britannica.com/eb/article-9108677>.

- Eysenck M.W.* Cognitive psychology, history of // M.W. Eysenck (ed.). The Blackwell dictionary of cognitive psychology. Oxford: Blackwell Reference, 1994. P. 61–66.
- Eysenck H.J.* The objectivity and lawfulness of aesthetic judgments // L. Dorfman, C. Martindale, D. Leontiev, G. Cupchik, V. Petrov, P. Machotka (eds.). Emotion, creativity, and art. Perm, 1997. Vol. 1. P. 5–35.
- Fraassen B.C. van* The empirical stance. New Haven, CT: Yale University Press, 2002.
- Gavin E.A.* The causal issue in empirical psychology from Hume to the present, with emphasis upon the work of Michotte // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2006. 8. 3. 302–320.
- Gergen K.* Psychological science in a postmodern context // American Psychologist. 2001. 56. 803–813.
- Green C.D.* Of immortal mythological beasts: Operationism in psychology // Theory & Psychology. 1992. 2. 291–320.
- Haig B.D.* Psychology needs Realism, not Instrumentalism // American Psychologist. 2005. 60. 4. 344–345.
- Hardcastle G.* The cult of experiment: The Psychological Round Table, 1936–1941 // History of Psychology. 2000. 3. 4. 344–370.
- Helmholtz H. von* On the relation of natural science to science in general // D. Cahan (ed.). Hermann von Helmholtz: Science and culture, popular and philosophical essays. Chicago: University of Chicago Press, 1995a. P. 76–95. (Original work published 1862.)
- Helmholtz H. von.* The aim and progress of physical science // D. Cahan (ed.). Hermann von Helmholtz: Science and culture, popular and philosophical essays. Chicago: University of Chicago Press, 1995b. P. 204–225. (Original work published 1869.)
- Hickok L.P.* Empirical psychology: Or, the human mind as given in consciousness. Schenectady, NY: G.Y. Van Debogert, 1855.
- Hooker C.A.* A realistic theory of science. New York: SUNY Press, 1987.
- Howard G.S.* Philosophy: Philosophy of science // A.E. Kazdin (ed.). Encyclopedia of psychology, Vol. 6. Washington, DC: American Psychological Association; Oxford University Press, 2000. P. 180–184.
- Hunt H.T.* Why psychology is / is not traditional science: The self-referential bases of psychological research and theory // Review of General Psychology. 2005. 9. 4. 358–374.
- James W.* A world of pure experience // Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods. 1904. 1. 533–543, 561–570.
- Kimble G.A.* Psychology from the standpoint of a generalist. American Psychologist. 1989. 44. 3. 491–499.
- Koch S.* The nature and limits of psychological knowledge: Lessons of a century qua science // American Psychologist. 1980. 36. 3. 257–269.
- Kukla A.* Scientific realism, scientific practice, and the natural ontological attitude // The British Journal for the Philosophy of Science. 1994. 45. 955–975.
- Lau M.Y.* Ontological and epistemic claims of Realism and Instrumentalism // American Psychologist. 2005. 60. 4. 345–346.
- Lindner G.A.* Manual of empirical psychology. D. C. Heath, 1894.
- Lukasiewicz. J.* O nauce // Gradient. 1994. 3–4. 20. 75–99. (Первое издание: O nauce // Poradnik dla samoukow. Wydanie nowe. T. I. Warszawa, 1915.)
- Martindale C.* The foundation and future of the Society for the Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2007. 1. 3. 121–132.
- Mathieson C.M.* Review of Positivism in psychology: Historical and contemporary

- problems // Canadian Psychology / Psychologie Canadienne. 1993. 34. 4. 467–469.
- Medin D.L., Ross B.H., Markman A.B.* Cognitive psychology. 3rd ed. Fort Worth, TX et al.: Harcourt College Publishers, 2001.
- Metaphysics // Encyclopædia Britannica. Retrieved. 2008. March 4 from Encyclopædia Britannica Online: <http://www.britannica.com/eb/article-15746>.
- Miller R.B.* Psychology and science // Miller R.B. Facing human suffering: Psychology and psychotherapy as moral engagement. Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 115–157.
- Morris E.K., Todd J.T.* Watsonian behaviorism // W. O'Donohue, R. Kitchener (eds.). Handbook of behaviorism. San Diego, CA: Academic Press, 1999. P. 15–69.
- Mos L.* A review of Methods of Theoretical Psychology, Andréé Kukla, Cambridge, MA : MIT Press // Canadian Psychology. 2002. 43. 2. 127–134.
- Ponterotto J.G.* Qualitative research in counseling psychology: A primer on research paradigms and philosophy of science // Journal of Counseling Psychology. 2005. 52. 2. 126–136.
- Proctor R.W., Capaldi E.J.* Empirical evaluation and justification of methodologies in psychological science // Psychological Bulletin. 2001. 127. 6. 759–772.
- Psillos S.* Scientific realism: How science tracks truth. London: Routledge, 1999.
- Rand B.* Moritz Wilhelm Drobisch (1802–1896): Empirical psychology according to the methods of natural science // B. Rand (ed.). The classical psychologists: Selections illustrating psychology from Anaxagoras to Wundt. Boston, MA: Houghton, Mifflin and Co, 1912. P. 432–447.
- Rationalism // Encyclopædia Britannica. Retrieved 2008. January 26 from Encyclopædia Britannica Online: <http://www.britannica.com/eb/article-9108684>.
- Robinson D.N.* Philosophy of psychology at the turn of the century // American Psychologist. 2000. 55. 9. 1018–1021.
- Rorty R.* Wittgensteinian philosophy and empirical psychology // Philosophical Studies. 1977. 31. 3. 151–172.
- Ruckmick C.A.* Empirical psychology // The American Journal of Psychology. 1928. 40. 1. 166–168.
- Rychlak J.F.* A philosophy of science for personality theory. Boston, MA: Houghton, Mifflin and Co, 1968.
- Shames M.L.* On data, methods, and theory: An epistemological evaluation of psychology // Canadian Psychology. 1990. 31. 3. 229–238.
- Simonton D.K.* Historiometric methods in social psychology // European Review of Social Psychology. 1998. 9. 267–293.
- Simonton D.K.* Historical trends in art and art criticism: Historiometric perspectives // Psychoanalysis and Contemporary Thought. 1999. 22. 687–703.
- Skinner B.F.* Current trends in experimental psychology // Skinner B.F. Cumulative record (enlarged ed.). East Norwalk, CT: Appleton-Century-Crofts (This lecture was given in March, 1947, at the first annual conference on Current Trends in Psychology at the University of Pittsburgh), 1961. P. 223–241.
- Skinner B.F.* Verbal behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957.
- Strasser S.* The soul in metaphysical and empirical psychology. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1962.
- Timothy D.L.* Scientific realism and the stratagema de divide et impera // The British Journal for the Philosophy of Science. 2006. 57. 537–560.
- Titchener E.B.* Brentano and Wundt: Empirical and experimental psychology // American Journal of Psychology. 1921. 32. 108–120.

Toulmin S., Leary D.E. The cult of empiricism in psychology, and beyond // S. Koch, D. Leary (eds.). A century of psychology as science. Washington, DC: American Psychological Association, 1992. P. 594–617.

Watson J.B. Behaviorism. New York: Norton, 1925.

Wendt Jr.D.C., Slife B.D. Is evidence-based practice diverse enough? Philosophy of science considerations // American Psychologist. 2007. 62. 6. 613–614.

Wundt W. Outlines of psychology. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1897.

Wundt W. Principles of physiological psychology. New York: Macmillan, 1904.

Теоретико-эмпирические исследования

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УРОВНЕВОГО ПОДХОДА К ВНИМАНИЮ

И.С. УТОЧКИН

Уточкин Игорь Сергеевич — старший преподаватель факультета психологии ГУ ВШЭ, кандидат психологических наук.

Сфера интересов — психология восприятия, внимания, памяти, методология психологического эксперимента. Основные направления исследований — влияние неосознаваемых процессов на внимание и научение, ошибки зрительного внимания (в частности, феномена «слепоты к изменению»), зрительное восприятие пространства. Контакты: isutochkin@inbox.ru

Резюме

В статье исследуется возможность приложения уровневого подхода к исследованиям внимания. Из теоретических посылок уровневого подхода к познанию и психологии внимания, а также из эмпирических данных выводятся 4 базовых принципа уровневой архитектуры внимания. Предлагается вариант программы эмпирических исследований внимания, диктуемый логикой уровневого подхода. Наконец, на основе экспериментальных данных, полученных с применением различных методик, дается 5-уровневая модель организации процессов внимания. Приводятся примеры эмпирических исследований автора, интерпретируемых в рамках уровневого подхода: в первом демонстрируется действие одного из заявленных базовых принципов — принципа избыточности — в задаче на зрительное обнаружение; во втором — различия в эффективности запоминания одного и того же материала и в переживаниях субъективной уверенности мнемических суждений, в зависимости от ведущего уровня внимания, на котором решалась задача.

Ключевые слова: *внимание, уровневый подход, ведущий уровень, фоновые уровни, иерархия, принцип избыточности*

Введение

Психология внимания — одна из самых проблемных областей общей психологии на протяжении всей истории этой дисциплины — остается таковой и в настоящее время. Глобальные споры ведутся по поводу определения внимания, по поводу его связи с сознанием и деятельностью. Ю.Б. Дормашев и В.Я. Романов (Дормашев, Романов, 2002) отмечают, что в литературе можно обнаружить не менее полусотни различных определений. Предметом дискуссии является сам факт существования внимания как самостоятельной психологической реальности (или психической функции), имеющей статус причинно действующей силы. Эти проблемы, которые являлись предметом споров в классической психологии сознания, гештальтпсихологии и других школах конца XIX — начала XX в., не решены и в когнитивной психологии, в русле которой осуществляется большинство современных исследований внимания.

Целью данного обзора не является нахождение окончательных или, по крайней мере, непротиворечивых решений указанных проблем. Скорее, это попытка задать некую интегральную логику, позволяющую расширить представления о месте внимания в деятельности человека, а также рассмотреть разнообразные процессы внимания в функциональном единстве. Обзор представляет собой оригинальное приложение зарекомендовавшего себя в смежных

предметных областях уровневого подхода к активности. И несмотря на серьезные методологические проблемы современной когнитивной психологии внимания, именно эмпирические находки и достижения когнитивных психологов, на наш взгляд, в значительной мере обеспечивают почву для уровневого подхода.

Иерархическая структура задачи на внимание

В психологии внимания не существует единства в понимании ее предмета, т. е. разные исследователи руководствуются разными определениями. Так, исследователи бдительности под вниманием понимают уровень активированности организма (Parasuraman, 1984). Те, кто изучают пространственно-временные характеристики зрительного внимания, рассматривают его как «клей», связывающий сенсорные характеристики объектов в целостные образы (Treisman, Gelade, 1980), или как прожектор, перемещающийся по зрительному полю и освещающий его участки (Posner, 1988). В последние годы широкое распространение получило представление о внимании как об управляющем и контролирующем «органе» психики¹ (Posner, Fan, 2004).

В значительной мере подобное разнообразие определений объясняется простым обстоятельством: многообразие явлений внимания порождает многообразие исследовательских парадигм. Иными словами,

¹ Заметим, что в 50-е гг. XX в. определение внимания как функции психического контроля дал П.Я. Гальперин (Гальперин, 2005).

современная психология имеет дело с множеством операциональных определений, вытекающих из предпочтений авторами разных задач на внимание. Эту ситуацию, в частности, отмечает в предисловии к своей монографии Д. Канеман (Канеман, 2006). Несомненно одно: явления внимания очень разнообразны, как разнообразны и задачи, адресованные вниманию. Действительно, резкий поворот головы в ответ на внезапный громкий звук, пристальное обследование взглядом толпы людей в надежде увидеть уникальное лицо человека, которого вы долго ждете, и сосредоточенное вчитывание в скучный текст — явления, имеющие больше различий, чем сходств. Все это — разные задачи на внимание, имеющие свою структуру. Зачастую эта структура довольно сложна.

Разрабатывая проблематику управления движением, Н.А. Бернштейн предложил революционный термин «двигательная задача». Когда организм строит свое движение, он сталкивается с действием внешних и внутренних сил, которые могут воспрепятствовать достижению цели (Бернштейн, 1966). Следовательно, по представлениям Н.А. Бернштейна, система управления движением снабжена обратными связями, позволяющими корректировать эффективный компонент действия в соответствии с заданной программой достижения цели. Принципиальным для нас является следующее положение Н.А. Бернштейна: коррекции текущего движения производятся на нескольких уровнях, каждый из которых предназначен для осуществления одного из множества компонентов сложной программы. Так, на

первом уровне регулируется мышечный тонус, на втором — взаиморасположение частей тела в пространстве, на третьем — движения, согласование с организацией пространства, на четвертом — действия в соответствии с логикой предметов, на верхнем — операции с символической информацией. Ключевой для достижения цели (смысловой) компонент программы выводит один из уровней на позицию *ведущего*. Остальные уровни продолжают работать параллельно, но в роли *фоновых*. Важнейшим аспектом работы ведущего уровня является осознание его содержаний. Работа фоновых уровней остается за рамками сознания.

В ходе научного анализа процессов внимания многие авторы особенно выделяют такое его свойство, как *избирательность*. Иными словами, вне зависимости от признания или непризнания статуса самого внимания как самостоятельного процесса за ним практически всегда признается функция селекции (например: Гиппенрейтер, 2005; Джемс, 1911; Канеман, 2006; Treisman, Gelade, 1980 и др.). Следовательно, свое максимальное влияние внимание приобретает там, где особенно остро стоит проблема выбора из ряда альтернатив, т. е. либо при высокой неопределенности исходных условий (например, поиск целевого объекта в зрительном поле, напряженное ожидание слабого и редкого, но очень важного события, решение математической задачи со сложным набором условий), либо при возникновении конфликта между одновременно протекающими процессами (как, например, в классической задаче на внимание — тесте Струпа). Неопределенность,

заложенная в условиях задачи, может одновременно иметь сразу несколько источников. Однако, как и в случае двигательной задачи, источники неопределенности могут быть неравнозначными по отношению к той цели, которой субъект пытается достичь, решая задачу на внимание. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, предложим читателю небольшой мысленный эксперимент. Для этого нужно представить себе, как ведет себя человек, который заочно договорился о встрече в многолюдном месте (например, на станции метрополитена в «час пик») с другим человеком, которого он никогда не видел, следовательно, не знает его в лицо. Вся информация, которой располагает наш гипотетический испытуемый, — общее описание примет своего визави (примерный рост, цветовая гамма одежды), оговоренное место (например, у первого вагона поезда, идущего в центр) и приблизительное время встречи. Данная задача осложнена, по крайней мере, тремя источниками неопределенности. Первый источник — неопределенность характеристик целевого стимула: предложенные приметы настолько общие, что могут подойти не одному прохожему, да и самих прохожих так много, что пропустить потенциальную «цель» весьма вероятно. Второй источник неопределенности: хотя время встречи приблизительно оговорено, ожидание может затягиваться, если, например, по какой-либо причине ожидаемое лицо задерживается, т. е. неизвестен момент, когда вероятнее всего можно ожидать появления «цели». Наконец, третий источник неопределенности: пространство поиска доста-

точно обширно, и для того, чтобы не пропустить цель, нашему испытуемому приходится постоянно «сканировать» пространство вокруг себя. Однако три названных источника занимают не равное положение в структуре задачи. В данном примере основу задачи составляет поиск объекта с заданными целевыми характеристиками, это ее *смысловой*, или *ведущий*, уровень (в терминах Н.А. Бернштейна), или *цель* (в терминах А.Н. Леонтьева). Пространственная и временная неопределенность — внешние *условия* этой задачи, осложняющие достижение цели, но они вторичны по отношению к поиску объекта. Внимательно вглядываясь в поток идущих по платформе пассажиров, наш испытуемый, прежде всего, будет отмечать, кто похож на ожидаемого человека по росту или предметам одежды, и именно этот процесс сличения будет, в первую очередь, «владеть» его сознанием, что, по мнению Н.А. Бернштейна, свойственно *ведущему* уровню. Однако дополнительная информация о других источниках неопределенности позволяет облегчить задачу, структурировать процесс поиска, т. е. более эффективно *управлять* своим *вниманием*. Например, прибытие очередного поезда сигнализирует о том, что из него может выйти ожидаемый человек, а значит, нужно быть особенно *бдительным*, пока толпа пассажиров из этого поезда не поредет. Далее, если местом встречи назначен район первого вагона по направлению к центру, то, вероятнее всего, именно из этого вагона следует ожидать появления «цели», поэтому внимательное «сканирование» пространства можно ограничить относи-

тельно узкой областью и лишь изредка возвращаться к другим областям. В реальных экспериментах было показано, что ожидания, формирующиеся при регулярном повторении пространственных и временных характеристик стимульных событий, в отношении которых поставлена задача, действительно положительно сказываются на результатах выполнения тестов на устойчивое внимание (см.: Гусев, 2004).

Предложенный мысленный эксперимент демонстрирует, что задача на внимание может иметь сложную иерархическую структуру. В такой задаче участие внимания необходимо для преодоления одного типа неопределенности (непосредственно связанного с целью) и желательно для преодоления других, соответствующих условиям задачи. В этом смысле *задача на внимание* может быть уподоблена двигательной задаче, в терминах Н.А. Бернштейна (Бернштейн, 1966).

В начале 80-х гг. XX в. Ю.Б. Гиппенрейтер (Гиппенрейтер, 2005) предложила оригинальное использование подхода Н.А. Бернштейна к анализу перцептивной активности, которую она и ее коллеги изучали на материале движений глаз (см.: Гиппенрейтер, 1978). Внимание, согласно определению Ю.Б. Гиппенрейтер, «*есть феноменальное и продуктивное проявление работы ведущего уровня организации деятельности*» (Гиппенрейтер, 2005, с. 551). Дальнейшей детализации уровневого представления о

внимании в работах Ю.Б. Гиппенрейтер не последовало².

В последние годы тенденция к развитию *уровневого подхода* к процессам внимания наметилась в русле когнитивной психологии. На более раннем этапе развития этого направления уровневая модель была продуктивно применена для объяснения ряда феноменов, касающихся извлечения информации из памяти, одна из самых известных работ была опубликована в 1972 г. канадскими авторами Ф. Крейком и Р. Локхартом (Craik, Lockhart, 1972).

Переход к уровневой интерпретации внимания, на наш взгляд, является одним из возможных следствий осознания широчайшего многообразия его проявлений. Исследователи, пытающиеся выйти за рамки схем анализа, диктуемых отдельными экспериментальными методиками, все чаще считают корректным говорить о *множестве специальных механизмов внимания*, чем о едином процессе (например: Величковский, 2006; Pashler, 1998; Posner, Fan, 2004). По-видимому, эти механизмы специфичны по отношению к различным компонентам решаемой задачи, так же как уровни построения движений специфичны для различных компонентов двигательной задачи.

М. Познер, основываясь на данных умственной хронометрии и нейрофизиологии, обосновывает идею *сетей внимания* (attentional networks) — системы, состоящей из трех компонентов, различающихся по

² Стоит отметить, что такого рода детализация не предусмотрена самой логикой концепции Ю.Б. Гиппенрейтер, поскольку автор рассматривает внимание как один из аспектов любой деятельности, в том числе перцептивной, а не как самостоятельный процесс.

функциям, мозговой локализации и времени созревания в онтогенезе (Posner, Fan, 2004). Первая система — *бдительность* (alerting) — обеспечивает общий уровень готовности к приему информации независимо от ее источника. Система *ориентировки* (orienting) обеспечивает селективную настройку на определенный сенсорный канал, заданный физическими признаками стимула, в первую очередь пространственными. Наконец, система *управления и контроля за исполнением* (executive control) принимает участие в принятии решения, выявлении ошибок и подавлении автоматизированных ответов (как, например, тенденция к чтению слов вместо требуемого названия цвета шрифта в тесте Струпа). Несмотря на отсутствие упоминания М. Познером термина «уровень», его концепция следует логике уровневых подходов. Сама экспериментальная методика, разработанная им для диссоциации трех названных систем, представляет собой задачу на внимание с иерархической структурой. В ней испытуемый должен дать ответ о право-левой ориентации некоторого объекта, преодолев интерференцию со стороны сходных объектов противоположной ориентации по обе стороны от цели (фланговая задача), — ведущим уровнем здесь выступает система управления и контроля. Системы бдительности и

ориентировки также задействованы в выполнении данного теста, но в фоновом режиме. Так, в одних пробах предъявлению цели предшествует предупреждающий сигнал, а в других — нет, что апеллирует к системе бдительности, а сам предупреждающий сигнал в виде указующих стрелок в центре экрана или подсветки потенциальной пространственной позиции цели (иногда, впрочем, показывающий и неверное направление) позволяет оценивать и вклад системы ориентировки.

Б.М. Величковский (Величковский, 2006; Velichkovsky, 2002) в рамках исследований движений глаз в зрительных задачах рассматривает в составе собственно перцептивного внимания³ два уровня, соотносимые с традиционно выделяемыми мозговыми «путями» обработки зрительной информации — вентральным и дорзальным. Филогенетически более ранняя система, получившая в терминологии Б.М. Величковского название *амбьентного* зрения (внимания), предназначена для быстрого и грубого обследования крупных сегментов зрительного поля. Второй уровень — *фокальное* внимание — обеспечивает более медленное, но более тонкое и содержательное исследование локальных элементов поля⁴.

Таким образом, налицо, по крайней мере, две уровневые по содержанию концепции, подкрепленные

³ Перцептивное внимание, соотносимое преимущественно с уровнями С и D, по Н.А. Бернштейну, встроено Б.М. Величковским в более широкий контекст 6-уровневой архитектуры когнитивных процессов, являющейся расширением 5-уровневой системы организации движения, по Н.А. Бернштейну.

⁴ Разделение двух перцептивных систем в соответствии с функциями амбьентного и фокального внимания в когнитивной психологии восходит к классической монографии У. Найссера

серьезным эмпирическим материалом. Однако и та и другая модель, на наш взгляд, являются фрагментарными. Эта фрагментарность заключается в двух моментах: 1) за скобками остается целый ряд проявлений внимания (в частности, касающихся решения задач на бдительность); 2) недостаточно определены общие механизмы функционирования уровневой системы как целого.

Развитие уровневого подхода к вниманию: принципы и методы

В данной статье мы пытаемся развить продуктивные идеи уровневого подхода (в том числе в вариантах М. Познера и Б.М. Величковского) в области построения теоретических представлений о внимании. Это развитие представляется нам возможным в первую очередь на основании эмпирических данных о различных типах задач на внимание. Из этих данных мы можем извлечь как недостающую информацию об общих принципах функционирования уровневой структуры внимания (хотя имеющиеся на настоящий момент эмпирические сведения позволяют установить эти принципы лишь схематично и в перспективе определяют некоторую исследовательскую программу), так и очертить некую методическую схему для прояснения и конкретизации этих принципов.

Основные принципы уровневой организации внимания следующие.

1. В зависимости от задачи любой из выделяемых уровней может выступать в качестве *ведущего* или *фонового*. При этом, по-видимому, решение некоторых задач требует последовательного переключения различных уровней из фонового режима в ведущий и обратно.

2. В отношении содержания ведущего уровня соблюдаются все критерии внимания (Гиппенрейтер, 2005): оно подлежит ясному осознанию (феноменальный критерий), селекции (критерий избирательности), преимущественному запоминанию (мнемический критерий), действия в отношении него более продуктивны (продуктивный критерий). Фоновые уровни в меньшей степени удовлетворяют общепринятым критериям внимания (особенно это касается феноменального критерия), однако их активность вносит специфический вклад в работу ведущего уровня. Именно это свойство фоновых уровней позволяет относить к вниманию не только ведущий уровень, но всю систему уровней целиком. Влияния фоновых уровней на работу ведущего широко изучаются в последние десятилетия в рамках исследований автоматических процессов психики (примеры конкретных работ приведены ниже).

3. Классический уровневый подход Н.А. Бернштейна (Бернштейн, 1966) предполагает *подчинение* процессов фоновых уровней ведущему, что способствует целенаправленному выполнению двигательной

(Neisser, 1967), однако в концепции этого автора стадия предвнимания (аналог амбьентного зрения у Б.М. Величковского) скорее является необходимой ступенью перед фокальной стадией, чем специализированным уровнем.

задачи. В отношении осуществления движения такая иерархия имеет однозначный биологический смысл: различные компоненты действия не могут обрабатываться «вразнобой», иначе движение не получится. По-видимому, система внимания допускает некоторые отступления от подобной «непререкаемой» иерархии. Скорее, в последнем случае справедлив **принцип избыточности**. Он заключается в том, что информация, субъективно не имеющая отношения к текущей задаче ведущего уровня, может, тем не менее, обрабатываться на фоновых уровнях, а впоследствии влиять на результат выполнения этой или другой задачи на внимание. Фоновые уровни, таким образом, занимают двойственное положение по отношению к ведущему: с одной стороны, подчиняются ему, если это необходимо, но, с другой стороны, в известной мере оказывают на него давление. Доказательства действия принципа избыточности получены в ряде исследований, где изучалось влияние игнорируемой по инструкции или по собственному намерению испытуемого информации на результаты выполнения перцептивных задач, требующих внимания. Эффекты избыточной информации, например, проявляются в тех случаях, когда нерелевантные элементы, загромождающие зрительное поле и отвлекающие внимание, дополняют до целого целевой объект. Например, Дж. Померанц приводит многочисленные примеры конфигурационных эффектов — парадоксального ускорения зрительного поиска при увеличении количества дистракторов, при условии что новые дистракторы дополняют уже

имеющиеся элементы до более сложных фигур, тем самым добавляя качественно новые, так называемые *эмерджентные* свойства (Pomerantz, 2003). Другой пример избыточности заключается в более успешном решении задачи на внимание с одним целевым объектом в присутствии аналогичных объектов, хотя и не являющихся релевантными (Miller, 2004; Theeuwes, 1994; Van der Heijden et al., 1983). Примерами избыточности могут служить и некоторые повседневные явления, описанные У. Джемсом (Джемс, 1911) и Н.Ф. Добрыниным (Добрынин, 2005). Например, слабый стимул, на который субъект не обращает внимания, после длительного монотонного повторения внезапно оказывается объектом внимания. Школьник, который не слушает на уроке скучные объяснения учителя, сразу же умолкает и начинает слушать, как только тот начинает рассказывать анекдот, хотя при условии предшествующего невнимания он не должен был уловить момент смены темы. Наконец, внимание, непроизвольно обращаемое на некоторые детали окружающего мира по привычке, на наш взгляд, также служит примером действия принципа избыточности. Вероятно, данный принцип имеет биологический смысл, поскольку увеличивает потенциальную приспособленность к решению текущей задачи (если случайно информация подойдет для ее решения), а также к решению множества задач, которые могут в любой момент вновь возникнуть перед организмом.

4. Из принципа избыточности логически (но еще не эмпирически!) следует идея принципа **нежесткой иерархии** при распределении «ро-

лей» между уровнями. Если принцип избыточности допускает относительно независимое функционирование фоновых уровней, то уровни, лежащие над ведущим, в принципе могут быть «уравнены в правах» с нижележащими, т. е. также выполнять свои операции. Стоит, однако, оговориться, что убедительных эмпирических данных в пользу этого принципа на настоящий момент немного. Вероятно также, что принцип *нежесткой иерархии* верен лишь для отдельных видов межуровневых взаимодействий. В последние годы, например, было обнаружено, что предъявление нерелевантных стимулов — букв (Lambert et al., 1999) или цифр (Fischer et al., 2003) — в задаче на скоростное обнаружение цели способно вызвать сдвиги пространственного внимания. Причем эти сдвиги обусловлены именно категориальными характеристиками стимулов, которые, согласно приведенной ниже классификации уровней внимания, а также классификации Б.М. Величковского (Величковский, 2006; Velichkovsky, 2002), должны анализироваться на уровне, расположенном выше, чем сам уровень пространственного внимания, которому адресована задача. Поскольку, по данным самоотчетов, испытуемые не осознают связи между нерелевантными стимулами и ориентировкой пространственного внимания, то имеет смысл говорить о работе вышележащего уровня именно в фоновом режиме. Отметим, что нежесткую иерархию между уровнями допускают и Б.М. Величковский, предлагающий термин «гетерархия» (Velichkovsky, 2002), и Ф. Крейк в позднем варианте своей теории уровней обработки (Craik, 2002).

Рассмотрение внимания как многоуровневой системы, разделенной на *ведущий* и *фоновые* уровни, предполагает построение особой программы эмпирического исследования для прояснения общих свойств этой системы и взаимоотношений между ее отдельными компонентами (уровнями). Отметим, что большинство современных исследований внимания направлены на выявление внутриуровневых механизмов. Например, исследования пространственно-временного связывания признаков дают информацию о механизмах так называемого объектного внимания, а данные, полученные с помощью известной методики подсказки, — о характеристиках внимания пространственного. (Представление об этих двух формах внимания как отдельных уровнях будет рассмотрено ниже.) Впрочем, попытки выявить связи между разными формами внимания (чаще всего между пространственным и объектным) также имеют место (собственно эти попытки и дают первичное эмпирическое основание для выделения уровней). Попытаемся кратко выделить типичные составляющие «уровневой» программы исследования.

1. Исследования **«вмешательств»** неосознаваемых или смутно осознаваемых содержаний в процесс решения основной задачи на внимание. Операционально «вмешательство» можно обозначить как *систематическое изменение количественных или качественных показателей решения задачи под действием субъективно нерелевантной информации по сравнению с контролем*. Однако ограничение такого определения состоит в том, что оно не дает достаточной

дифференциации собственно межуровневого «вмешательства» и внутриуровневой интерференции, которую можно объяснить ограничением на количество процессов *ведущего* уровня (Гиппенрейтер, 2005), или *ресурсов внимания* (Канеман, 2006). Это ограничение можно попытаться преодолеть благодаря дополнительной исследовательской процедуре, позволяющей развести компоненты задачи по ведущему и фоновым уровням (см. пункт 3). «Вмешательства» могут наблюдаться как на уровне микродинамики (в рамках одной или нескольких коротких проб эксперимента), так и на уровне макродинамики (в течение одной или нескольких экспериментальных серий). Самым известным примером «вмешательств» первого рода является прайминг-эффект (см. обзор: Фаликман, Койфман, 2005). К эффектам «вмешательств» второго рода относятся явления имплицитного научения (Уточкин, 2006, 2007; Bartolomeo et al., 2007; Lambert et al., 1999) и вероятностного прогнозирования (Фейгенберг, Иванников, 1978), а также неосознаваемого переноса способов решения одной задачи на другую.

2. Варьирование целевых аспектов стимуляции позволяет рассматривать различные уровни в качестве как ведущих, так и фоновых. Такой методический ход полезен для установления особенностей внутриуровневых механизмов в разных режимах, так и для выявления межуров-

невых взаимодействий. Так, испытуемому может быть предложена стимульная ситуация, в которой справа и слева от точки фиксации (пространственный фактор) предъявляются буквенные наборы, которые могут представлять собой слова родного языка или просто случайные наборы букв — не-слова (семантический фактор). Если испытуемому дать инструкцию на различение слов и не-слов (задача лексического решения), то ведущим будет уровень, оперирующий категориальными характеристиками объектов, а пространственный уровень — фоновым. Если при той же стимуляции потребовать, чтобы испытуемый локализовывал буквенные наборы независимо от их семантики, а по окончании серии описал бы особенности пространственной последовательности (например, какой процент наборов появился справа, какой слева)⁵, то «роли» пространственного и категориального уровней изменятся.

3. Как уже было сказано (см. пункт 1), поведенческих данных о «вмешательствах» в основную задачу не всегда достаточно, чтобы с уверенностью говорить об эффектах фоновых уровней. Решением этой проблемы до некоторой степени может стать использование специальных процедур **тестирования осознания**, которое, согласно классической уровневой модели, является прерогативой ведущего уровня (Бернштейн, 1966). Общее правило в данном

⁵ Отчет о пространственной последовательности гарантирует, что соответствующий (пространственный) уровень действительно окажется ведущим. Без этого выполнение простой задачи локализации с двумя альтернативами может быстро автоматизироваться и перейти в фоновый режим.

случае можно сформулировать следующим образом: *если имеет место «вмешательство» нерелевантной информации в результаты выполнения основной задачи, а тест осознания дает отрицательный результат* (т. е. показал смутное осознание или его отсутствие), *то, скорее всего, эта информация была отработана на фоновом уровне. Если и тест «вмешательства», и тест осознания дали положительный результат, то нерелевантная информация, скорее всего, была отработана на ведущем уровне.* Однако второй случай не дает точной информации о том, был ли это тот же уровень, на котором решалась основная задача, или другой, время от времени выходивший на ведущую позицию. В зависимости от предпочтений исследователя и особенностей материала тест осознания может быть прямым, т. е. в форме самоотчета (например: Уточкин, 2006; Lambert et al., 1999; Bartolomeo et al., 2007), или косвенным, т. е. с использованием процедур узнавания, дополнения до целого и т. п. (Jacoby, 1991; Reingold, Merikle, 1988).

Уровни организации внимания человека: предварительная классификация

В данном параграфе мы попытаемся выстроить основанную на многочисленных исследованиях внимания уровневую классификацию. Это предварительная попытка реализации уровневого подхода ко всему многообразию собственно процессов внимания с опорой на уже существующие продуктивные идеи авторов, давно занимающихся проблемой системного строения внимания.

1. Нижним уровнем системы внимания можно считать **тонический** уровень (функционально близкий нижнему уровню в модели Н.А. Бернштейна). Его задача — обеспечение общего (неспецифического) уровня активности организма. Этот уровень реализует функции внимания, понимаемого в контексте функционального, мотивационного и эмоционального состояний субъекта (Канеман, 2006; Линдсли, 1979; Hockey et al., 2003; Scerbo, 1998). Активность тонического уровня в качестве ведущего проявляется либо при патологиях (например, при некоторых локальных поражениях первого функционального блока мозга, когда управление активацией осуществляется с помощью особых речевых инструкций, — Хомская, 1972), либо в особых условиях деятельности (Гусев, 1989, 2004). К таким условиям, в частности, относится длительная (30 и более минут) работа в монотонном сенсорном окружении — типичная задача на *устойчивое внимание* (sustained attention) (Parasuraman, 1984). Снижение общего уровня активации ниже определенного уровня требует особых сознательных усилий по достижению нормального функционального состояния. Используемые на практике техники саморегуляции состояния также предполагают работу тонического уровня в качестве ведущего. В остальных условиях данный уровень чаще всего занимает положение фонового. Его фоновые эффекты чаще всего проявляются в нелинейных изменениях продуктивности решения задач, требующих внимания, которые, как правило, описываются законом Йеркса-Додсона (Yerkes, Dodson, 1908; Гусев,

Уточкин, 2006; Канеман, 2006). Специфические «вмешательства» этого уровня в процессы других уровней внимания довольно редки. К ним, в частности, можно отнести *феномены, индуцированные настроением* (mood induced phenomena) — преимущество в опознании и запоминании эмоциональных стимулов (выражений лиц, эмоционально окрашенной речи, смеха, плача и т. п.), конгруэнтных текущему эмоциональному состоянию человека (Moritz et al., 2004; Rusting, 1998).

2. Уровень **бдительности** (alerting) функционально близок тоническому в том смысле, что предназначен для обеспечения общего (неспецифического) уровня готовности. Тем не менее разница между двумя уровнями становится понятна, если рассмотреть характеристики задач, адресованных каждому из них. Тоническая задача — обеспечить нормальный уровень функционирования когнитивных систем. Задача на бдительность подразумевает ожидание любых потенциально значимых событий и обеспечение готовности реагировать на них. Хотя степень готовности, несомненно, тесно связана с общим возбуждением организма, предмет задачи на бдительность — это уже не само возбуждение, а окружающая среда с происходящими в ней событиями. Если работу тонического уровня можно связать с относительно долгосрочной (в масштабах минут) тонической активацией, то работу уровня бдительности — с кратковременной фазической (в масштабах секунд и миллисекунд) активацией. Работа уровня бдительности связана с *простым* обнаружением или различением, т. е. ответом

на любое событие или объект, сенсорные характеристики которого превышают текущую фоновую стимуляцию или способствуют выделению фигуры по законам перцептивной организации, что соответствует процессам предвнимания, по У. Найссеру (Neisser, 1967). К таким событиям, прежде всего, относятся появление и исчезновение, внезапное движение, неожиданные звуки — врожденные диспозиции произвольного внимания (Канеман, 2006; Соколов, 1958; Rohrbaugh, 1984). Типичным примером задачи, где уровень бдительности является ведущим, является парадигма ожидания, в которой исследуется влияние предупреждающего сигнала на динамику процессов ожидания во времени (см. описание: Канеман, 2006). Вероятно, участие уровня бдительности в регуляции процессов ожидания также делает его ведущим в задаче оценки длительности коротких временных интервалов.

3. Уровень **пространственного внимания** обеспечивает специфическую селективную настройку на отбор информации из определенного пространственного источника. Традиционно используемая метафора внимания как прожектора наиболее адекватно описывает именно этот вид отбора. В классификации М. Познера (во всяком случае, по операциональному определению) данному уровню соответствует ориентировочная функция внимания (Posner, 1988; Posner, Fan, 2004), а в классификации Б.М. Величковского (2002, 2006) — режим амбьентного восприятия⁶. Если сопоставлять функции этого уровня с моделью построения движения Н.А. Бернштейна, то

налицо сходство с уровнем пространственного поля. Суть пространственного внимания видится в сегментации воспринимаемого и, возможно, мыслимого пространства на различные области повышенной и пониженной активации. Эффект пространственного внимания состоит в том, что попадание некоторой стимуляции в область повышенной активации обеспечивает ей преимущества в обработке, независимо от содержания этой стимуляции⁷. В качестве ведущего уровня пространственное внимание выступает в двух типах задач: а) при отыскании источника некоторого потенциально полезного сигнала (например, при необходимости точно локализовать источник звука в акустически неблагоприятных условиях) и б) при активном ожидании целевого события в определенном месте пространства. В остальных случаях, видимо, имеет смысл говорить о фоновом режиме работы пространственного внимания. В истории экспериментальных исследований внимания изучение пространственного его уровня получило особое развитие в последние 30 лет в связи с широким распространением метафорических представлений о внимании как прожекторе. В качестве наиболее ярких примеров методик, в которых так или иначе затрагиваются динамичес-

кие характеристики и свойства пространственного внимания, можно привести разнообразные модификации зрительного поиска и так называемую методику подсказки (см. описания: Фаликман, 2006). Причем, как было показано в многочисленных исследованиях с помощью методики подсказки, уровень пространственного внимания в роли ведущего и фонового, по-видимому, работает по разным правилам, что проявляется в значительных различиях динамических характеристик ориентировки, вызванной внешними нерелевантными раздражителями, и произвольно инициированной и/или поддерживаемой ориентировки (см.: Уточкин, Фаликман, 2006).

4. Уровень **объектного внимания** функционально близок уровню предметных действий, согласно модели Н.А. Бернштейна. Если же сопоставлять предлагаемую здесь модель с прочими теоретическими представлениями собственно о внимании, то можно провести параллели с идеей существования фокальной системы переработки информации (Величковский, 2006; Neisser, 1967; Velichkovsky, 2002) — механизма, обеспечивающего относительно полное и детальное восприятие и запоминание *объектов* и *событий*. Ключевым моментом в работе этой системы является управление перцептивными,

⁶ Однако амбьентное зрение в более точном понимании, по-видимому, включает, по крайней мере отчасти, также и нижележащий уровень внимания — бдительность.

⁷ В настоящее время в когнитивной психологии разворачивается дискуссия о том, являются ли пространственные эффекты действительно независимыми от содержания воспринимаемого, а в предельном варианте — действительно ли именно пространственное, а не объектное внимание является первичным в обеспечении преимуществ переработки той или иной информации (см.: Фаликман, 2006).

мнемическими или мыслительными действиями в отношении перцептивных (т. е. закодированных в форме модальных образов целостных предметов или событий) или семантических *единиц* (т. е. имеющих репрезентацию в виде вербальной категории). Специфика познавательной деятельности человека такова, что во многих задачах этот уровень тем или иным образом задействован в роли ведущего. Прежде всего, это задачи, требующие опознания и селективного реагирования на объекты, обладающие целевыми характеристиками (например, зрительный поиск целевой буквы на мониторе в лабораторном эксперименте или напряженное ожидание лица знакомого человека в непрерывно движущейся толпе). Также сюда относятся задачи, связанные с анализом отдельных физических или семантических признаков объектов, например, задача скоростной классификации У. Гарнера (Garner, Felfoldy, 1970). Наконец, это задачи, требующие обнаружения или различения одномерных⁸ стимулов в околопороговой зоне, поскольку в этой ситуации решение не может быть принято на основе быстрого и грубого анализа сенсорного окружения, как в случае явно надпороговых различий, с которыми «справляется» уровень бдительности. В качестве фоновых эффектов объектного уровня можно выделить широко исследуемые в последние годы прайминг-эффекты — неосознаваемые влияния предшествующей информации, представленной,

как правило, в объектной форме в виде изображений целостных объектов или слов, на результаты выполнения различных тестов, в том числе задач на внимание (см.: Фаликман, Койфман, 2005). Впрочем, здесь стоит отметить, что прайминг-эффекты обычно представляют собой внутриуровневые взаимодействия, поскольку и предшествующая информация, и основной тест предполагают оперирование объектами. Несколько сложнее, по-видимому, обстоит дело с отрицательным праймингом — торможением опознания целевого объекта, который прежде подлежал игнорированию. Вероятно, в этом эффекте задействован фоновый режим следующего уровня внимания, управляющего сложными алгоритмами.

5. Согласно ряду авторов, высшим уровнем внимания можно считать его проявления как функции психического *контроля* (Гальперин, 2005), *программирующей* (Лурия, 1973) или *управляющей* функции (Posner, Fan, 2004). В качестве ведущего данный уровень внимания проявляет себя в задачах, требующих: а) сложного планирования операций и поддержания действия по намеченному плану (что, несомненно, требует включения этого уровня в большинство мыслительных задач); б) выбора приоритетов среди нескольких возможных действий (как, например, в задачах на распределенное внимание) и принятия решений; в) поиска закономерностей в предъявляемых ситуациях (например, для прогнозирования будущих изменений

⁸ Под одномерными мы будем понимать стимулы, у которых варьируется только одна характеристика, а в остальном они идентичны всем прочим стимулам.

и формирования упреждающих реакций); г) разрешения возможных конфликтов между противоречивыми аспектами ситуации и подавления нежелательных автоматизмов (например, преодоление интерференции процессов называния цветов, которыми напечатаны слова, со стороны автоматического чтения самих слов в задаче Струпа). Управляющая же функция данного уровня состоит в том, что он формулирует систему предписаний нижележащим уровням относительно динамического распределения их ролей в будущем акте внимания. Что касается фоновых эффектов уровня управления и контроля, то здесь особо остро встают глобальные вопросы уровневого подхода к познанию, практически не исследованные экспериментально. Во-первых, неясно, возможны ли в принципе фоновые эффекты на высшем уровне. Например, если сложное действие (моторное, перцептивное и т. д.), сформированное при первоначальном участии ведущего управляющего уровня, после тренировки автоматизировалось и более не требует сознательного контроля, означает ли это, что высший уровень перешел в фоновый режим или просто больше не участвует в выполнении данного действия? Далее, возможно ли, что при работе одного из нижележащих уровней в качестве ведущего управляющий уровень в фоновом режиме (т. е. непроизвольно и неосознанно) формирует алгоритмы,

по которым будет работать ведущий уровень и другие фоновые? По нашим данным, решая задачу по локализации зрительных стимулов, испытуемые формируют неосознанные целесообразные алгоритмы переключений пространственного внимания, однако эти стратегии очень просты и способны учитывать только один источник степеней информационной свободы (в данном случае пространственный); при прибавлении еще одного источника неопределенности (в данном случае временного) стратегии не формируются (Уточкин, 2007). Результаты дополнительных экспериментальных серий этого же исследования (Уточкин, неопубликованные данные) с добавочной загрузкой управляющего уровня вторичной задачей арифметического счета дают нам основание полагать, что для формирования таких простых неосознаваемых алгоритмов участие управляющего уровня (по крайней мере, в роли ведущего) не является необходимым⁹.

Далее мы переходим к анализу конкретных исследований, выполненных нами в рамках уровневого подхода к вниманию.

Исследование фоновых избыточных влияний в задаче обнаружения зрительного стимула

В качестве объекта исследования мы выбрали типичную и одну из самых

⁹ Отметим, однако, что вторичная задача не была верно решена ни одним испытуемым (хотя многие испытуемые достаточно точно оценили порядок получаемого в итоге ответа), поэтому говорить о полной вовлеченности управляющего уровня в решение задачи счета и полном отвлечении его от первичной задачи локализации стоит с осторожностью.

распространенных задач, используемых для изучения внимания,— скоростное обнаружение зрительной цели, заданной определенными перцептивными характеристиками, такими как цвет и форма. Согласно предложенной нами выше классификации, такого рода задача апеллирует к объектному уровню внимания, хотя требование скоростного обнаружения одновременно должно выдвигать определенные требования и к уровню бдительности.

В экспериментальной методике мы попытались в упрощенном виде смоделировать ситуацию реальной задачи на объектное внимание, которую описали выше в умозрительном примере с человеком, ожидающим встречи на станции метрополитена. Так, в нашей экспериментальной ситуации испытуемый может подвергаться одновременно воздействию двух стимулов — цели и дистрактора, но должен избирательно реагировать только на цель, которая появляется на очень короткое время и обладает меньшей яркостью и размером, чем дистрактор. Ситуация, как и в примере, осложняется дополнительными «степенями свободы» — неопределенными моментом и местом появления цели. Наше предположение состоит в том, что в условиях такой высокой неопределенности для достижения поставленной цели — максимально быстрых ответов на целевой стимул — система внимания будет настроена на поиск избыточной информации среди нерелевантных стимулов (например, в поведении дистрактора), чтобы по возможности снизить неопределенность. Согласно предложенным нами принципам уровневой организации

внимания, функция поиска избыточной информации будет осуществляться фоновыми уровнями. Критерием этого будет проявление специфических положительных «вмешательств» дистрактора в выполнение основной задачи (например, в виде ускорения ответа) при смутном осознании этого вмешательства или при полном отсутствии осознания, которое мы собираемся тестировать напрямую, с помощью самоотчетов испытуемых после выполнения задания.

Методика

Испытуемые

В эксперименте приняли участие 28 студентов факультета психологии ГУ ВШЭ (7 мужчин и 21 женщина, средний возраст — 18 лет). Зрение нормальное или скорректированное до нормального. Испытуемым сообщали, что они участвуют в исследовании бдительности в условиях отвлечения внимания. Все испытуемые были случайным образом поделены на две группы по фактору «Предсказуемость движения» (см. описание ниже). Так, первая группа ($N = 15$) выполняла экспериментальную задачу при *низкой предсказуемости движения*, а вторая группа ($N = 13$) — при *высокой*.

Аппаратура и стимуляция

Стимуляция была подготовлена и предъявлялась с помощью компьютерной программы-конструктора «StimMake» (авторы А.Н. Гусев и А.Е. Кремлев). Стимулы предъявлялись на стандартном VGA-мониторе с частотой обновления 85 Гц.

Все стимулы предъявлялись на однородном черном поле. В качестве

целевого стимула использовалась маленькая серая звездочка (1°), которая могла быть предъявлена в любой части монитора. В качестве отвлекающего стимула (дистрактора) использовался белый круг (2°). Для управления пространственными характеристиками цели и дистрактора экран был поделен на маленькие условные квадраты со стороной $2^\circ 15'$ (16 квадратов по горизонтали и 12 по вертикали), показанные на рис. 1А. Подчеркнем, что условные квадраты не были видны испытуемому. Цели и дистракторы размещались всегда по центру условных квадратов.

Для ответа испытуемые должны были нажимать на кнопку LPT-совместимого пульта.

Процедура

Испытуемые усаживались на расстоянии 60 см от монитора. В инструкции им сообщалось, что их задача — реагировать на кратко предъявляемую цель, т. е. серую звездочку, максимально быстрым нажатием на кнопку пульта. Кроме того, испытуемых предупреждали, что, помимо звездочки, они в некоторых пробах будут видеть на экране движущийся белый круг, на который им не следует обращать внимание.

Предъявление дистрактора. Типичные пробы типа «дистрактор + цель» включали предъявление движущегося дистрактора. Восприятие движения достигалось последовательным предъявлением быстро сменяющихся кадров, на каждом из которых дистрактор занимал один из соседних условных квадратов по отношению к предыдущему кадру (рис. 1Б). Длительность предъявления одного кадра составляла 100 мс. Траектория

движения дистрактора в ходе одной пробы могла быть либо прямолинейной, либо хаотичной. Прямолинейная траектория означает движение строго по вертикали, горизонтали или диагонали, проходящей через центр экрана, без смены направления (рис. 1В). Хаотичная траектория означает, что дистрактор в ходе одной пробы совершает 4–5 непредсказуемых скачков в удаленный квадрат и одновременно меняет направление движения (рис. 1Г).

Предъявление цели. Цель предъявлялась на 100 мс в неизвестный заранее испытуемому момент и в неизвестном заранее месте экрана.

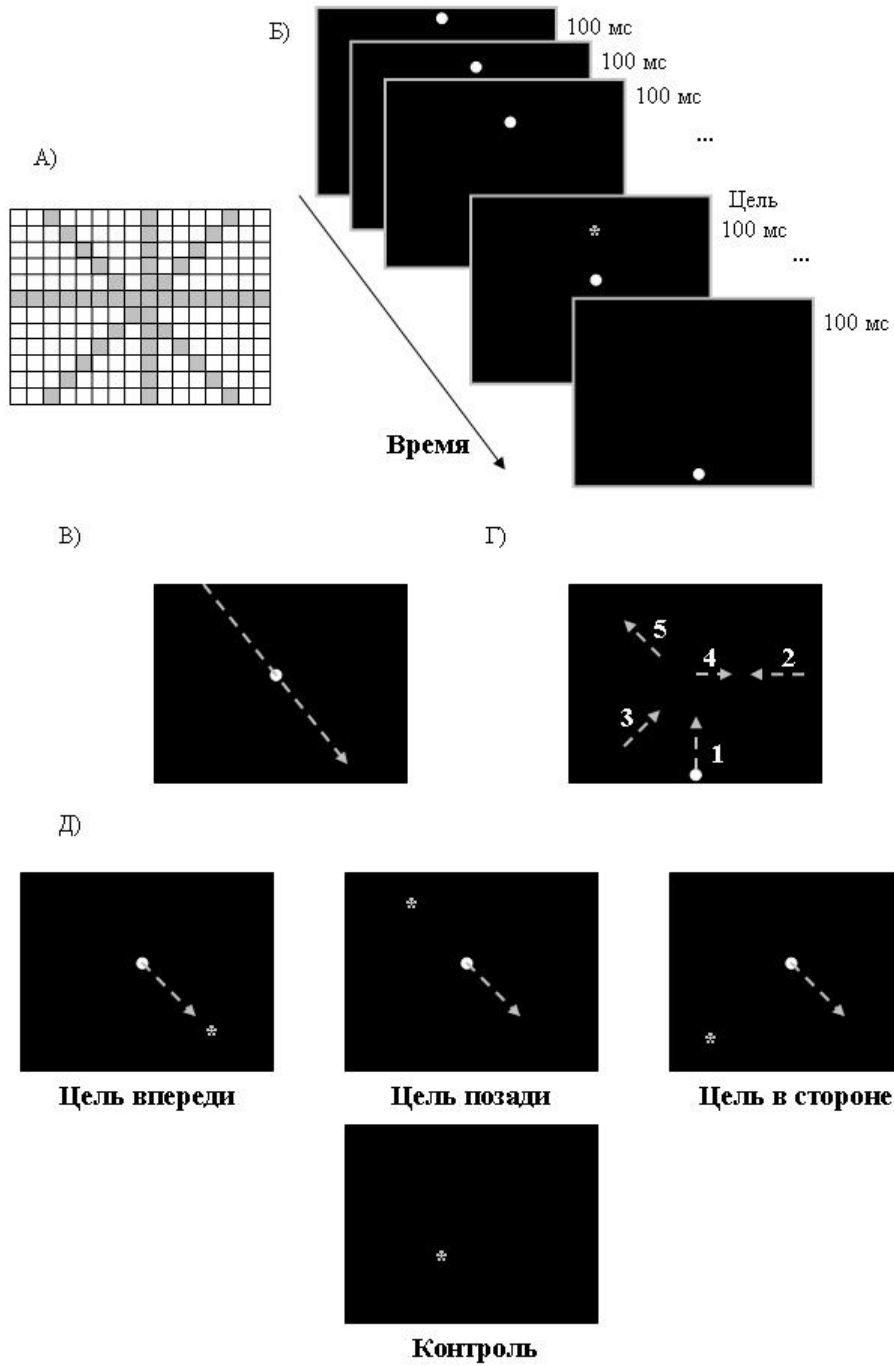
Пространственно-временные отношения между целью и дистрактором. В пробах с дистрактором цель предъявлялась в случайный момент времени, однако не раньше чем через 300 мс после появления дистрактора на экране или с момента последней смены направления его движения (при хаотичной траектории). Моменты появления и исчезновения цели совпадали с моментами смены кадров, обеспечивавших восприятие движения дистрактора (рис. 1Б).

Пространственное положение цели задавалось по отношению к текущему направлению движения дистрактора. Так, цель могла появиться впереди, позади или в стороне от дистрактора (рис. 1Д). Расстояние между целью и дистрактором в пробах типа «цель впереди» и «цель позади» было не менее 4 и не более 6 условных квадратов. В пробах типа «цель в стороне» звездочка появлялась на расстоянии 4–6 условных квадратов от текущей траектории дистрактора.

Кроме проб «дистрактор + цель», в экспериментальный план были

Рис. 1

Схема стимуляции к эксперименту со зрительным обнаружением (пояснения в тексте)

включены контрольные пробы (цель без дистрактора) и пробы-ловушки (дистрактор без цели).

Последовательность проб. Экспериментальная задача состояла из 200 проб разных типов. Всего было восемь типов проб (таким образом, на каждый тип приходилось по 25 проб). Шесть типов проб содержали как цель, так и дистрактор (пробы «дистрактор + цель»): 1) прямолинейное движение, цель в стороне; 2) прямолинейное движение, цель впереди; 3) прямолинейное движение, цель позади; 4) хаотичное движение, цель в стороне; 5) хаотичное движение, цель впереди; 6) хаотичное движение, цель позади. Седьмой тип проб — контрольные, в которых предъявлялась только цель. Восьмой тип — пробы-ловушки, в которых предъявлялся только дистрактор (движущийся как прямолинейно, так и хаотично).

Пробы разных типов были перемешаны между собой двумя способами, которые задавали два уровня фактора «Предсказуемость движения». При первом способе (низкая предсказуемость) пробы всех типов были перемешаны между собой случайным образом. При втором способе (высокая предсказуемость) все «прямолинейные» и «хаотичные» пробы были организованы в два отдельных блока, включавших также по половине контрольных проб. Иными словами, в условиях низкой предсказуемости движения испытуемый заранее не знал, как будет двигаться дистрактор в очередной пробе, а при высокой предсказуемости он сначала имел дело только с прямолинейным движением и не ожидал хаотичного, а затем — с хаотичным и не

ожидал прямолинейного. Для исключения возможных побочных эффектов, связанных с последовательностью предъявления блоков в условии высокой предсказуемости, была применена схема реверсивного уравнивания: одной половине испытуемых сначала предъявлялся блок с прямолинейным движением дистрактора, а затем — с хаотичным, другой половине — в обратном порядке.

После каждых 50 проб (независимо от предсказуемости движения) испытуемые делали перерыв длительностью 1 минута.

По окончании эксперимента испытуемые давали самоотчет (прямое тестирование осознания), ключевым пунктом которого был ответ на вопрос о том, какое субъективное влияние движущийся дистрактор оказывал на обнаружение.

Независимые переменные. Эксперимент имел трехфакторный смешанный план $2 \times 4 \times 2$. Внутригрупповыми факторами были: «Траектория дистрактора» (*прямолинейная* или *хаотичная*) и «Пространственные отношения дистрактора и цели» — далее «Пространственные отношения» (*цель впереди, цель позади, цель в стороне* или *контроль*). Межгрупповым фактором была «Предсказуемость движения» (*высокая* или *низкая*).

Зависимой переменной было время реакции (ВР) на целевой стимул.

Результаты

Результаты эксперимента представлены в табл. 1 и на рис. 2.

Дисперсионный анализ показал, что главный эффект фактора «Пространственные отношения» [$F(3,24) = 75.85, p < 0.001$] значим: во всех

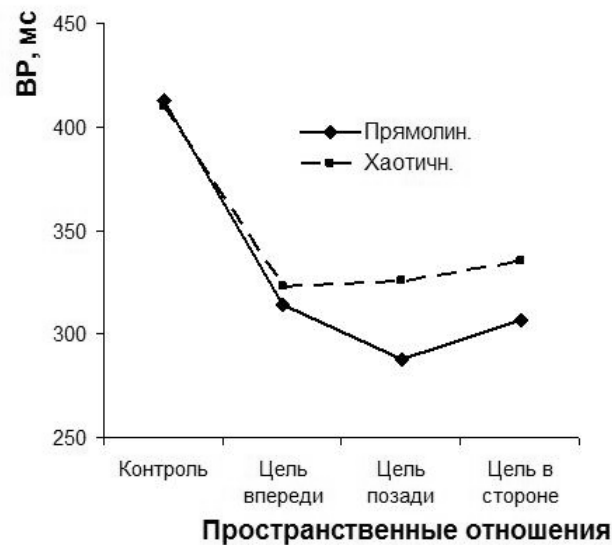
Табл. 1

Средние значения времени реакции (ВР) во всех экспериментальных условиях, мс

Траектория дистрактора	Низкая предсказуемость движения				Высокая предсказуемость движения			
	Конт-роль	Цель впереди	Цель позади	Цель в стороне	Конт-роль	Цель впереди	Цель позади	Цель в стороне
Прямолинейная	420	365	333	354	413	314	288	307
Хаотичная	418	363	355	368	410	323	326	335
Среднее	419	364	344	361	412	319	307	321

Рис. 2

Влияние движущегося дистрактора на ВР (пояснения в тексте)

пробах с дистрактором испытуемые дают более быстрые ответы, чем в контрольных пробах, причем самые быстрые ответы получены в пробах типа «цель позади». Главный эффект фактора «Траектория дистрактора» также значим [$F(1,26) = 12.15$, $p < 0.01$]: он показывает, что испытуемые склонны давать более быстрые ответы при прямолинейном дви-

жении дистрактора, чем при хаотичном. При этом значимый эффект межфакторного взаимодействия «Пространственные отношения» × «Траектория дистрактора» [$F(3,24) = 9.38$, $p < 0.001$] показывает, что различия ВР при разных траекториях относятся только к пробам типа «цель позади», а для остальных типов проб таких различий нет (рис. 2).

Главный эффект фактора «Предсказуемость движения» также достиг значимого уровня [$F(1,26) = 4.87$, $p < 0.05$]: при высокой предсказуемости испытуемые склонны к более быстрым ответам, чем при низкой. Эффект межфакторного взаимодействия «Пространственные отношения» \times «Предсказуемость движения» также оказался значимым [$F(3,24) = 3.06$, $p < 0.05$]. Он указывает, что испытуемые из группы с «высокой предсказуемостью» дают более быстрые ответы во всех пробах с дистрактором, чем испытуемые из группы с «низкой предсказуемостью», а в контрольных пробах ВР обеих групп не различаются.

Данные самоотчета. На вопрос о том, мешал ли движущийся круг обнаружению цели, все испытуемые ответили, что они быстро научились не обращать на него внимания. 8 испытуемых сообщили, что в присутствии круга отвечать на цель было легче, чем при его отсутствии. 3 испытуемых заметили, что появление цели впереди или позади прямолинейно движущегося дистрактора было обнаружить легче, чем в стороне, поскольку она казалась ярче и крупнее. При этом только один испытуемый из трех (Г.К.) сообщил о том, что сознательно пытался использовать пространственные отношения между дистрактором и целью. Он заметил, что в пробах с прямолинейным дистрактором цель появляется чаще на траектории дистрактора, чем в стороне. Поэтому при появлении дистрактора он старался «поймать направление его движения» и далее сосредоточивался на этом направлении. При анализе его индивидуальных результатов выполнения зада-

ния с прямолинейным дистрактором было обнаружено, что средние значения ВР в пробах «цель позади» и «цель впереди» составили соответственно 245 и 242 мс, в то время как в пробах «в стороне» — 272 мс. Таким образом, в отличие от средневыборочного результата ускорению подвергались ответы не только на цель позади дистрактора, но и на цель впереди.

Других закономерных связей между целью и дистрактором испытуемые, согласно отчетам, не обнаружили.

Обсуждение

Самоотчеты

Как показывают самоотчеты, большинство испытуемых в ходе эксперимента оставались в неведении относительно какой бы то ни было связи между поведением дистрактора и цели. Таким образом, обнаруженные по поведенческим результатам (ВР) эффекты дистрактора оставались по большей части неосознанными, т. е. относятся к эффектам фоновых уровней. При этом почти никто (кроме Г.К.) не пытался намеренно использовать обнаруженные взаимосвязи в целях повышения эффективности работы. Это наблюдение позволяет сделать важный вывод о том, что полученные поведенческие данные относятся к сфере непроизвольных эффектов дистрактора, а не к разумным и произвольным стратегиям, которые уже нельзя интерпретировать в качестве проявлений избыточных фоновых процессов. Те отчеты, в которых было сказано, что наличие дистрактора облегчает обнаружение и меняет

феноменальные характеристики цели (видимые яркость и размер), на наш взгляд, не являются свидетельством использования разумных стратегий. Скорее, они, напротив, являются следствием избыточных влияний бдительности и ориентировки, настолько интенсивных, что они проявляются не только в поведении, но и прорываются в сознание испытуемого.

Эффекты избыточности

Эффект избыточности со стороны уровня бдительности. Как видно из результатов, предъявление дистрактора несколько не мешает обнаружению цели и не тормозит его. Напротив, оно приводит к ускорению ответа на 60–100 мс по сравнению с контрольным условием независимо от пространственного положения цели по отношению к дистрактору. Таким образом, присутствие дистрактора, обладающего яркими сенсорными характеристиками, по-видимому, заранее активирует систему бдительности, и эта активация поддерживается в течение всего времени предъявления движущегося дистрактора, что оказывает благоприятный эффект на обнаружение, который можно обозначить как «бдительностный» эффект избыточности.

Эффект избыточности со стороны пространственного внимания. По результатам эксперимента мы можем констатировать наличие такого рода эффекта при появлении цели позади дистрактора при его прямолинейном движении, тем самым обозначив его как эффект *ретроактивной ориентировки*. Эффект выражается в ускорении ответа на целевые стимулы, лежащие позади дистрактора, в среднем

на 25 мс по сравнению с остальными двумя типами проб с дистрактором.

В связи с полученным эффектом пространственной избыточности отметим одно важное наблюдение. Так, ранее в одном из исследований П. ван Донкелар и А. Дрю (van Donkelaar, Drew, 2002) при использовании сходной стимуляции обнаружили уменьшение ВР на зондовый стимул, предъявляемый *впереди* движущегося стимула. В нашем исследовании этого эффекта не наблюдалось. Вероятнее всего, это связано с той установкой, которая была у испытуемых по отношению к движущемуся стимулу в нашей задаче и в исследовании П. ван Донкелара и А. Дрю. Так, если в эксперименте названных авторов движущийся стимул выступал в роли отслеживаемого объекта (т. е. одного из релевантных стимулов), то в нашем исследовании он рассматривался испытуемым как дистрактор (т. е. как объект, на который внимание не направлено). Это различие двух экспериментов, на наш взгляд, весьма существенно: оно иллюстрирует двойственность фоновых уровней в режиме подчинения ведущему (когда в отношении движущегося объекта ставится специальная задача) и в режиме избыточного функционирования (когда задача в отношении движущегося объекта отсутствует, но он способен в некоторой степени управлять решением других задач). Отдельного анализа в этой же связи заслуживают и результаты испытуемого Г.К., который, согласно самоотчету, сознательно использовал движущийся дистрактор для активной ориентировки зрительного внимания (т. е. переводил пространственный уровень в позицию ведущего):

у него наблюдались ускорение ответа на целевые стимулы как позади, так и впереди дистрактора.

Предсказуемость

Траектория дистрактора. Контролируя характер движения дистрактора, мы пытались выяснить, каково соотношение экзогенных (управляемых стимульными характеристиками) и эндогенных (связанных с ожиданиями) факторов в проявлениях эффектов избыточности.

Поскольку различия в показателях ВР при прямолинейной и хаотичной траекториях дистрактора были обнаружены только для проб типа «цель позади», но не для проб «цель впереди» и «цель в стороне», мы, опираясь на вышеизложенную логику, можем заключить, что траектория движения влияет только на пространственный компонент избыточности, не затрагивая при этом «бдительностного». Так, если при прямолинейном движении дистрактора наблюдается эффект пространственного внимания, то при хаотичном движении этот эффект исчезает (рис. 2). Этот результат, по нашему мнению, свидетельствует о том, что порождение эффекта пространственной избыточности зависит от наличия или отсутствия относительно стабильной и, вероятно, простой внутренней модели поведения дистрактора в пространстве. Важно отметить, что в хаотичных пробах цель появлялась не ранее чем через 300 мс после крупных пространственных скачков дистрактора (т. е. только после, по меньшей мере, 300 мс наблюдений за плавным движением). Отсюда можно сделать вывод, что построение устойчивой внут-

ренней модели, способной оказать избыточное влияние на ведущий уровень, занимает достаточно длительное время по масштабам динамических характеристик пространственного внимания (Posner, 1988).

Предсказуемость движения. По нашим данным, предсказуемость движения повлияла на величину эффекта избыточности. Однако вопреки нашим ожиданиям это влияние проявилось не на пространственном уровне (по нашим предположениям, этот фактор должен был облегчить прогнозирование местоположений цели в серии проб с прямолинейным дистрактором), а на уровне бдительности. Так, испытуемые группы с высокой предсказуемостью движения были склонны давать ответ быстрее во всех пробах с дистрактором, чем испытуемые группы с низкой предсказуемостью движения. Разница в ВР между группами составила в среднем 40 мс. По результатам данного эксперимента не совсем понятно, чем можно объяснить этот эффект. Вероятно, для этого потребуются серия дополнительных экспериментальных исследований.

Независимые вклады бдительности и пространственного внимания в порождение эффектов избыточности

В ходе планирования данного исследования мы исходили из предположения о том, что бдительность и пространственное внимание относятся к разным уровням, что поддерживается, в частности, наблюдениями и теоретическими представлениями М. Познера (Posner, 1988; Posner, Fan, 2004) В силу этого, в частности, мы сочли возможной диссоциацию двух соответствующих типов

эффектов избыточности. По результатам данного исследования мы получили неожиданное эмпирическое подтверждение этого положения. Управляя двумя видами предсказуемости (факторы «Траектория дистрактора» и «Предсказуемость движения»), мы обнаружили, что влияние эффекта их взаимодействия на ВР не значимо. При этом первый фактор оказал влияние на систему ориентировки и не оказал на систему бдительности, а второй — наоборот. Используя принятую в исследованиях времени реакции терминологию, мы можем обозначить эти два фактора как аддитивные, а системы, на которые избирательно воздействуют эти факторы, т. е. бдительность и пространственное внимание, — независимыми друг от друга, по крайней мере, в сфере управления эффектами избыточности.

Влияние уровней внимания на произвольное запоминание

Один из современных вариантов уровневого подхода к познанию (Craik, 2002; Craik, Lockhart, 2005) изначально базируется на исследованиях произвольного запоминания. Важнейшее положение этого подхода, подтверждаемое многочисленными экспериментами, заключается в том, что чем глубже перерабатывается информация в ходе деятельности (называемой в подобных экспериментах *ориентировочным заданием*), тем лучше она запоминается. В первоначальном варианте теории было выделено два уровня переработки: поверхностный перцептивный и глубокий семантический. Это разделение касается систем кодирования и

репрезентаций, однако, на наш взгляд, интерпретация экспериментов с произвольным запоминанием нуждается также в привлечении конструкторов, связанных с вниманием, хотя производились многократные попытки обойтись без них.

Идея о том, что ведущий уровень внимания может влиять на глубину обработки информации и качество произвольного запоминания, на наш взгляд, является продолжением и дополнением заявленного выше принципа наилучшего осознания и запоминания содержания ведущего уровня. Однако если в своей начальной формулировке принцип касается качественного своеобразия уровней процессов и содержаний, то в данном случае предполагаются еще и количественные следствия этого своеобразия — объем произвольно запоминаемой информации.

В нашем исследовании мы также использовали метод ориентировочного задания — задачи на внимание без инструкции запоминать. Однако для проверки нашей гипотезы о влиянии собственно уровня внимания на запоминание мы решили сохранить относительно постоянным уровень кодирования информации и выбрали ориентировочные задания таким образом, чтобы по возможности оставить кодирование на поверхностном перцептивном уровне. Всего было разработано четыре задания, каждое из которых апеллирует к одному из гипотетических уровней внимания (за исключением тонического уровня, которому такую задачу подобрать невозможно), а также пятое контрольное задание на произвольное запоминание, с которым затем сравнивались результаты

четырёх предыдущих. Сами целевые стимулы варьировались по трем признакам: семантическим (различные слова), цветовым и пространственным. Мы надеялись, что эффективность запоминания этих признаков (ни на один из которых внимание прямо не направлено) поможет нам различить качественную специфику того или иного ведущего уровня. Основная же гипотеза заключалась в том, что в целом *эффективность запоминания материала должна возрастать по мере продвижения ведущего уровня от уровня бдительности к уровню контроля*.

Еще одним дополнением к методике ориентировочного задания в нашем эксперименте стало использование наряду с тестированием запоминания оценки субъективной уверенности испытуемых в точности своих мнемических суждений. Этот показатель, по нашему мнению, имеет элементы сразу двух критериев внимания. С одной стороны, это феноменальный критерий: степень субъективной уверенности свидетельствует о том, насколько субъективно ясным, отчетливым и заслуживающим доверия был перцептивный опыт в ходе выполнения задачи. С другой стороны, уверенность — элемент мнемического критерия: насколько субъективно прочным и точным является мнемический след, образовавшийся при участии внимания. Соответственно, согласно второй нашей гипотезе, *на более высоком ведущем уровне внимания, связанном с более глубокой и детальной обработкой и творческой разработкой «внимаемого» содержания, уверенность в мнемических суждениях также должна быть выше*.

Методика

Испытуемые

В исследовании приняли участие 100 человек (38 мужчин и 62 женщины, средний возраст — 19 лет), студенты второго курса факультетов менеджмента и психологии ГУ ВШЭ. Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. Испытуемые случайным образом были разделены на пять групп, которые выполняли экспериментальное ориентировочное задание при разных инструкциях. Однако из последующего анализа были исключены данные 18 человек, допустивших более 20% ошибок или пропусков ответа в ориентировочном задании (что свидетельствует о недостаточном внимании, приложенном к его выполнению). Кроме того, были исключены данные 1 человека, который после эксперимента сообщил, что уже при прочтении инструкции догадался, что стимульный материал подлежит запоминанию. Таким образом, обрабатывались данные 81 испытуемого.

Аппаратура и стимуляция

Стимуляция была подготовлена и предъявлялась с помощью компьютерной программы-конструктора «StimMake» (авторы А.Н. Гусев и А.Е. Кремлев). Стимулы предъявлялись на стандартном VGA-мониторе с частотой обновления 85 Гц.

Все стимулы предъявлялись на однородном сером поле, в центре которого находился белый фиксационный крест, а справа и слева от него на удалении $3^{\circ}36'$ — две белые квадратные рамки (сторона квадрата равнялась 4°). В качестве предупреждающего

сигнала о начале пробы использовался черный ромб, появившийся в точке фиксации; в группе, выполнявшей задание на пространственное внимание, вместо ромба предъявлялась черная стрелка вправо или влево.

В качестве целевых стимулов использовались 32 существительных русского языка длиной от трех до шести букв. Слова были уравнены по частотности употребления в речи с помощью «Частотного словаря русского языка» (Шаров, 2001). Эти слова были напечатаны заглавными буквами шрифта Arial, имели высоту 1°36' и располагались на экране либо внутри правой, либо внутри левой белой рамки. 16 слов были напечатаны белым, а 16 — черным шрифтом.

Для ответа испытуемые должны были нажимать на кнопку LPT-совместимого пульта.

Для последующего тестирования запоминания использовались заранее изготовленные бланки.

Процедура

Испытуемые усаживались на расстоянии 60 см от монитора. На экране предъявлялась одна из пяти инструкций к ориентировочному заданию, в зависимости от группы, в которую был распределен испытуемый.

1. Задача испытуемых в первой группе состояла в том, чтобы внимательно следить за появлением слов на экране. Как только испытуемый заметит появление любого слова, он должен немедленно нажать на кнопку пульта. Данную задачу мы условно назвали «*Бдительность*».

2. Во второй группе испытуемые также должны были давать максимально быстрый ответ на появление

слов, однако в инструкции ему сообщалось, что перед предъявлением слова в точке фиксации он увидит стрелку, которая с высокой достоверностью (80%) указывает сторону предъявления цели. Испытуемому в инструкции специально рекомендовалось использовать эту информацию для того, чтобы отвечать быстрее. Данную задачу мы условно назвали «*Пространственное внимание*».

3. В третьей группе испытуемые должны были заметить слово и максимально быстро отчитаться о том, есть ли в составе данного слова хотя бы одна буква «О»: если «О» присутствовала, то нужно было нажать на левую кнопку пульта, если «О» отсутствовала — на правую. Это ориентировочное задание мы назвали «*Поиск буквы*».

4. В четвертой группе испытуемые должны были считать количество букв в каждом слове и соотносить его с заданным циклическим алгоритмом. Согласно этому алгоритму, последовательность предъявления слов должна была быть следующей: слово из 5 букв, затем слово из 4 букв, слово из 6 букв, слово из 3 букв, после чего цикл повторялся. Если предъявленное слово соответствовало алгоритму, испытуемый должен был максимально быстро нажать на левую кнопку пульта, если не соответствовало — на правую. Данное задание мы назвали «*Соответствие алгоритму*».

5. В пятой группе, которая рассматривалась нами в качестве контрольной, испытуемым не давалось ориентировочного задания на внимание. Вместо этого их просили запомнить как можно больше слов, а также информации о цвете шрифта и мес-

тоположении слов на экране (справа или слева от центра). Это задание было названо нами «Произвольное запоминание».

В ходе прохождения ориентировочного задания испытуемому предъявлялось 32 пробы, в каждой пробе по одному слову. Типичная проба начиналась с предъявления предупреждающего сигнала (черной стрелки в условии «Пространственное внимание» или черного ромба в остальных условиях) в течение 100 мс. Затем следовал период ожидания в течение 300 или 700 мс, после которого на экране появлялся целевой стимул (слово) на 300 мс. За предъявлением целевого стимула следовал интервал ожидания ответа длительностью 1500 мс. Межпробный интервал составлял 2000 мс.

Сразу по окончании ориентировочного задания проводилась письменная процедура тестирования запоминания. Для этого испытуемым выдавался бланк, содержащий три колонки: в первую колонку испытуемый вписывал все слова, которые ему запомнились в ходе ориентировочного задания. Во второй и третьей колонках он должен был дать отчет о цвете и местоположении названных им слов методом вынужденного выбора: «белый/черный» и «справа/слева» соответственно, при этом допускался и ответ «Не помню». Кроме того, для каждого из трех типов ответов (слово, цвет и местоположение) испытуемый должен был оценить степень субъективной уверенности с использованием одной из трех категорий: 50% (совсем не уверен), 75% (средняя степень уверенности), 100% (абсолютно уверен). Всем ответам «не помню» приписывался рейтинг уверенности 50%.

Основной *независимой переменной* является Инструкция к ориентировочному заданию (5 уровней: «Бдительность», «Пространственное внимание», «Поиск буквы», «Соответствие алгоритму», «Произвольное внимание»).

В качестве *зависимых переменных* выступают два комплекса показателей. Первый комплекс связан с эффективностью запоминания: это 1) процент названных слов, 2) процент правильно названных слов, 3) относительный процент (т. е. доля от правильно названных слов) правильных ответов о цвете и 4) местоположении слов. Второй комплекс показателей связан с уверенностью в мнемических суждениях: это вероятности выбора 50-, 75- и 100-процентной оценки уверенности для слов, цветов и местоположений.

Результаты

Основные результаты эксперимента представлены в табл. 2 и 3, а также на рис. 3 и 4.

Статистическая оценка с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявила значимые различия между группами по общему проценту названных слов [$F(4,76) = 23.42, p < 0.001$] и проценту правильно названных слов [$F(4,76) = 24.51, p < 0.001$]. Дополнительная проверка парных различий между группами с помощью t-критерия Стьюдента показала, что этот эффект обеспечивается отличием групп «Бдительность» и «Пространственное внимание» от групп «Поиск буквы» и «Соответствие алгоритму», а также всех четырех названных групп от группы «Произвольное

запоминание». При этом не обнаружено значимых различий между группами «Бдительность» и «Пространственное внимание», а также между группами «Поиск буквы» и «Соответствие алгоритму» (рис. 3). Соответственно в пересчете на абсолютное число элементов средний объем памяти в первых двух группах

составляет около 3–4, а во вторых двух группах — 6–7 правильно воспроизведенных элементов. В условии «Произвольное запоминание» объем памяти составляет в среднем 11–12 правильно воспроизведенных элементов.

Как видно из табл. 3, ни в одной из групп, кроме группы «Произвольное

Табл. 2

Средние значения показателей эффективности запоминания слов, цвета шрифта и местоположения при различных инструкциях

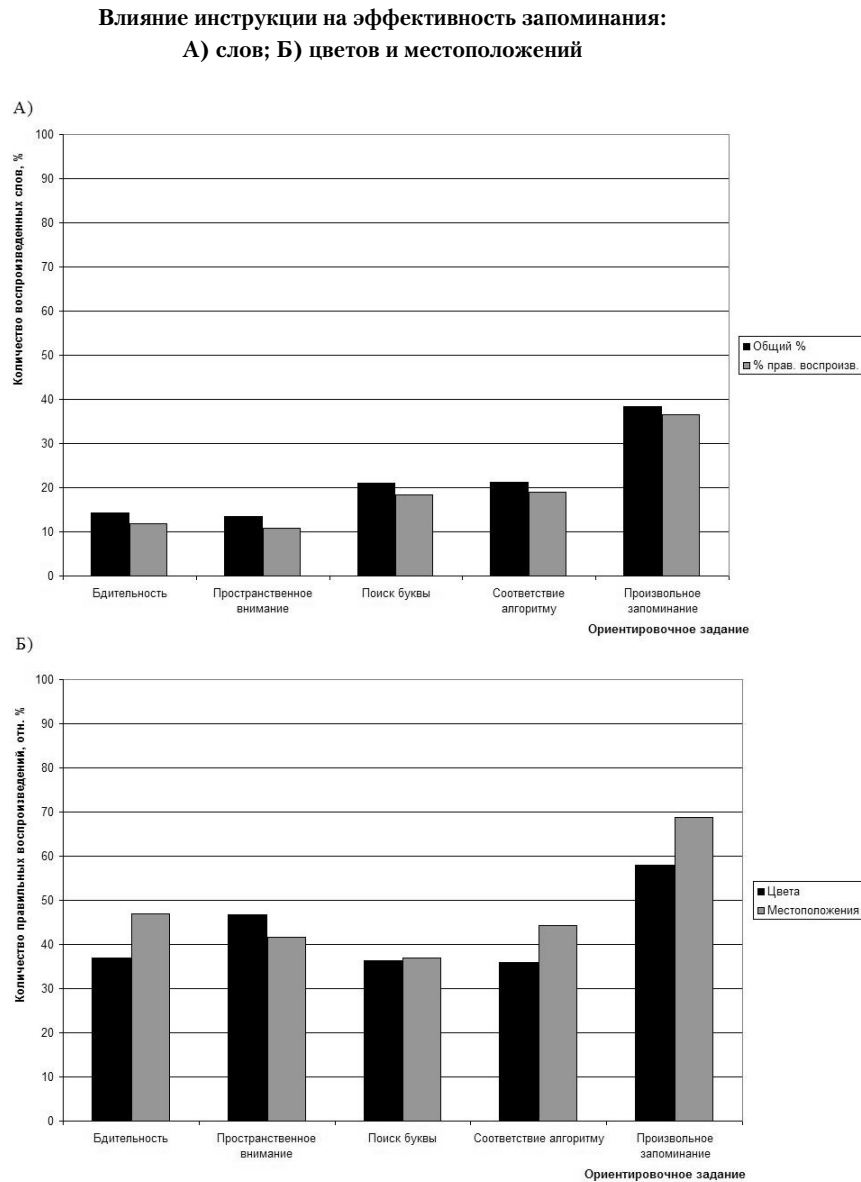
	Общее количество слов, %	Количество верно названных слов, %	Количество верно названных цветов, отн. %	Количество верно названных местоположений, отн. %
«Бдительность»	14.34	11.76	36.97	46.85
«Пространственное внимание»	13.46	10.82	46.76	41.61
«Поиск буквы»	21.09	18.36	36.3	36.87
«Соответствие алгоритму»	21.31	19.03	35.88	44.21
«Произвольное запоминание»	38.28	36.52	57.88	68.69

Табл. 3

Вероятности выбора категорий уверенности в ответах в зависимости от инструкции, в процентах от общего количества ответов

	Слова			Цвета шрифта			Местоположения		
	50%	75%	100%	50%	75%	100%	50%	75%	100%
«Бдительность»	23.92	33.73	42.35	49.65	39.08	11.27	42.61	27.31	30.08
«Пространственное внимание»	6.83	30.32	62.86	32.18	37.94	29.88	26.92	33.83	39.25
«Поиск буквы»	8.47	27.47	64.07	40.64	47.15	11.79	45.79	32.62	21.59
«Соответствие алгоритму»	6.82	12.08	81.10	45.15	36.67	18.18	48.29	25.79	25.92
«Произвольное запоминание»	3.82	5.48	90.70	31.49	31.26	37.35	32.43	24.69	42.88

Рис. 3

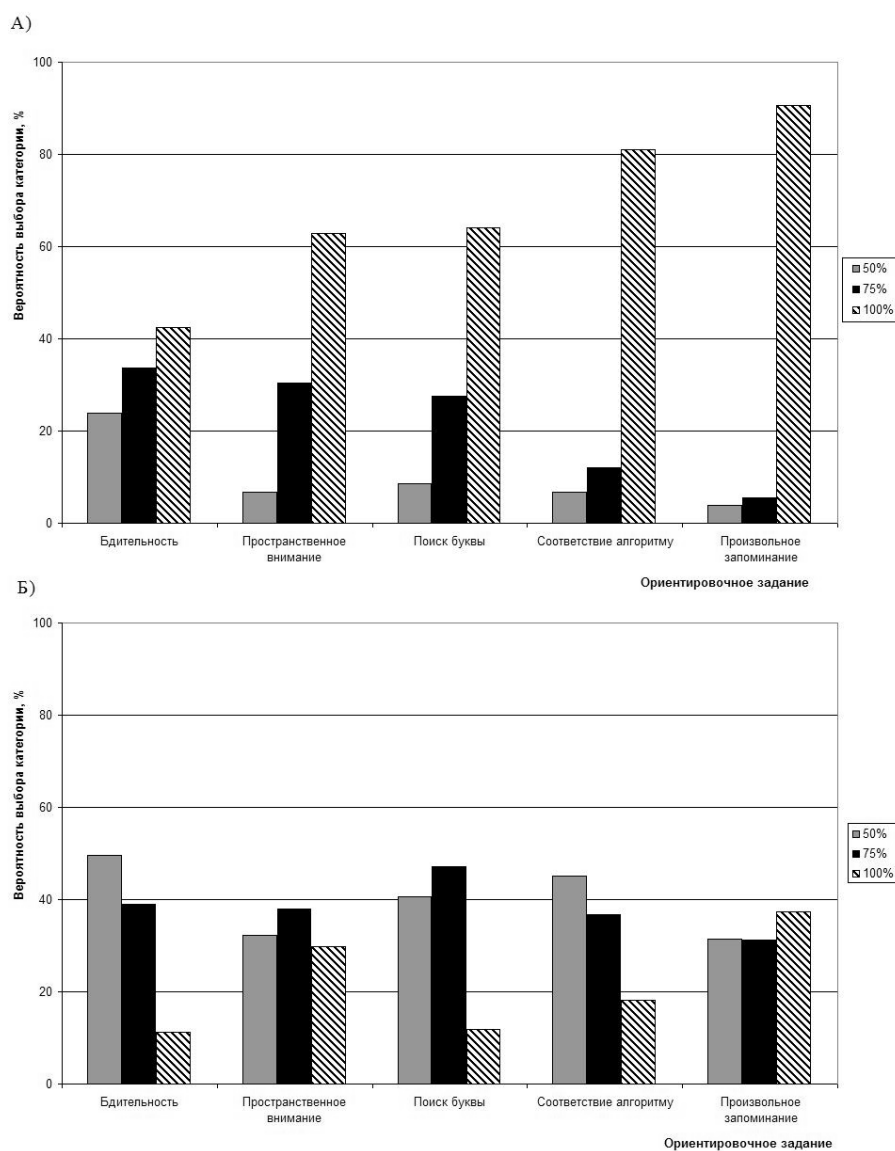
запоминание», относительный процент правильно воспроизведенных цветов и местоположений слов не превысил уровня случайных угадываний, равного 50%. Значимо превзошла этот уровень только группа

«Произвольное запоминание» и только по количеству правильно названных местоположений слов [$t(15) = 3.92, p < 0.01$].

Статистический анализ межгрупповых различий в показателях

Рис. 4

Влияние инструкции на показатели уверенности в мнемических суждениях:
А) для слов; Б) для местоположений

уверенности с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявил значимые различия для слов в вероятностях использования оценок

уверенности 50% [$F(4,76) = 2.50, p < 0.05$], 75% [$F(4,76) = 3.56, p < 0.01$] и 100% [$F(4,76) = 8.25, p < 0.001$]. Как видно из рис. 4, при движении от

условия «Бдительность» к условию «Произвольное запоминание», согласно вышеописанному порядку, количество уверенных ответов (100%) постепенно возрастает, а количество среднеуверенных (75%) и неуверенных (50%) ответов снижается, хотя тенденция к их снижению выражена несколько меньше, чем рост уверенных ответов. При этом, по данным парных сравнений по *t*-критерию Стьюдента, при переходе от условия «Пространственное внимание» к условию «Соответствие алгоритму» не наблюдается значимого изменения вероятностей ни одной из трех оценок уверенности. Кроме того, между условиями «Соответствие алгоритму» и «Произвольное запоминание» обнаружено единственное различие по 100-процентной категории уверенности, достигшее, однако, лишь уровня тенденции [$t(25) = -1.80, 0.05 < p < 0.1$].

Дисперсионный анализ также выявил значимые межгрупповые различия в вероятностях использования 100-процентной категории для оценки уверенности в припоминании цветов [$F(4,76) = 3.86, p < 0.01$]. Этот эффект обеспечивается увеличением процента уверенных ответов в группах «Пространственное внимание» и «Произвольное запоминание», по сравнению с остальными группами (рис. 4).

Различия между группами по показателям уверенности в ответах о местоположении стимулов оказались не значимы.

Обсуждение

Как видно из результатов, из трех признаков, которые мы использовали в эксперименте для тестирования запоминания и уверенности, практически единственным информативным оказался семантический, т. е. собственно слова. К сожалению, цвет и местоположение достоверно воспроизводятся только при установке на произвольное запоминание. Следовательно, проверка гипотез о специфическом характере мнемической продукции при различных инструкциях на наших данных оказалась невозможной.

Несмотря на то что во всех 4 группах, выполнявших ориентировочное задание, не связанное с запоминанием, средний показатель воспроизведения слов оказался невысоким, не превышающим объема непосредственной памяти¹⁰, тем не менее в группах «Поиск буквы» и «Соответствие алгоритму» он оказался примерно в 1.7 раз выше, чем в группах «Бдительность» и «Пространственное внимание». Этот результат представляется нам закономерным с точки зрения уровневого подхода: уровни объектного внимания и контроля, которые предположительно выступали в роли ведущих в задачах поиска буквы и отслеживания алгоритма, в большей степени ориентированы на оперирование вербальными и семантическими признаками, чем нижележащие уровни бдительности и

¹⁰ Этот факт дает нам основание думать, что испытуемые в ходе выполнения ориентировочных заданий не пытались искать семантической связи между словами или использовать какие-либо другие стратегии, не предусмотренные инструкцией, т. е. действительно оставались в рамках относительно поверхностного уровня кодирования.

пространственного внимания. Стоит отметить, что по показателям продуктивности запоминания слов мы наблюдали дифференциацию не четырех гипотетических уровней, а лишь двух, которые содержательно соответствуют более ранним представлениям о внимании, например дихотомии У. Найссера «предвнимание-фокальное внимание» (Neisser, 1967).

Дальнейшая дифференциация уровней стала возможна на основании оценок уверенности. Как видно из результатов, при переходе от одного гипотетического уровня к другому растет количество уверенных и снижается количество неуверенных отчетов о словах, что в целом соответствует второй гипотезе. Так, несмотря на равные показатели эффективности запоминания в задачах на бдительность и пространственное внимание, в последней уровень уверенности оказывается выше, чем в первой. На наш взгляд, это связано с функциональными особенностями ведущих уровней, задействованных в задачах. Так, установка на простое обнаружение события и мгновенную реакцию, характеризующая функцию бдительности, приводит к созданию достаточно грубой¹¹ и не очень стабильной перцептивной репрезентации, что и выражается затем в большом количестве неуверенных мнемических суждений. Когда же в задачу включается ведущий уровень пространственного внимания, то, несмотря на то же требование простого обнаружения, сами репрезентации

целевых стимулов (а в большинстве случаев эти стимулы локализовались в тех местах, куда по инструкции должно было быть направлено внимание) оказываются, вероятно, более ясными и устойчивыми, что и влечет за собой рост количества уверенных оценок. Удивительно, но этот же эффект проявился и при оценке уверенности в «цветовых» ответах, хотя в пространственной задаче он скорее ожидался для ответов о местоположении. Последний эффект пока не находит объяснения в рамках предложенной нами схемы.

Еще один существенный сдвиг уверенности наблюдается при переходе от гипотетического объектного уровня («Поиск буквы») к уровню контроля («Соответствие алгоритму»), несмотря на равные показатели эффективности воспроизведения слов. Содержательно можно предположить множество разных механизмов такого эффекта, например, более продолжительный процесс анализа слова или повышенную роль вербализации (ни одно из этих предположений не исключает интерпретации в терминах уровней внимания) в задании «Соответствие алгоритму», но мы не будем здесь отдавать предпочтения ни одному из объяснений, поскольку материала для этого недостаточно. Важно то, что на более высоком, по нашей классификации, уровне контроля, связывающем внимание с мышлением, формируются, вероятно, более ясные и устойчивые содержания сознания, чем на объект-

¹¹ О том, что эта репрезентация достаточно грубая, свидетельствует и тот факт, что трое испытуемых из группы «Бдительность» в ходе выполнения ориентировочного задания не заметили, что цвет шрифта предъявляемых слов был разным.

ном уровне. Примечательно также, что уровень уверенности в задании «Соответствие алгоритму» почти такой же, как при произвольном запоминании, хотя объективный показатель эффективности в последнем случае выше.

Подводя итог данному исследованию, еще раз подчеркнем наиболее важные результаты. С одной стороны, задействуя разные ведущие уровни в ориентировочных заданиях, мы обнаружили различия в эффективности запоминания слов, которые, однако, оказались недостаточными для дифференциации четырех уровней. Однако такая дифференциация возможна при помощи оценок уверенности в мнемических суждениях, свидетельствующей о разной степени субъективной ясности, разработанности и точности образов и следов целевых стимулов, что соответствует одному из базовых принципов уровневого подхода.

Заключение

В данной работе в очень краткой форме представлена попытка систе-

матизировать сложившиеся к настоящему моменту относительно разрозненные представления о внимании, базирующиеся на весьма внушительном эмпирическом материале. Эта попытка основывается на осознанной в последнее время некоторыми когнитивными психологами логике несуществования единого внимания (Величковский, 2006; Pashler, 1998; Posner, Fan, 2004). Как нам кажется, нами были ассимилированы самые продуктивные теории и модели, выстроенные в этой логике, и это нашло отражение в предлагаемой здесь «урвневой гипотезе», также имеющей богатые научные традиции. Из эмпирических и логических оснований нами выведены общие принципы и программа эмпирических исследований, возможных в русле уровневого подхода. Продуктивность данной схемы анализа нам видится в том, что она может позволить исследователям внимания в новом ключе взглянуть на объект их научного интереса, поставить и попытаться эмпирически решить новые проблемы и, возможно, найти альтернативные решения старых.

Литература

- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, 2006.
- Гальперин П.Я.* К проблеме внимания // Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2005. С. 534–542.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Движения человеческого глаза. М.: МГУ, 1978.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Деятельность и внимание // Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2005. С. 54–558.
- Гусев А.Н.* Обнаружение звуковых сигналов человеком-оператором в особых условиях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1989.
- Гусев А.Н.* Психофизика сенсорных задач: Системно-деятельностный анализ поведения человека в ситуации неопределенности. М.: МГУ, 2004.
- Гусев А.Н., Уточкин И.С.* Роль активации субъекта в решении сенсорных задач различной сложности: ресурсный и функциональный подходы // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2006. № 4. С. 21–31.
- Джемс У.* Психология. СПб., 1911.
- Добрынин Н.Ф.* О теории и воспитании внимания // Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2005. С. 518–533.
- Дормашев Ю.Б., Романов В.Я.* Психология внимания. М.: МПСИ; Флинта, 2002.
- Канеман Д.* Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006.
- Линдсли Д.Б.* Внимание, сознание, сон и бодрствование // Нейрофизиологические механизмы внимания / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979.
- Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 1973.
- Соколов Е.Н.* Восприятие и условный рефлекс. М.: МГУ, 1958.
- Уточкин И.С.* Психологические механизмы решения задачи по обнаружению сигнала: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: «11-й ФОРМАТ», 2006.
- Уточкин И.С.* Роль пространственных и временных ожиданий в динамике зрительной ориентировки // Материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума «Здоровье нации — основа процветания России». Т. 3, Ч. 2, раздел «Психология в междисциплинарном поле наук» (материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007»). М.: МГУ, 2007.
- Уточкин И.С., Фаликман М.В.* Торможение возврата внимания. Ч. 1: Виды и свойства // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 4–48.
- Фаликман М.В.* Общая психология: В 7 т.: Учебник для студ. высш. учеб. зав. / Под ред. Б.С. Братуся. Т. 4: Внимание. М.: Академия, 2006.
- Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97; № 4. С. 82–90.
- Фейгенберг И.М., Иванников В.А.* Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Хомская Е.Д.* Мозг и активация. М., 1972.
- Шаров С.А.* Частотный словарь русского языка. 2001. Электронная версия: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>.
- Bartolomeo P., Decaix C., Siéroff E.* The phenomenology of endogenous orienting //

- Consciousness and Cognition. 2007. Vol. 16. № 1. P. 144–161.
- Craik F.I.M.* Levels of processing: Present, past... and future? // *Memory*. 2002. Vol. 10. № 5–6. P. 305–318.
- Craik F.I.M., Lockhart R.* Levels of processing: A framework for memory research // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 2005. Vol. 11. P. 671–684.
- Fischer M.H., Castel A.D., Dodd M.D., Pratt J.* Perceiving numbers cause spatial shifts of attention // *Nature Neuroscience*. 2003. Vol. 6. P. 555–556.
- Garner W.R., Felfoldy G.L.* Integrality of stimulus dimensions in various types of information processing // *Cognitive Psychology*. 1970. Vol. 1. P. 225–241.
- Hockey G.R.J., Gaillard A.W.K., Burov O.* (eds.). Operator functional state: The assessment and prediction of human performance degradation in complex tasks. Amsterdam: IOS Press, 2003.
- Jacoby L.L.* A process dissociation framework: Separating automatic from intentional uses of memory // *Journal of Memory and Language*. 1991. Vol. 30. P. 513–541.
- Lambert A., Naikar N., McLachlan K., Aitken V.* A new component of visual orienting: Implicit effects of peripheral information and subthreshold cues on covert attention // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1999. Vol. 25. № 2. P. 321–340.
- Miller J.O.* Exaggerated redundancy gain in the split brain: a hemispheric coactivation account // *Cognitive Psychology*. 2004. Vol. 49. P. 118–154.
- Moritz S., Jacobsen D., Kloss M., Fricke S., Rufer M., Hand I.* Examination of emotional Stroop interference in obsessive–compulsive disorder // *Behaviour Research and Therapy*. 2004. Vol. 42. № 6. P. 671–682.
- Neisser U.* *Cognitive psychology*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967.
- Parasuraman R.* Sustained attention in detection and discrimination // R. Parasuraman, D.R. Davies (eds.). *Varieties of attention*. Orlando, FL: Academic Press, 1984. P. 243–269.
- Pashler H.* *Psychology of attention*. MIT Press, 1998.
- Pomerantz J.R.* Configural superiority effects and the identification of basic features in visual processing // Poster presented in Munich Visual Search Symposium, 2003.
- Posner M.I.* Structures and functions of selective attention // T. Boll, B. Bryant (eds.). *Master Lectures in Clinical Neuropsychology and Brain Function: Research, Measurement, and Practice*. American Psychological Association, 1988. P. 171–202.
- Posner M.I., Fan J.* Attention as an organ system // J. Pomerantz (ed.). *Neurobiology of perception and communication: From synapse to society*. The 4th De Lange Conference. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
- Reingold E.M., Merikle P.M.* Using direct and indirect measures to study perception without awareness // *Perception and Psychophysics*. 1988. Vol. 44. P. 563–575.
- Rohrbaugh J.W.* The orienting reflex: Performance and central nervous system manifestations // R. Parasuraman, D.R. Davies (eds.). *Varieties of attention*. Orlando, FL: Academic Press, 1984. P. 323–373.
- Rusting C.L.* Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: Three conceptual frameworks // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124. № 2. P. 165–196.
- Scerbo M.* Sources of stress and boredom in vigilance // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society*. 42nd Annual Meeting. 1998. P. 764–768.
- Theeuwes J.* The effects of location cuing on redundant-target processing // *Psychological Research*. 1994. Vol. 57. P. 15–19.

Treisman A.M., Gelade G. A feature-integration theory of attention // *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12. P. 97–136.

Van der Heijden A.H.C., La Heij W., Boer J.P.A. Parallel processing of redundant targets in simple visual search tasks // *Psychological Research*. 1983. Vol. 45. P. 235–254.

Van Donkelaar P., Drew A.S. The allocation of attention during smooth pursuit eye

movements // *Progress in Brain Research*. 2002. Vol. 140. P. 167–277.

Velichkovsky B.M. Heterarchy of cognition: The depths and the highs of a framework for memory research // *Memory*. 2002. Vol. 10 (5/6). P. 405–419.

Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // *Journal of Comparative Neurology and Psychology*. 1908. Vol. 18. P. 459–482.

*Специальная тема выпуска:
К 100-летию со дня рождения
Абрахама Маслоу*

Приглашенные редакторы — Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

1 апреля 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Абрахама Маслоу — одного из самых ярких психологов XX в., которому удалось весьма радикально изменить облик современной ему науки. Выдвинутые им теоретические идеи и созданное им социальное движение гуманистической психологии уже давно пользуются огромной популярностью в нашей стране.

В специальную юбилейную подборку вошли три материала. Д.А. Леонтьев рассказывает о жизненном и творческом пути А. Маслоу, уделяя особое внимание динамике развития его научных воззрений и малоизвестным деталям его биографии. Далее следует опубликованная вскоре после смерти А. Маслоу стенограмма одного из последних проведенных им научных семинаров. В этом тексте А. Маслоу затрагивает множест-

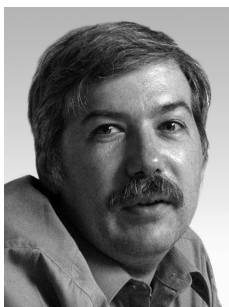
во разных вопросов, причем зачастую его высказывания неожиданны и парадоксальны; А. Маслоу не перестает переосмысливать то, чем он занимался всю свою жизнь. Автор третьего материала, Г.В. Иванченко, помещает идеи Маслоу в широкий контекст интеллектуальных дискуссий второй половины XX в. и рассматривает их с точки зрения перспектив развития психологии XXI в., в очередной раз показывая читателю удивительную современность мышления этого автора, далеко опередившего свое время.

Мы будем считать нашу задачу выполненной, если эта публикация побудит читателей перечитать работы А. Маслоу и задуматься над ними. Это нужно не ему, это нужно нам.

Д.А. Леонтьев

АБРАХАМ МАСЛОУ В XXI ВЕКЕ

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 400 публикаций, в том числе книг «Очерк психологии личности» (1993), «Введение в психологию искусства» (1998), «Психология смысла» (1999) и др.
Контакты: dleon@smysl.ru

Резюме

В статье представлены основные вехи жизненного и творческого пути выдающегося американского психолога Абрахама Маслоу (1908–1970).

Ключевые слова: *Маслоу, творчество, гуманистическая психология, мотивация, самоактуализация, менеджмент, психология Бытия*

1 апреля 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из самых ярких и блестящих психологов ушедшего века, провидца и революционера в науке — Абрахама Харольда Маслоу.

Пожалуй, из всех классиков психологии он в наибольшей степени подходит под два определения гения. Первое из этих определений серьезное: если талант попадает в цели, в которые другие не попадают, то гений попадает в цели, которые другие не видят. А. Маслоу всю жизнь фонтанировал идеями, которые довольно сильно опережали свое время. Это были не столько идеи, выводимые логикой, сколько прозрения,

позволяющие принципиально по-новому подойти к тем проблемам, к которым по-старому подойти не получалось. А. Маслоу во многом удалось изменить саму повестку дня психологической науки, существенно трансформировать не только ее цели, но даже ценностные и философские ориентиры. Поэтому он относится к числу тех немногих классиков XX в., научное наследие которых освоено на сегодняшний день далеко не полностью и идеям которых суждена новая жизнь в будущем.

Второе определение внешне шуточное: гений — это человек, который знает о своих выдающихся способностях и, тем не менее, продолжает

работать. При чтении текстов А. Маслоу может создаваться впечатление легкости, изящества, ненатужности. На самом деле за этим стоял огромный труд, к которому он привык с детства. В одной из лекций, опубликованных уже посмертно, он называл своей характерной чертой интеллектуальную робость. «Когда что-то новое приходит мне на ум, я прежде всего начинаю с этим бороться. В психоаналитическом смысле я испытываю сопротивление, которое иногда включает даже элементарный страх. У меня возникают бессонница, озноб, даже нарушения пищеварения. При этом я испытываю своеобразное чувство гордости, как будто борюсь с чем-то очень сильным, и постепенно ощущаю, что у меня внутри что-то интеллектуально варится. И сейчас, когда мне почти 60, я знаю, что если я начинаю страдать от бессонницы, запора, становлюсь мрачным и беспокойным, это хороший признак, и моя жена проникательно комментирует: что, Эйб, что-то хорошее варится в тебе?» (Maslow, 1996, p. 89)

Несмотря на всемирную известность и славу, которая выпала на его долю, когда он только перешагнул 50-летний рубеж, и простиралась далеко за пределы психологического сообщества, А. Маслоу никогда не почивал на лаврах; напротив, он постоянно двигался вперед, пересматривая свои взгляды, вдумчиво реагируя на критику и оставляя позади то, что он уже не считал верным, какими бы популярными эти взгляды ни были. За свою научную карьеру он разработал пять последовательно сменявших друг друга трактовок самоактуализации (см.: Леонтьев, 1987, 2002) и три достаточно разные те-

ории мотивации (см.: Леонтьев, 2002). Неучет довольно динамичного развития теоретических воззрений А. Маслоу нередко приводит к их непониманию, неуклюжим попыткам совместить идеи раннего и позднего А. Маслоу как составные части одной теории. И, как нередко бывает, наибольшую популярность получили его ранние, наиболее несовершенные взгляды, вроде известной всем пирамиды базовых потребностей (от которой сам А. Маслоу отказался 11 лет спустя, признав, что удовлетворение низших потребностей не является необходимым условием активности, побуждаемой высшими потребностями), а поздние, наиболее глубокие идеи известны намного меньше.

Наследие А. Маслоу, как и многих ученых подобного масштаба, очень плохо поддается классификации. Конечно, с его именем по праву связывается гуманистическая психология, в становлении и успехе которой он сыграл определяющую роль. Однако в рамках огромного поля гуманистической психологии его место не удастся зафиксировать. Ранние его работы близки личностно-центрированным взглядам К. Роджерса, подчеркивавшего биологическую предзаданность развития, отождествляемого с разворачиванием потенциальных возможностей организма, и сохранявшего эти воззрения всю жизнь. К концу жизни взгляды А. Маслоу все больше сближаются с экзистенциалистской позицией, в которой подчеркивается роль смысла, усилия и выбора (см.: Леонтьев, 2002). Попутно он стал одним из основателей «четвертой силы» — трансперсональной психологии. Его заботил поиск ответов на животрепещущие вопросы

человеческого существования, и когда он приходил к новым решениям, которые опровергали предложенные им ранее, он, не колеблясь, отбрасывал то, что для него устарело.

Биографы А. Маслоу приводят эпизод, когда он однажды спросил студентов, у которых вел занятия: «Кто из вас планирует стать великим психологом — вторым Фрейдом?» И когда студенты в изумлении уставились на А. Маслоу, он ответил: «Ну, если не вы, то кто же?» (Hoffman, 1988, p. 217–218). Одной из самых важных черт, которые А. Маслоу выявил у самоактуализирующихся людей, было ощущение призвания, миссии. Ему всегда было свойственно ощущение своей миссии: разрушить модный в то время цинизм во взглядах на человека и на общество, предложив более воодушевляющую, более обнадеживающую и, тем не менее, реалистическую картину человека и личности человека. Он считал, что необходима новая философия человека, новая «эра просвещения». И он действительно сделал в этой области очень много не только через свои тексты, свое учение и свою научную работу, но он еще и оказался социальным революционером, создавшим мощное общественное движение, порождавшим идеи и внедрявшим их в жизнь общества. Сейчас многие согласны, что мало кто в такой степени, как он, изменил общие воззрения американского общества.

Становление ученого

А. Маслоу родился в Нью-Йорке 1 апреля 1908 г. Его родители за несколько лет до этого приехали в

США из-под Киева с волной еврейской эмиграции за океан в начале XX в. от бедности и притеснений. Он был старшим ребенком в этой большой семье — трое братьев, трое сестер. Отношения в семье были плохие, родители все время ссорились. Когда дети подросли, родители развелись. На старшем Абрахаме смолоду лежала серьезная ответственность — поддерживать семью. Сам он уже в студенческие годы в 20-летнем возрасте женился на своей кузине Берте и прожил с ней всю жизнь.

Он поступил в городской колледж Нью-Йорка, затем в Корнельский университет, начинал специализироваться по философии, потом переключился на психологию. Интересы его всегда были весьма широкими: когда отец спросил у него, что он собирается изучать в колледже, Абрахам ответил: «Все» (см.: Arons, 1999, p. 335). Большое впечатление на него произвел Джон Уотсон своей новой бихевиористской парадигмой, которая казалась очень ясной, четкой и, главное, соответствовала изначальным намерениям А. Маслоу изменить мир. Уже впоследствии он вспоминал, что, когда поступал в университет, не знал о психологии практически ничего, просто стремился к какому-то идеалу, который тогда еще не существовал. Он связывал свои интересы с характерным для еврейской молодежи стремлением к утопическим проектам переустройства мира. Его занимали социалистические учения, философия. Первая статья, которую он написал, была посвящена критике социально-философских оснований психоанализа и называлась «Психоанализ и ментальная гигиена как социальная философия

статус-кво». Эта статья так и не была опубликована. Он вспоминал, что был очень застенчивым, скромным, пугливым студентом и в день, когда ему предстояло выступить с этим сообщением, он просто сбежал. При этом уже в зрелые годы он считал, что это был хороший доклад (Hoffman, 1988, p. 43).

Он хорошо учился, но та бихевиористская психология, которую ему предлагали в университете, не соответствовала его идеалам. А. Маслоу вспоминал о своем ощущении: если психология не соответствует этому идеалу, то, черт возьми, она должна в конце концов начать ему соответствовать. В 1928 г. он перевелся в Висконсинский университет, который имел более либеральную ориентацию, чем Корнельский, и там завершил классическое бихевиористское образование, получив степень бакалавра в 1930 г., магистра в 1931 и доктора в 1934 г. В числе учителей А. Маслоу были, в частности, Кларк Халл, знаменитый бихевиорист, а также Уильям Шелдон, автор конституциональной теории личности, уже почти забытой. Вначале А. Маслоу разделял позиции своих учителей, но потом в его взглядах начались заметные сдвиги.

Первый цикл экспериментальных работ А. Маслоу, принесших ему известность в профессиональных кругах в 1930-е гг., был посвящен изучению социального поведения приматов. С одной стороны, они были выполнены в бихевиористском ключе, с другой стороны, уже в них А. Маслоу стремился найти что-то не совсем традиционное для бихевиористской проблематики. Тогда же он изучал теории З. Фрейда и А. Адлера

и захотел разрешить вопрос о том, кто из них прав в отношении ведущих движущих сил развития личности: является ли определяющим сексуальное влечение или стремление к доминированию. Изучая социальное поведение и сексуальность низших обезьян, он экспериментально подтвердил гипотезу, что именно социальное поведение, место обезьян в иерархии детерминировало их сексуальность, но не наоборот. Оказалось, что фактически все формы сексуального поведения обезьян служили выяснению отношений власти, доминирования и подчинения. Это поведение использовалось как оружие в прояснении структуры социальных отношений. Руководитель его диссертации Гарри Харлоу несколько десятилетий спустя оценивал эти работы так: «Сказать, что они опережали свое время, было бы огромным преуменьшением» (цит. по: Hoffman, 1988, p. 62). Исходя из этого А. Маслоу сформулировал оригинальную теорию сексуальности приматов, обусловленной социальной иерархией. Опираясь на эти исследования, он начал планировать аналогичные исследования на людях.

Но возникли некоторые сложности: в 1934 г., в разгар Великой депрессии, когда А. Маслоу защитил свою диссертацию, была большая проблема с рабочими местами, к тому же в большинстве университетов США процветал антисемитизм, что снижало его шансы на приличную работу. Он некоторое время преподавал в медицинской школе, но это ему быстро надоело, и через несколько месяцев он оттуда ушел.

В 1935 г. ситуация немного улучшилась, А. Маслоу получил временную

работу в Колумбийском университете: сам Эдвард Торндайк, живой классик, включил его в свой исследовательский проект, посвященный природе человека и социальной иерархии. Этот проект должен был определить сравнительный вклад наследственных и средовых влияний в детерминацию разных форм человеческого поведения. Однако А. Маслоу скоро начал пытаться строить собственные планы. В то время он считал, что самый прямой и легкий путь помочь человечеству лежит через изучение проблем секса. «Если бы я нашел способ улучшить сексуальную жизнь на один процент, можно было бы улучшить жизнь всего человечества» (цит. по: Hoffman, 1988, p. 69). Он отважно изложил Э. Торндайку соображения о том, что его проект плохо концептуально продуман, и начал на свой страх и риск проводить исследования женской сексуальности, интервьюируя студентов непосредственно в офисе Э. Торндайка. Пошли слухи, возник скандал, поскольку в это время исследования на эту тему были за гранью допустимого, и у Э. Торндайка возникли проблемы. Несмотря на это, Э. Торндайк позволил ему продолжать эти исследования, только с меньшим шумом, и А. Маслоу довел их до конца и опубликовал результаты в профессиональных журналах. Выяснилось, что, действительно, сексуальные установки и поведение женщин прямо зависят от их общей потребности к доминантности, как в то время обозначалась эта характеристика (сегодня она связывается с самоуверенностью). Более самоуверенные, доминирующие женщины были более активными и некон-

венциональными в своих установках, вкусах и формах сексуального поведения. Более субдоминантные, уступчивые женщины были менее сексуально активны, более конвенциональны в своих вкусах и предпочтениях. Эта работа оказалась во многом пионерской, предвосхитив знаменитый цикл исследований мужской и женской сексуальности А. Кинзи. В тот момент она фактически не оказала влияния на эту область, поскольку сама по себе тема женской сексуальности для Америки 1930-х гг. была чересчур радикальной. Позже, однако, эти исследования были заново открыты известным идеологом феминизма Бетти Фридмен и во многом помогли формированию интеллектуальной основы ее бестселлера «Загадка женского» (1963), который послужил одним из импульсов развития феминистской идеологии.

Одной из причин более чем снисходительного отношения Э. Торндайка к дерзкому молодому исследователю биографы считают то, что, по данным интеллектуальных тестов, разработанных в лаборатории Э. Торндайка, А. Маслоу обладал фантастическим коэффициентом интеллекта: 195. Когда это выяснилось, Э. Торндайк обещал изумленному А. Маслоу поддерживать его до конца жизни, если тому не удастся получить постоянную работу. Такой IQ долгое время был предметом гордости А. Маслоу и поводом иногда смотреть на коллег свысока. За полгода до смерти, однако, он записывает в дневнике: «По мере того как я становлюсь старше, я начинаю ценить характер и ответственность выше, чем IQ» (Abraham..., 1972, p. 85).

В 1937 г. Маслоу наконец получил постоянную работу в Бруклинском колледже, недалеко от родительского дома, и стал преподавать. Он пользовался большой популярностью среди студентов за свой артистичный стиль, его называли «Фрэнком Синатрой Бруклинского колледжа» за неповторимое обаяние. Он читал курсы теории личности, аномальной психологии, в основном опираясь на таких авторов, как А. Адлер, К. Хорни и т. д. Революционным стал введенный им в 1940 г. авторский курс «Нормальная личность». В 1941 г. он выпустил в соавторстве с психотерапевтом Белой Мительманом учебник по аномальной психологии, который способствовал приобретению им серьезной репутации в академических кругах. Его судьба складывалась довольно удачно в том отношении, что он получил возможность лично встретиться и познакомиться со многими из ведущих психологов Европы, которые в ту пору эмигрировали от Гитлера в США. Многие из них поселились в Нью-Йорке и его окрестностях. «В то время, — вспоминал А. Маслоу, — Нью-Йорк Сити был просто фантастическим. Со времен Афин ничего подобного не было» (цит. по: Hoffman, 1988, p. 87). Там жили Курт Коффка, Вольфганг Кёлер, Макс Вертхаймер, Альфред Адлер, Эрих Фромм, Карен Хорни, Курт Гольдштейн и др. Со всеми он имел возможность общаться, встречаться, но, пожалуй, самое большое влияние на него оказал А. Адлер, А. Маслоу чувствовал себя многим ему обязанным, хотя его нельзя назвать учеником ни А. Адлера, ни кого-либо еще.

В этот же период А. Маслоу сдружился с ведущими культурными антропологами, которые работали поблизости в Колумбийском университете: Маргарет Мид, Рут Бенедикт, Ральфом Линтоном и чьи работы стали для него откровением еще во время учебы в Висконсинском университете. В 1938 г. А. Маслоу проводил полевые исследования среди черноногих индейцев под руководством Рут Бенедикт. Впоследствии он вспоминал: «Все культуры были уникальными, идиосинкратическими. В науке не было готовых способов понять, как работать с ними... Самым главным уроком, который я получил... было то, что индейцы прежде всего люди, представители человеческого рода, и только во вторую очередь — индейцы племени черноногих. По сравнению с тем, что было общим, различия, которые, конечно, были, казались поверхностными» (цит. по: Hoffman, 1988, p. 111). Первая встреча с иной культурой помогла ему преодолеть ту этноцентрическую установку, которая изначально свойственна практически всем американцам. Благодаря встрече с индейцами А. Маслоу смог с самого начала от нее избавиться. Это стало для него тем, что сейчас называют трансформативным опытом, и сыграло большую роль в эволюции его идей.

Еще одним фактором, повлиявшим на становление взглядов А. Маслоу в предвоенный период, было рождение двух дочерей в 1938 и 1940 гг. Наблюдение за их ростом в первые годы вызывало все больше сомнений в правоте Джона Уотсона, отрицавшего какую-либо врожденную основу развития и утверждавшего неограниченные возможности формирования

личности. «Когда я стал отцом, — вспоминал А. Маслоу, — ... бихевиоризм, вызывавший у меня столько энтузиазма, стал казаться таким глупым, что я не мог больше его выносить» (цит. по: Hoffman, 1988, р. 139).

Вторая мировая война не внесла в его жизнь существенных изменений, если не считать растущей печали и огорчения по поводу успехов фашизма во многих частях света, которые он воспринимал как личную трагедию. Однако вскоре после вступления США в войну случайная встреча на небольшом митинге с местными ветеранами предыдущих войн дала А. Маслоу внезапное озарение и осознание своей профессиональной миссии на оставшуюся жизнь — открыть такую психологию, которая была бы адекватна состоянию всеобщего мира, которое неизбежно наступит.

Мотивация и самоактуализация

В тот момент А. Маслоу видел единственный путь к этому в разработке теории человеческой мотивации. Чего хотят люди? Что устремляет их к определенным целям? И, в частности, почему они идут за Гитлером и за Сталиным? Имевшиеся теории его не удовлетворяли. В 1942 г. он записал в дневнике: «Я не сомневаюсь, что одним из побочных следствий современной теории и исследований мотивации будет низвержение раз и навсегда классической гедонистической теории» (цит. по: Hoffman, 1988, р. 151).

Именно в начале 1940-х гг. появился тот Маслоу, которого вскоре узнал весь мир. А. Маслоу разрабатывает новую теорию человеческой

мотивации, введя в качестве центрального понятие базовой потребности, впервые применив структурную идею иерархии и введя заимствованную у Курта Гольдштейна идею самоактуализации. Прославившая его теория человеческой мотивации была опубликована в 1943 г. и стала наиболее влиятельной публикацией за всю его профессиональную карьеру.

Исследование самоактуализирующихся личностей было опубликовано существенно позже, но первые попытки в этом направлении начались уже в 1944 г. По свидетельству самого А. Маслоу, толчком к этому исследованию послужили его учителя — Рут Бенедикт и Макс Вертхаймер. Они резко отличались от подавляющего большинства людей и казались «больше, чем просто людьми». Поворотным стал тот момент, когда А. Маслоу обнаружил ряд характерных черт, присущих им обоим. Постепенно сложилось представление о существовании особого типа людей — самоактуализирующихся личностей, максимально выражающих человеческую сущность. А. Маслоу предпринял обширное исследование самоактуализирующихся личностей с целью выявить характерный комплекс их психологических особенностей. При этом А. Маслоу формулировал для себя главный вопрос нетрадиционным образом: не «как возникают гении вроде Бетховена?», а «почему мы все не Бетховены?». «Я мыслю самоактуализирующегося человека не как обычного человека, к которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничего не отнято» (цит. по: там же, 1988, р. 174). В результате исследования были выделены

15 основных характеристик, присущих самоактуализирующимся личностям (см.: Maslow, 1970a; Маслоу, 1999б).

В данной статье мы не ставим задачу изложения эволюции теоретических взглядов А. Маслоу на мотивацию человека и, в частности, самоактуализацию, чему были посвящены специальные публикации (Леонтьев, 1987, 2002). В работах А. Маслоу последовательно разворачиваются пять различных пониманий самоактуализации. В первом понимании (при выделении и описании типа самоактуализирующихся личностей) самоактуализация выступала у А. Маслоу как особый уровень личностного развития. Во втором понимании (в соответствии с теорией базовых потребностей — первой теорией мотивации А. Маслоу) самоактуализация представляла как потребность, актуализирующаяся после удовлетворения большинства остальных потребностей. В третьем понимании (согласно теории мотивации нужды и мотивации роста — второй теории мотивации А. Маслоу) самоактуализация представляла как универсальная движущая сила, побуждающая процессы развития на всех уровнях. В четвертом понимании (согласно концепции пиковых переживаний) самоактуализация выступила как состояние, кратковременно доступное в принципе каждому человеку. Наконец, в пятом понимании (в соответствии с психологией Бытия и теорией метамотивации — третьей теорией мотивации А. Маслоу) самоактуализация оказалась лишь порогом, отделяющим от нового уровня существования, переходом от Становления к Бытию.

В 1946 г. у А. Маслоу резко ухудшилось здоровье и упала работоспособность, причем медицинские обследования не могли установить причину. На помощь пришли братья, владевшие небольшим бизнесом в Калифорнии по производству тары. Они настояли на том, чтобы А. Маслоу взял длительный отпуск и приехал с семьей на какое-то время в Калифорнию, пожить в более благоприятном климате. Его наняли менеджером с весьма необременительными функциями, позволявшими полноценно отдыхать и восстанавливаться, и когда этот процесс успешно пошел, они были весьма впечатлены его вкладом в развитие их бизнеса, превзошедшим все ожидания. Одновременно А. Маслоу вернулся и к научной работе, активно общаясь с коллегами расположенного поблизости университета Беркли и продолжая изучение самоактуализирующихся личностей по историческим источникам. Вернувшись после двухлетнего отпуска в Нью-Йорк, А. Маслоу опубликовал в 1950 г. отдельной статьей свое исследование особенностей самоактуализирующихся личностей.

В конце 1951 г. в профессиональном положении А. Маслоу произошли важные изменения. Его положение в Бруклинском колледже не предвещало особых перспектив: лишь после 14 лет работы он получил должность доцента и работал с большой нагрузкой в полном одиночестве. Коллеги избегали его по причине его слишком неортодоксальных интересов. Поэтому он охотно принял предложение перейти в новый амбициозный Университет Брандиса в Бостоне заведовать кафедрой

психологии и по своему усмотрению разрабатывать психологические программы и приглашать сотрудников. В университете работали такие «звезды», как физик Лео Сциллард, антрополог Альфред Крёбер, Элеонора Рузвельт преподавала международные отношения, а Леонард Бернстайн заведовал кафедрой музыки. Хотя А. Маслоу сразу ощутил новый уровень ответственности, его свобода также сильно возросла. В Университете Брэндиса А. Маслоу проработал почти до конца жизни.

В 1954 г. А. Маслоу удалось наконец завершить и в том же году выпустить обобщающую концептуальную книгу «Мотивация и личность» (Maslow, 1970a). Как всегда без ложной скромности, А. Маслоу верил, что написал одну из самых важных книг в истории психологии, вопрос только в том, когда это осознают коллеги. Это произошло очень быстро, во всяком случае возник огромный интерес к книге, ее автору и признание ее одной из важнейших работ десятилетия. Год спустя он выступил на Небрасском симпозиуме по мотивации со второй версией своей теории мотивации — с докладом о мотивации дефицита и мотивации роста, который открывал уже новые горизонты.

Очертания новой науки. Гуманистическая психология и просвещенный менеджмент

К середине 1950-х гг. А. Маслоу стал постепенно переходить от конкретных проблем к радикальной постановке вопроса о методологической неудовлетворительности психологической науки того времени и о

необходимости разрабатывать психологию совершенно иначе. В какой-то мере А. Маслоу обращался к этому уровню анализа и раньше. Так, например, в книге «Мотивация и личность» он посвятил специальную главу разным подходам к пониманию нормы и психического здоровья. В число критикуемых им взглядов вошло статистическое понимание нормы как среднего уровня, конвенциональное понимание нормы как соответствия установленному порядку, традиции или религиозным предписаниям, адаптивное понимание нормы как приспособленности к окружению, медицинское понимание нормы как отсутствия заболеваний. Взамен А. Маслоу предлагает новое, позитивное представление о норме, концепцию позитивного психического здоровья, которая получила впоследствии активное развитие. А. Маслоу связывает понятие здоровья во многом с условиями самоактуализации человека: в их число входит, например, любовь, нехватка которой порождает отклонения в развитии (см.: Maslow, 1970a, p. 275).

Во второй половине 1950-х годов А. Маслоу был занят преимущественно двумя проектами: подготовкой новой книги — продолжения «Мотивации и личности» — и организационными действиями по превращению небольшого числа людей, разделявших общие интересы и обменивавшихся публикациями, в мощное гуманистическое движение, получившее название «Третьей силы» в психологии, вышедшее далеко за рамки науки и трансформировавшее не только облик научной психологии, но и массовое сознание американцев.

Кульминацией стал 1962 г., когда была учреждена Американская ассоциация гуманистической психологии и вышло первое издание книги А. Маслоу «К психологии Бытия».

О гуманистической психологии написано немало, в том числе на русском языке. Хотя среди ее основоположников называют от трех до шести фамилий, по всеобщему признанию, именно А. Маслоу стал бесспорным и весьма харизматичным лидером этой «Третьей силы» — как идейно-концептуальным, так и организационным. Мы не будем касаться здесь истории этого движения, отраженной в других публикациях (De-Carvalho, 1991; Леонтьев, 1997).

Во многом манифестом нового движения стала книга «По направлению к психологии Бытия», где А. Маслоу заявляет, что необходима совсем другая психология, которая «имеет дело с целями, а не со средствами, т. е. с переживаниями-целями, с ценностями-целями, со знанием-целью, с людьми как с целями. Современная же психология пока занималась больше отсутствием, чем обладанием, стремлением, чем осуществлением, фрустрацией, чем удовлетворением, поисками радости, чем обретением радости, стремлением достичь, чем стремлением быть» (Maslow, 1968, р. 73). Успех книги превзошел все ожидания: хотя книга позиционировалась как профессиональная, за шесть лет было продано 200 000 экземпляров, прежде чем было выпущено второе издание в мягкой обложке для широкой аудитории (Maslow, 1968).

Как видно из названия, книга задумывалась как переходная на пути к новой психологии, в полной мере

развернутой А. Маслоу в его последней прижизненно подготовленной книге «Новые рубежи человеческой природы». А. Маслоу пришел к осознанию самоактуализации как пути, который выводит личность на новый уровень существования, позволяет перейти с уровня Становления на уровень полноценного Бытия, что связано с переходом от невротических или инфантильных «неистинных» жизненных проблем к «истинным», экзистенциальным, неизбежным, сущностным проблемам человека (там же, р. 115). «Если вы скажете, что у вас личностная проблема, то, пока я не узнаю вас лучше, я не знаю, говорить ли мне “Хорошо!” или “Какая жалость!”. Все зависит от причин этого» (там же, р. 7). Основное содержание книги составляют разделы, посвященные развитию, ценностям, познанию, креативности и пиковым переживаниям.

В том же 1962 г. А. Маслоу получил привлекательное как в финансовом, так и в содержательном отношении предложение от владельца калифорнийской технологической компании «Non-Linear Systems» Энди Кея провести лето, наблюдая и оценивая управленческую деятельность в компании, которая во многом была основана на новаторских идеях самого А. Маслоу. Как ни парадоксально, менеджмент, управление корпорацией оказался первой большой областью, где идеи А. Маслоу нашли практическое применение раньше, чем, скажем, в образовании и психотерапии. Одним из главных источников его вдохновения была опубликованная в 1960 г. книга профессора Массачусетского технологического института Дугласа Макгрегора

«Человеческая сторона предпринимательства» (McGregor, 1960), в которой были противопоставлены два подхода к менеджменту и предпринимательству, два стиля управления. Традиционный стиль, который Д. Макгрегор назвал «теория X», рассматривает людей как изначально по своей природе ленивых и эгоистичных, которых нужно побуждать что-то делать, организуя контроль и подкрепление, — типичный бихевиористский образ человека применительно к практике управления организациями. Ему он противопоставил «теорию Y», которая исходит из другого образа человека как по своей сути продуктивного и склонного к сотрудничеству. При этом Д. Макгрегор прямо ссылаясь на идеи А. Маслоу, на его новый взгляд на природу человека, который был развит в опубликованных им к тому времени работах. Книга Д. Макгрегора получила очень широкое распространение в сфере бизнес-образования, в кругах практиков бизнеса и привлекла большое внимание к А. Маслоу и его идеям.

«Non-Linear Systems» оказалась большой лабораторией, в которой теоретические идеи А. Маслоу были с успехом подвергнуты серьезной эмпирической проверке. Кей стремился организовать рабочую среду в соответствии с принципами «теории Y», т. е. поощрять креативность, кооперацию и самоуправление сотрудников. Очень много внимания уделялось тренингу и развитию навыков персонала, и в компании даже была введена должность вице-президента по инновациям, что было весьма необычно и ново для тех времен. А. Маслоу высоко оценил пользу от своего летнего пребывания

в компании, хотя и отказался перейти туда на постоянную должность.

А. Маслоу действовал феноменологически, т. е. пытался максимально подробно и детально записывать все свои впечатления, мысли, которые приходят ему в голову, читал параллельно книги по менеджменту и записывал свои впечатления. Ему был предоставлен диктофон и секретарь для расшифровки записей, а также библиотека книг по менеджменту. Расшифрованные заметки А. Маслоу под названием «Летние впечатления» были напечатаны Кеем небольшим тиражом для бесплатного распространения. Интерес среди тех, кто получил ее, был столь велик, что А. Маслоу охотно согласился выпустить ее в виде книги, сохранив ее «непричесанную» форму, и в 1965 г. она вышла под названием «Эвпсихический менеджмент: дневник» (Maslow, 1965). В названии Маслоу вводил изобретенное им самим понятие «эвпсихия» — утопическое, идеальное общество, построенное на психологических основаниях. Книга состоит из разных по стилю фрагментов. Некоторые из них являются дневникового типа размышлениями, некоторые — просто отрывочные мысли, некоторые представляют собой более или менее линейные фрагменты; некоторые были включены в его следующую концептуальную книгу «Новые рубежи человеческой природы». Несмотря на заумное название, книга привлекла большое внимание лидеров бизнеса, стала переиздаваться, была переведена на японский язык. Это стало для А. Маслоу неожиданным, впервые он недооценил значимость своих идей. Наряду с Д. Макгрегором

А. Маслоу внезапно для себя стал знаменем просвещенного менеджмента — новой парадигмы корпоративного управления, в которой работники рассматриваются не как винтики, подлежащие манипулированию с помощью подкреплений, а как носители достаточно сложных и разнообразных потребностей.

Кроме «Эвпсихического менеджмента», в этот период вышли еще две маленькие по объему и сфокусированные по своему предмету книги А. Маслоу. В конце 1964 г. вышла книга «Религии, ценности и пиковые переживания» (Maslow, 1970b), а в 1966 г. — «Психология науки: рекогносцировка» (Maslow, 1966). Первая из них содержала оригинальную трактовку возникновения религии как особого языка описания пиковых переживаний, а вторая — наиболее концентрированное изложение методологических оснований новой психологии.

Психология науки

Основной тезис этой книги, сформулированный в ее введении, заявляет об ограниченности и неадекватности традиционной модели науки, унаследованной от наук о вещах, объектах, животных и изолированных процессах, когда мы хотим изучать целостных индивидов и культуры. Скрытая, но фатальная слабость классической науки — «ее неспособность безлично обходиться с личным, с проблемами ценности, индивидуальности, сознания, красоты, трансценденции, этики» (Maslow, 1966, р. xiv). И если классическая наука, не сходя с этих позиций, критикует определенные направления

психологии, то эта критика может быть возвращена самой классической науке. «Я помню вспышку раздражения на одной встрече: “Почему вы спрашиваете, достаточно ли научен психоанализ? Почему не спрашиваете, достаточно ли психодинамична наука?” Здесь я задаю тот же вопрос» (там же, р. xiv–xv).

Хотя А. Маслоу был не вполне удовлетворен классической наукой со студенческих лет, эта неудовлетворенность имела форму скорее малоосознанного дискомфорта, и лишь постановка новых вопросов о природе человека привела к осознанию ее неадекватности. «Именно тогда мне пришлось изобретать *ad hoc* новые методы, новые понятия и новые слова, чтобы хорошо справляться с моими данными. До этого наука для меня была Единой и Единственной. Но теперь все стало выглядеть так, как будто существуют две науки, одна для моих новых проблем и одна для всего остального. Но совсем недавно, может быть, десять или пятнадцать лет назад стало казаться, что эти две науки могут быть опять объединены в одну. Это новая наука, однако выглядит она иначе; она обещает быть более всеохватной и более мощной, чем старая Единая наука» (там же, р. xv). И далее А. Маслоу (без особого успеха) делает специальные оговорки, чтобы предотвратить ложное понимание гуманистической психологии как антинаучного, антирационалистического движения. «Я хочу, чтобы поняли, что я пытаюсь не разрушить, а *расширить* науку. Незачем выбирать между переживанием и обобщением. Наша задача — соединить их» (там же, р. xvi). Он заявляет, что в основу

книги положена критика взгляда на ортодоксальную, механистическую науку как на единственный надежный путь познания; этот расхожий взгляд А. Маслоу объявляет «философски, исторически, психологически и социологически наивным» (там же, р. 1). Такую науку нельзя назвать неправильной, но она узка и ограничена, что в особенности проявляется в таких областях, как психология и этнология. «Ортодоксальная наука потерпела неудачу во всех сферах изучения человека и общества» (там же, р. 145).

Одна из центральных глав книги называется «Познание личности как задача ученого». В ней А. Маслоу пытается, двигаясь от специфики личности как объекта познания, сформулировать познавательные принципы, адекватные этому объекту, в том числе следующие:

– *Идиографическая стратегия* в дополнение к номотетической: «Прежде всего я должен подходить к личности как к индивиду уникальному и своеобразному, единственному представителю своего класса» (р. 10).

– *Холистический подход* к личности как к целостности в противовес традиционной научной стратегии расчленения; эта последняя успешна лишь применительно к неорганической природе и сталкивается с проблемами уже при изучении далеких от человека живых организмов.

– *Опора на субъективные отчеты* и проблема их достоверности.

– *Неманипулятивная, невмешивающаяся, даосистская позиция*, терпеливое и внимательное вслушивание в противовес активному манипулированию теми, кто не очень-то желает быть познанными.

– *Фокусирование на проблемах, а не на методах*. Освоение любого метода порождает искушение его расширенного применения за пределами того, что он может реально дать: «Если у вас есть только молоток, возникает соблазн обращаться со всем, как с гвоздями» (там же, р. 15–16). А. Маслоу призывает психологов стараться работать с действительно важными проблемами, пытаясь сделать то, что можно, а не ограничиваться тем, с чем справляются имеющиеся техники. «Если вы определяете науку через то, что вы в состоянии сделать, тогда то, что вы не можете сделать, оказывается “не-наукой”, т. е. ненаучным» (там же, р. 16).

– *Наличие сопротивлений и страха познания*. «Кошке, насколько можно судить, нетрудно быть кошкой. Это не пугает. Но быть полноценным человеком трудно, страшно и проблематично. Люди любят познание и стремятся к нему — они любопытны, — но вместе с тем боятся его. Поэтому познание человека основано на диалектике этой любви и этого страха» (там же). А. Маслоу формулирует как закон то, что чем дальше область познания от личности, тем больше объем знаний, богаче история науки, надежнее методы и т. п. О металлах и электричестве известно больше, чем о сексе или эксплуатации. «Иногда приходится, говоря со студентами старших курсов, обучающимися психологии или социальным дисциплинам, напутствовать их как на войну. Приходится говорить о храбрости, о морали и этике, о стратегии и тактике. Психологу или специалисту в науках об обществе приходится бороться за истинное знание о “горячих” темах» (там же, р. 17).

– *Страх быть познанным*, наряду с желанием этого. В отличие от других объектов познания человек в этом качестве должен хотеть этого или хотя бы позволить его познать, доверяя познающему, которому он в некотором смысле «сдается».

– *Наличие у личности целей*, с которыми по-разному соотносятся инструментальные средства и которые по-разному вследствие этого оцениваются. В неживой природе подобная дифференциация отсутствует.

– *Неполное осознание* самим субъектом своих целей, проблем и т. п., наличие невербализованных, невыразимых, иррациональных содержания.

В последующих главах книги А. Маслоу развивает применительно к проблемам науки сформулированную им ранее идею противопоставления направленности на развитие и направленности на безопасность. Незрелая наука имеет защитную ориентацию, она стремится больше к однозначности и определенности, к опоре на иерархии, традиции и авторитеты. Наука зрелая более открыта, толерантна к неоднозначности, риску и ниспровержению устоявшихся взглядов. В отличие от классической науки новая гуманистическая наука должна исключить из своей повестки цели предсказания и контроля поведения. «Конечно, мы знаем, что нейтральность и невключенность с теоретической точки зрения почти невозможны. Однако движение *в направлении* к этому идеалу возможно, и оно отличается от движения *в обратном направлении*» (там же, р. 50). При этом А. Маслоу видит классическую, контролирующую и манипулирующую науку и гумани-

стическую, невмешивающуюся, или даосистскую, как взаимодополняющие. «Хороший ученый, располагающий двумя методами, любой из которых он может использовать, где считает нужным, сильнее, чем хороший ученый, располагающий лишь одним методом» (там же, р. 95).

А. Маслоу подробно анализирует специфику самого психологического знания, формулируя тезис о первичности непосредственного переживания, требующего феноменологического анализа. Опираясь, в частности, на дзен-буддистские источники, он дает подробную характеристику этой разновидности познания. «Переживание нельзя заменить ничем» (там же, 1966, р. 45). Вместе с тем одного непосредственно-опытного знания недостаточно. А. Маслоу и здесь подчеркивает, что он не противопоставляет непосредственно-опытное и абстрактно-вербальное знания друг другу, а, напротив, ищет способы их интеграции. Эмпирической науке, ориентированной на реальность как она есть, А. Маслоу приписывает смирение в отличие от некоторого высокомерия многих классических абстрактных априорных теорий (там же, р. 68).

Немалую роль играют отношения между познающим субъектом и объектом познания. В качестве парадигмы для новой гуманистической науки А. Маслоу предлагает включенное межличностное отношение по типу «Я – Ты» взамен традиционного отношения отстраненного наблюдателя, систематизируя существенные различия этих типов отношений (там же, р. 104–107). Такой тип отношения к познаваемому является очередной ступенью в историческом

развитии познания. «В ранних версиях наблюдатель просто наблюдал. В более поздних версиях стало понятно, что наблюдатель носит неснимаемые искажающие очки. Недавно физики и психологи выяснили, что сам акт наблюдения меняет, формирует, вторгается в наблюдаемый феномен. Одним словом, наблюдатель отчасти создает реальность, т. е. истину. По-видимому, реальность — это своеобразный сплав наблюдаемого и наблюдателя, их совместный продукт, результат взаимодействия» (там же, р. 111). Любовь к объекту познания, согласно гипотезе А. Маслоу, увеличивает, а ее отсутствие уменьшает опытное знание об объекте, хотя на вербально-отстраненное знание она влияет скорее обратным образом (там же, р. 51). «Я убежден, что некоторые астрономы, некоторые химики и т. д. втайне относятся к своим “проблемам” аналогично тому, как влюбленные к своим возлюбленным» (там же, р. 109).

С позиций этого же различия А. Маслоу подходит к проблеме осмысленности, различая абстрактный смысл, жестко зафиксированный и структурированный, и имманентный смысл (*suchness meaning*), данный не в знаковых формах, а в формах непосредственного переживания. «Отчасти жизнь имеет свой собственный смысл. Простое переживание того, что ты живешь, идешь, видишь, чувствуешь вкусы и запахи, испытываешь чувственные и эмоциональные переживания и т. п., помогает сделать жизнь стоящей. Когда все это уже не приносит радости, сама жизнь ставится под вопрос, и мы сталкиваемся с возможностью скуки, тошноты, депрессии и суицида. Тогда

мы говорим: “Жизнь лишена смысла”, или “Зачем жить?” или “Жизнь уже не стоит того”. Именно поэтому я предпочитаю говорить об имманентном смысле, а не фиксировать смыслоутрату» (там же, р. 91–92).

Еще одна проблема классической науки состоит в том, что она рассматривала людей как пассивных объектов, а не активных субъектов, как беспомощных наблюдателей того, что с нами происходит, а не инициаторов, творцов, тех, кто приводит события в движение. Только гуманистическая наука оказывается открытой к реальности другого рода. «Чувство того, что ты активный субъект, совсем иное. Это переживания желаний, ответственности, движущей силы, способности, владения собой, самодетерминированности, а не детерминированности извне, обусловленности, беспомощности, зависимости, пассивности, слабости, неспособности, подчинения командам или манипуляциям» (там же, р. 54–55).

Наконец, А. Маслоу бросает вызов тезису о «свободе от ценностей» классической науки, показывая, что свобода от ценностей, целей, эмоций отграничивает науку от больших областей жизни, превращая занятия ею в подобие монашеского служения. Напротив, утверждает он, наука, как и ученые, состоит на службе у ценностей (там же, р. 123). И показывая редукционистский, защитный характер тенденции к десакрализации науки, лишения ее ореола священнодействия, А. Маслоу завершает утверждением: «Наука на ее высших уровнях в конечном счете есть организованное систематическое и радостное изучение чуда, благоговения и тайны.... Наука может быть

религией нерелигиозных, поэзией непоэтов, искусством для неспособных рисовать, юмором для серьезных и любовью для скованных и застенчивых» (там же, р. 151).

В посмертно опубликованной стенограмме публичного выступления за несколько месяцев до смерти А. Маслоу расширяет свою аргументацию в пользу воссоединения науки с ценностями. «Нам нужна наука с гораздо более широкой юрисдикцией, чем сейчас, когда она пытается быть ценностно нейтральной и свободной от ценностей, позволяя утверждать ценности произвольно. Если вы не делаете это на основе фактов, на чем еще вы можете это основывать, помимо священных книг и откровений людей, не знавших, о чем они говорят? Вы оставляете ценности на утверждение неэмпирическим людям на нефактических основаниях» (см.: Abraham..., 1972, р. 41).

Последние годы

Во второй половине 1960-х гг. параллельно с бурным ростом популярности гуманистического движения, ценности которого хорошо согласовывались с широким социальным запросом времени и ориентациями молодежной контркультуры США, известность А. Маслоу намного перешагнула рамки профессионального сообщества. «Психология науки» также дала этому очередной толчок. Он вошел в число «героев контркультуры», у которых искали смысл и жизненные принципы миллионы образованных представителей нового поколения американцев, встав в один ряд с такими знаковыми

фигурами, как Пол Гудмен, Олдос Хаксли, Тимоти Лири, Рам Дасс, Алан Уотс, Рональд Лэинг, Ролло Мэй и Карл Роджерс. Его выступления иногда проходили перед аудиториями в 500–1000 человек. Наиболее урожайным на признания стал 1968 г., когда Американская гуманистическая ассоциация назвала его Гуманистом года, почти ежедневно почта приносила ему приглашения выступить на конференциях в стране или за рубежом, принять почетную ученую степень или присоединиться к научному проекту. Но наиболее неожиданной из почестей стало избрание его в июле того же года президентом Американской психологической ассоциации. Он чувствовал, что уже не один, что его идеи получают поддержку. Вместе с тем один из его коллег, Фрэнк Мэнюэл, вспоминает, что А. Маслоу был очень расстроен после первого заседания Совета АПА после его избрания. «Что такого он сделал, — угрюмо спрашивал он вновь и вновь, — что с ним случилось такого, что эти позитивистские раздолбай выбрали его? Наверное, он что-то сделал неправильно, в чем-то отступил от своих идеалов, раз это стало возможно. Я сидел и утешал его...» (цит. по: Abraham..., 1972, р. 5).

А. Маслоу продолжал интенсивно работать над проблемами новой психологии — психологии Бытия: «Все, что помогает личности двигаться в направлении большего психологического здоровья или более полной человечности, ведет к изменениям личности в целом. Эта более человечная, более здоровая личность будет обнаруживать десятки, сотни и миллионы отличий в поведении,

переживании, восприятии, общении, обучении, труде и т. д., причем все это будет более “творческим”. Она станет просто другой личностью, которая будет иначе вести себя во всех отношениях» (Маслоу, 1999б, с. 76). Один из центральных фрагментов этой новой психологии был опубликован в форме журнальной статьи в 1967 г. и, к огорчению А. Маслоу, не привлек внимания за пределами небольшого круга единомышленников. Это была теория метамотивации и бытийных ценностей, ставшая третьей теорией мотивации А. Маслоу после иерархической теории базовых потребностей и теории мотивации нужды и мотивации роста (Maslow, 1969б).

Суть теории метамотивации заключается в следующем: когда человек выходит на уровень Бытия, у него перестраивается вся структура мотивации. Не просто одна базовая потребность сменяется другой; базовые потребности исчезают вообще, точнее, уходят в фон и перестают быть фигурой в жизни человека. Фигурой же становятся метамотивы, или бытийные ценности. Хотя они тоже являются частью биологической природы человека, но они побуждают нас не изнутри, а извне, из мира. Человек обнаруживает соответствие каких-то идеальных характеристик действительности и того, с чем он идентифицирует самого себя и к чему он стремится. Если он сталкивается с тем, что он воспринимает как недостаток или попрание справедливости, он начинает бороться за восстановление справедливости. Если он видит в мире какой-то дефицит красоты, он посвящает свою жизнь тому, чтобы в мире установить

эту красоту. Во всех этих случаях он добивается этого результата не для себя лично, но вносит что-то в мир и становится от этого счастливым.

С этим перекликаются некоторые заметки из книги «Эвпсихический менеджмент», в которых А. Маслоу приходит к выводу о том, что наличие жизненной задачи или миссии, которое он рассматривал раньше как одну из 15 особенностей самоактуализирующихся личностей, оказывается на самом деле главной и определяющей (Maslow, 1965). Во многом это перекликается и с критикой в адрес понятия самоактуализации со стороны В. Франкла, который утверждал, что самоактуализация не может быть конечной целью, но лишь побочным следствием осуществления смысла, который человек находит в мире (Frankl, 1969; Франкл, 1990, с. 54–69). А. Маслоу согласился с этой критикой и принял ее (Maslow, 1969а).

В 1968 г. А. Маслоу был госпитализирован с сердечным приступом. После выписки он продолжал интенсивно работать, но стремился максимально избавиться от своих текущих преподавательских функций. Гонорары за издания и выступления теперь обеспечивали его в достаточной мере, но как человеку, пережившему Великую депрессию, ему было психологически трудно оставить постоянную работу.

Однако в декабре он получил предложение, от которого невозможно было отказаться, и вновь от калифорнийского бизнеса: президент «Saga Administrative Corporation» Уильям Лафлин предложил ему персональную стипендию из личных средств на срок от двух до четырех

лет, включающую достойную зарплату, новый автомобиль и личный офис с техническим персоналом, причем А. Маслоу должен был заниматься только своими собственными научными проектами. Долгосрочные планы, вписанные А. Маслоу в текст контракта с Благотворительным фондом У. Лафлина, были таковы: «Мой большой план в масштабе жизни состоит в том, чтобы построить всеохватывающую и систематическую психологию и философию человеческой природы и общества, которая уже находится в процессе формирования. Эта гуманистическая психология представляет собой в самом подлинном смысле общий и всеохватывающий взгляд на жизнь, мировоззрение, или жизненную философию, являющуюся не только интеллектуальной конструкцией, но способом жизни; систему этики и ценностей, политики и экономики, образования и религии; философию науки и т. д. Новый образ человека и новый образ общества порождают изменения во всех аспектах человеческой жизни и во всех социальных институтах, которые, в конечном счете, суть порождения природы человека. Эти новые возможности (или вероятности) революционны почти в том же смысле, в каком мы говорим о дарвиновской революции, — или о фрейдовской, ньютоновской, эйнштейновской революциях» (цит. по: Abraham..., 1972, p. 60). На самые ближайшие годы он планировал разработку философии демократической политики, экономики и этики, вытекающей из гуманистической психологии (там же).

Уволившись из Университета Брэн-диса по медицинским основаниям,

А. Маслоу с семьей в начале 1969 г. переехал в новый дом в Менло-Парк в Калифорнии. Новый отрезок жизни не разочаровал А. Маслоу. Он весьма продуктивно работал над книгой «Новые рубежи человеческой природы», которую практически завершил, начал готовить небольшие книги по вопросам образования и политики, продолжил исследования трансперсональной психологии, в частности, описал плато-переживания — особые состояния сознания, отличающиеся от пиковых переживаний произвольностью и устойчивостью. На пике славы и продуктивности его жизнь оборвал второй инфаркт 8 июня 1970 г.

Подведение каких-то, пусть даже промежуточных, итогов представляется плохо сочетающимся с воззрениями и самой личностью А. Маслоу, для которых характерна постоянная устремленность вперед и непрекращающееся движение. М. Эронс, оценивая роль А. Маслоу в истории психологии (и не только ее), констатирует, что место А. Маслоу в диалоге психологов будущего неоспоримо, несмотря на всю во многом справедливую критику его взглядов. Вклад А. Маслоу в будущую науку о человеке сосредоточен на проблемах этики и ценностей, и выход из нынешнего ценностного кризиса М. Эронс связывает именно с обращением к его взглядам. Философия, разрабатываемая А. Маслоу, связывает цель индивидуального самоосуществления с эволюцией этического сознания (Arons, 1999, p. 340–341). Концепция человека, разработанная

А. Маслоу, несмотря на ее очевидные недостатки, слабые места, обладает достаточно большим эвристическим потенциалом, чтобы быть крайне полезной в сегодняшних дискуссиях (см.: Леонтьев, 2008). Взгляды А. Маслоу опередили свое время, предвосхитили многое пришедшее после него и многое еще не возникшее.

Психологической науке на очередном витке своего развития еще предстоит открыть для себя нового А. Маслоу, уже не в первый раз опередившего свое время. Можно вполне согласиться с мнением Э. Хоффмана, что истинное значение работ А. Маслоу раскроется только в XXI столетии (Hoffmann, 1996, p. IX).

Литература

- Леонтьев Д.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 150–158.
- Леонтьев Д.А. Гуманистическая психология как социокультурное явление // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 19–29.
- Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: Историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.
- Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек — наука — гуманизм / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Наука, 2008. С. 69–84.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999а.
- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999б.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Abraham H. Maslow: A Memorial Volume. Monterey (CA): Brooks/Cole, 1972.
- Arons M. Abraham Maslow: Yesterday, Tomorrow, and Yesteryear // Humanistic and Transpersonal Psychology: A Historical and Biographical Sourcebook / D. Moss (ed.). Westport (CT): Greenwood Press, 1999. P. 334–346.
- DeCarvalho R.J. The founders of humanistic psychology. N.Y.: Praeger, 1991.
- Frankl V.E. Self-transcendence as a human phenomenon // Readings in humanistic psychology / A.J. Sutich, M.A. Vich (eds.). N.Y.: Free Press, 1969. P. 113–125.
- Hoffman E. The right to be human: A biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, Inc., 1988.
- Hoffman E. Abraham Maslow: A biographical sketch // Maslow A.H. Future visions: The unpublished papers of Abraham Maslow / E. Hoffman (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. P. 1–16.
- Maslow A.H. Eupsychian Management: A Journal. Homewood, IL: Richard D. Irwin; Dorsey Press, 1965.
- Maslow A. The psychology of science: A reconnaissance. South Bend, IN: Gateway Editions, 1966.
- Maslow A.H. Toward a psychology of Being. N.Y.: Van Nostrand, 1968.
- Maslow A.H. Comments on Dr. Frankl's paper // Readings in Humanistic Psychology / A.J. Sutich, M.A. Vich (eds.). N.Y.: Free Press, 1969a. P. 126–133.
- Maslow A.H. A theory of metamotivation: The biological rooting of the value-life // Readings in Humanistic Psychology /

A.J. Sutich, M.A. Vich (eds.). N.Y.: Free Press, 1969b. P. 153–199.

Maslow A.H. Motivation and Personality. N.Y.: Harper and Row, 1970a.

Maslow A.H. Religions, values and peak-experiences. N.Y.: Viking, 1970b.

Maslow A.H. Future visions: The unpublished papers of Abraham Maslow / E. Hoffman (ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.

McGregor D. The human side of enterprise. N.Y.: McGraw-Hill, 1960.

СЕМИНАР С А. МАСЛОУ ВЕСНОЙ 1970 ГОДА¹

Р. Танненбаум. Вступление

Я хочу поделиться некоторыми своими впечатлениями. Во многом оформление этого текста стало возможным в результате многочисленных споров об Эйбе Маслоу с моей женой Эдит. Я привожу эти наблюдения в виде самостоятельных фрагментов, не пытаюсь создать целостного представления об Эйбе.

Эйб обладал детской непосредственностью. Он зачастую подходил к новым идеям и новому опыту со свежестью и изумлением ребенка, который впервые столкнулся с чем-то неожиданным в этом мире. Его непосредственность выражалась, помимо прочего, в его наивности в отношении многих моментов повседневной жизни, так же как и в его огромном любопытстве и энтузиазме по поводу всего, что его окружало.

Эйб был открытым человеком. Он был открыт для восприятия идей и опыта других людей. Он был весьма восприимчив к новым идеям и полу-

чал огромное наслаждение, играя с ними и сопоставляя их со своими прежними идеями и наблюдениями. Эйб был открыт для принятия и защиты собственных мыслей и чувств. Он частенько рисковал, проявляя такую открытость.

Например, его заметки, которые составили книгу «Эвпсихическое управление» (Eupsychian Management), изданную с помощью трафаретной печати, были опубликованы без редакторской правки, купюр, добавлений и каких-либо изменений, кроме исправления типографских опечаток. Сами по себе эти заметки спонтанно надиктовывались им каждый день как результат его опыта работы в компании Non-Linear Systems.

Эйб умел слушать с удивительной легкостью. В такие моменты у людей возникало искреннее чувство, что он чему-то у них учится, что он на самом деле приобретает что-то новое благодаря им. Многие испытали проявление этого качества Эйба на себе.

¹ Запись выступления А. Маслоу на публичном семинаре в 1970 г. и предисловие к ней сделаны Робертом Танненбаумом, профессором Высшей школы менеджмента Калифорнийского университета Лос-Анджелеса (из книги: Abraham H. Maslow: A Memorial Volume. Monterey (CA): Brooks/Cole, 1972. P. 33–56).

У него была привычка носить с собой карточки или чистые листочки в кармане, и часто, когда кто-то говорил с ним, Эйб доставал чистый листок и бегло делал пометки о том, что дала ему беседа.

Эйб легко внушал людям глубокое уважение к их идеям и проектам и вызывал в них энтузиазм и высокую мотивированность на осуществление задуманного. Это качество Эйба сыграло немалую роль в написании множества статей и книг разными людьми, в организации Эсалена, это положило начало «Журналу гуманистической психологии», «Журналу трансперсональной психологии» и многим другим подобным начинаниям.

Эйб был чрезвычайно скромным, даже застенчивым человеком. Порой он с трудом мог поверить, что он действительно тот Абрахам Маслоу, которого знают многие люди. Он умел отстаивать свою точку зрения даже тогда, когда ее разделяли немногие. Но он делал это с покорностью, у него не было нужды хвастаться. И в профессиональных, и в личных отношениях у него не было потребности властвовать. К тому же он был человеком довольно простым в своих личных пристрастиях. Он жил не напоказ.

Эйб считал себя этичным человеком. Его высокие моральные стандарты отражались в его поведении. Многие люди по своему опыту знали его как очень порядочного человека.

Хотя Эйб прекрасно переносил пребывание в одиночестве (но не

одиночество само по себе), он получал удовольствие от взаимодействия с окружающими. Он наслаждался людьми, особенно «хорошими» людьми.

Эйб был охвачен жаждой утверждения источников человечности в человеке. В последние годы он вкладывал в это большую часть своей энергии через писательство, разговоры, межличностные взаимоотношения и мн. др., чтобы создать такой сильный импульс, какой он только сможет, в продвижении того, во что он верил. В последние несколько лет своей жизни он прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы печататься как можно чаще. Он выражал беспокойство по поводу того, что у него осталось уже не так много времени, чтобы высказать то, что он хотел, и создать тот импульс, который он хотел.

У Эйба был особенный талант связывать свои идеи с красочными, запоминающимися терминами: эвпсихика, дефицитарность и бытийность, самоактуализация, иерархия потребностей, пиковые переживания (включая пикеров и непикеров) и знание–наблюдение.

Нижеприведенные строки имеют особенное значение для тех, кто присутствовал на последнем большом публичном семинаре Эйба. Он проходил 17 марта 1970 г., во второй день семинара организационных перспектив Высшей школы менеджмента Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе². На протяжении почти трех часов Абрахам Маслоу говорил. Свободно, без заранее

² The Organizational Frontiers Seminar at the Graduate School of Management of the University of California, Los Angeles.

подготовленного плана он делился своими взглядами, чувствами, надеждами. Его пребывание здесь-и-сейчас как человеческого существа, каким он был, затронуло глубокие струны во всех нас, находящихся в зале.

Меньше чем три месяца спустя, 8 июня 1970 г., Абрахам Маслоу скончался. Вспоминая о импульсе, который он передал нам тем утром, я попытался представить здесь как можно более полно открытия, мудрость и юмор Эйба (с минимальным редактированием и небольшой перегруппировкой его мыслей для того, чтобы систематизировать их по темам).

А. Маслоу

Оптимизм и отчаяние

Как мне кажется, наша современная ситуация — это часть происходящей неявной революции. Я говорю об этом в терминах столкновения культур. С одной стороны, есть культура мужества, совладания, сопротивления и устремлений, где все подразумевает своего рода оптимизм, всегда возможность, если не осуществимость. С другой стороны, есть культура отчаяния, безнадежности, теории зла, которой пропитаны определенные группы населения.

История идей, история западной цивилизации во многом является историей развенчания добрых 90% людей, тех, кого мы называли великими, кто сформировал нас, кто остался в нашей крови. Мы все ньютоновцы, платоники, фрейдисты, марксисты, веберовские типы и т. д. Я хочу, чтобы вы задумались на минуту, что все они принесли нам недо-

верие, подозрения, разоблачения, заставляя нас терять свою веру в то, что мы видим перед своими глазами, и чувствовать, что есть что-то за тем, что мы видим, а значит, вынуждая нас не доверять самим себе. Главное направление западной истории (истории идей, как ее сейчас называют) не в том, чтобы развеять самолюбование человечества, а в том, чтобы нанести удар по его доверчивости — доверию человеческой природе, вере в возможность развития, в возможность совершенствования и т. п. Эти удары наносились снова и снова, так что мы оказались загнанными в несколько паранойяльную позицию. Нельзя полагаться на здравомыслие, потому что это всего лишь рационализация. Нельзя доверять организациям, потому что за всем, что они делают, стоят классовые интересы.

В настоящее время моя работа посвящена тому, что я называю «метамотивацией», т. е. она затрагивает внешние по отношению к человеку истины, внутренние ценности и ту роль, которую они играют в нашей мотивации. На основе своего опыта я настаиваю на том, что после того как

мы один раз решили проблемы низлежащего уровня (материальные проблемы), приобретает огромную роль метамотивация — поиск правды, совершенства, красоты, справедливости, наивысшего порядка, абсолютной простоты, гармонии, братства и т. п. Я в этом все больше убеждаюсь и сейчас говорю с уверенностью и заверяю вас, что это означает годы непрерывного противостояния, неуверенности и постоянных сомнений «а не сумасшедший ли я?».

Когда я встречаю очень хорошего человека, все доступные мне ресурсы уходят на понимание, что этот прекрасный человек рано или поздно разоблачит себя тем, что будет искать власти или станет преследовать корыстные цели и т. п. Я хочу, чтобы вы подумали о том, насколько история западной цивилизации приучила нас к платоновской идее, что все, что мы видим, — на самом деле не реально и всегда есть что-то за тем, что мы непосредственно воспринимаем. Нам всем навязана эта позиция отчаяния. Если бы вы провели столько же времени, сколько провел я за последние несколько лет, размышляя об этом, стараясь это почувствовать, разобраться во всем, я думаю, в итоге вы пришли бы к такому же раздражению, какое я испытываю к распространителям культуры отчаяния в нашем обществе. Я не говорю сейчас о скептицизме, который, по-моему, достаточно оправдан и приемлем. Но я говорю о людях, которые уверены и которые будут продолжать настаивать на допущении, что мы все, по сути дела, стадо мерзавцев, и если и ведем себя любезно, то за этим всегда что-то

стоит, и все это притворство, фальшь и лицемерие.

Таким отношением пропитаны наши студенты. Недавно я услышал от одного профессора об одной из моих книг («По направлению к психологии бытия», которая, по-моему, не слишком оптимистична), что она основана на опыте. Это рассказ о таких фактах, на которые культура отчаяния предпочитает не обращать внимания. Моя собеседница, профессор, сказала мне, что, по словам одного студента, чтение этой книги было для него необычным опытом. После четырех лет колледжа он вдруг понял, что каждый профессор, каждый курс, которые он прослушал, убеждали его в том, что человеческая природа — зло и ей нет веры. Это была, на его выпускном курсе, первая книга, где о людях говорилось что-то хорошее.

Мне кажется, в направлении развития, если говорить об истории последних 2500 лет, сейчас происходит что-то новое. Пожалуй, впервые был предложен синтез, основанный не на отчаянии, не на допущении о порочности, о первородном грехе, о внутреннем зле, не на рекомендации не верить своим глазам или учению о том, что реальны только нечеловеческие, неличностные вещи и что все, что нам важно, на самом деле нереально. И будто бы поэтому все это не надо принимать в расчет.

Мы предлагаем впервые предпринять попытку позитивного синтеза, подразумевающую веру в человека, веру в общество. И я намерен быть в этом настолько стойким, насколько я способен. Я говорю о всеобъемлющей философии жизни — философии всего, а не только философии

психологии и человеческой природы и общества, а всех профессий, социальных институтов, возможного будущего человека. Теперь наконец это можно сделать. Можно говорить о гуманистическом способе жизни, о духе гуманизма. Таким образом, происходит что-то новое.

Если говорить в терминах вероятности, то я бы сказал, что мы должны иметь в виду, что есть реальная вероятность, что мир взлетит на воздух и мы вместе с ним. И это действительно возможно. С другой стороны, есть другая вероятность — вероятность победы истины, фактов, науки нового гуманистического направления. Мне кажется, удача во многом на стороне успеха нового гуманистического синтеза. Я не думаю, что это произойдет в любом случае, потому что мы можем раньше успеть взлететь на воздух. Но если мы можем спасти себя от самоуничтожения, от ухода обратно в джунгли, то, думаю, я мог бы хорошо это показать, если бы было время, потому что факты, данные на стороне «гуманистической этики», нового образа общества, пусть этот образ и достаточно примитивен, но он уже есть, о нем можно говорить, об этой возможности хорошего общества. Несомненно, это возможность, и мы хорошо знаем об этом. Для того чтобы произошел этот переворот к новому образу человека, новому образу общества, на мой взгляд, необходим новый образ науки, которая учитывала бы эти новые определения старых миров, нужна новая эпистемология, новая метафизика, новая этика, новая аксиология, новое определение того, что значит «факт», новое определение истинности, связанное с понятием

смысла, в общем целая новая методология.

Это все, что я хотел сказать. Возможно, в том, что я сказал, есть немного злости. Я бываю очень зол, иногда мне очень горько от всего этого, хочется вооружиться против этой организованной группы мерзавцев, которой, к сожалению, принадлежит сейчас решающий голос, поскольку они стоят у микрофонов нашей культуры. Я хочу отослать вас к исправленному изданию моей книги, которая называется «Мотивация и личность», впервые опубликованной около 15 лет назад. К счастью, у меня было время хорошо поработать над ее переработкой, действительно усердно поработать, а не урывками, как это обычно делают профессора, переписать полностью неудачные места и подкрепить то, о чем я сейчас говорил, хотя бы предварительными результатами. Особенно я хочу обратить ваше внимание на предисловие к этой книге, где изложена моя точка зрения. Там в сконцентрированном виде представлено мое кредо, мое чувство, что мы должны понять проблему как можно более широко, считать, что мы находимся между мирами — миром уже мертвым (или, по крайней мере, миром, от ликвидации которого прямо сейчас ничего страшного не произойдет) и миром, которому еще предназначено родиться. Можно сказать, что он еще только вынашивается. И мы стоим ровно в центре всего этого, в довольно неопределенном положении. И нам нужна не только терпимость к этой двойственности, но и немалое мужество. Есть вероятность, что мы можем выжить. Есть шанс, реальный шанс, что мы можем

создать хорошее общество. Уже накопилось изрядное количество проверенных фактов, что мы можем усовершенствовать человеческую природу, что мы можем сделать человека лучше, и мы знаем, как это сделать. И я думаю, это может дать нам мужество в этой неопределенной ситуации, чтобы не только терпеть ее, но и погрузиться в этот ужас и бороться, потому что бороться есть с чем. Многое еще нужно сделать.

*О «нормативном стремлении»
и о том, как быть
хорошим ученым*

Нижеследующие размышления — результат многих лет внутренней борьбы. С одной стороны, это стремление быть максимально этичным человеком — тем, кто старается сделать этот мир лучше, а именно сделать лучше человека. Эта работа заставляет меня бороться, сражаться, вести политику скорее аристотелев-

ского толка. Мне нравится все это, я чувствую, что это мой долг, и что-то внутри мне подсказывает, что это не только мой долг, но и ваш тоже. Но вместе с тем как я могу сочетать все это с моей глубокой верой в то, что спасение человека связано с развитием познания?

Я выражу не совсем сократовскую точку зрения, под которой готов подписаться и которую, как мне кажется, я смогу доказать, не заходя так далеко, как Сократ, который утверждал, что безнравственное поведение, злонамеренное поведение невозможно для любого человека, который ясно представляет себе все детали ситуации. Я бы сказал, что в борьбе со злом, безнравственностью, глупостью, жадностью, эгоизмом и т. д. у меня есть очень глубокая вера в то, над чем я работал всю жизнь, а именно в то, что я могу укреплять свои нравственные убеждения развитием знания, т. е. я могу делать добро — быть хорошим добро-деятелем, будучи хорошим ученым. Следует оговорить, однако, что для этого требуется немного изменить определение науки. Я уверен, что можно показать, что «нормативное стремление», т. е. стремление делать добро, помогать человечеству, делать мир лучше, вполне сочетается с научной объективностью и даже более того — делает науку существенно лучше и мощнее. Я думаю, наука не выполнила свою миссию, так как сама по собственному желанию сковала себя устаревшей метафизикой. Нам нужна наука с гораздо более широкими полномочиями, чем сейчас, когда она, стараясь оставаться ценностно-нейтральной и ценностно-свободной, оставляет установление ценностей

на произвол. Если не устанавливать ценности на основе фактов, то на основе чего еще это можно сделать, кроме священных книг и откровений тех, кто сам не знает, о чем говорит? Вы оставляете выбор ценностей на суд людей, не владеющих опытом, фактами, на суд не-ученых — ценности оказываются не подтвержденными фактами. Это просто сделать, расширив наше понимание объективности, включив в него не только «знание-наблюдение», но и «знание-опыт». Я применил сочетание «знание-наблюдение» как меткое выражение, очень точно описывающее то, что мы обычно называем знанием, тем знанием, которое я мог бы иметь, например, о лабораторных крысах. Это пассивное знание, не-включенное знание, знание «о», знание извне. Нам нужно изменить это понимание знания и добавить к нему — не вытеснить его другим, а именно добавить к нему — «знание-опыт», знание-участие, такой способ познания, когда мое знание о человеке становится более сопричастным, чем знание о гусях или лабораторных крысах, я даже могу сказать (и это будет смелым шагом, я надеюсь, вы не будете возражать), что это должно быть знание-любовь, которое проистекает из большей восприимчивости, это знание о ком-то, о личности, рождающееся из сильного чувства любви к этой личности, но не из ощущения равнодушия и позиции нейтральности. Я называю это даосистским знанием. Простая модель даосистской объективности исходит из феноменологии бескорыстной любви и восхищения существованием другого человека. Например, любовь к ребенку, другу, про-

фессии или даже проблеме (в научном смысле слова), к области знаний может быть настолько полной и принимающей, что становится невмешивающейся и нененавязывающей и, следовательно, даосистской.

Можно любить истину, которая зарождается, верить в нее, быть счастливым и изумляться ее открывающейся природе. Можно верить, что незагрязненная, не подверженная никаким влияниям, ни к чему не обязывающая истина будет чище, красивее, истиннее той истины, которая была бы, если бы мы вынуждали ее соответствовать нашим априорным ожиданиям, надеждам или планам, текущим политическим нуждам или современной интеллектуальной моде. Истина может родиться в этой самой смиренной рубашке. «Нормативное стремление» может быть неправильно понято и исказить зарождающуюся истину априорными требованиями. Боюсь, некоторые ученые именно это и делают, в сущности, подменяя науку политикой. Но в этом совершенно нет необходимости для ученого нового даосистского подхода, который может любить зарождающуюся истину в достаточной степени для того, чтобы считать, что эта истина приведет к лучшему, и поэтому сохранить ее именно ради своего «нормативного стремления».

Кроме того, я уверен в том, что чем чище истина, чем менее загрязнена она доктринерами, чьи умы запрограммированы наперед, тем лучше для будущего человечества. Я верю, что мир больше выиграет от правды будущего, чем от политических убеждений, которых я придерживаюсь сейчас. Как бы я сейчас ни

защищал свои взгляды, в то же время я чувствую, что знаю недостаточно, знаю не так много, как мог бы знать, если бы прожил еще 50 лет. Я верю тому, что будет известно, больше, чем моему сегодняшнему знанию. Это гуманистическая, научная версия библейского высказывания «не Моя воля, но Твоя да будет». Мои страхи и надежды на человечество, мое стремление творить добро, моя жажда мира и братства, мое «нормативное стремление» — для всего этого будет лучше, если я останусь скромно открытым истине, объективным и бескорыстным в этом новом даосистском духе отказа от предрешения истины и вмешательства в нее, отказа от того, что делают современные политики и ученые.

Любовь к ребенку

Вы можете любить ребенка как он есть, без стремления изменить или улучшить его, так же как я люблю свою маленькую внучку, которая так совершенна. Это чувство, которое, безусловно, знакомо некоторым из вас. Это своего рода блаженный экстаз. У вас есть замечательный маленький ребеночек с мамочкой, папочкой и, конечно, любимым дедушкой. Это как чудо. И самая естественная реакция в этой ситуации — это, конечно (если вы имеете хоть немного здравого смысла), просто наслаждаться ею. Вы принимаете эту ситуацию. Вы не начинаете учить, тренировать, образовывать, иметь амбиции в отношении ребенка и т. д., нет, если вы не идиот. Здоровый ребенок может быть таким совершенным, что вы и представить себе не можете, что могли бы сделать его лучше. Это и

есть даосистское чувство принятия, полного принятия. Это и значит даосистское чувство невмешательства, позволения чему-то быть. Для того чтобы оставить что-то в покое, требуется великая любовь — позволить этому быть и становиться в соответствии с его собственно природой и его собственным путем. Своего ребенка можно любить так безоговорочно.

Ребенка можно любить даже до его рождения, ждать, затаив дыхание, и с огромным счастьем видеть, каким человеком он будет, и уже сейчас любить эту будущую личность. Даже шестилетняя девочка может фантазировать о своих будущих детях и о том, как сильно она будет их любить. Хотя о них еще и думать рано. Но тем не менее это возможно, это вполне вероятное явление. Строить априорные планы на ребенка, уготовливать ему какие-то роли, надеяться, что он станет тем или этим, — все это не по-даосистски. Это говорит о запросах, требованиях по отношению к ребенку, что он должен стать тем, кем решили его сделать родители. Такой ребенок с рождения находится в невидимой смиренной рубашке. Действительно любимый ребенок — это ребенок, которого полностью принимают, не имея никаких запросов по поводу него.

О помощи

Помощь? Итак, у меня есть для этого название (названия — это хорошо, они мне помогают). Я называю помощь путем Бодхисаттвы. У нас в английском языке нет хорошего слова для помощника; с этим

словом³ связано слишком много лишних смыслов. Я использую восточную концепцию Бодхисаттвы, немного трансформировав ее для своих целей. Вы знаете, что значит «Бодхисаттва»?

Есть две буддистские легенды. По одной из них Будда сидел под деревом, у него случилось великое озарение, и он увидел истину. Это очень по-сократовски. Он увидел истину, она открылась ему, и он взошел в рай, в Нирвану. По другой версии — «версии Бодхисаттвы» —

Будда сидел под деревом, у него было великое озарение, он увидел истину, взошел к вратам рая и там из сострадания к человечеству не смог смириться с эгоистичным вхождением в рай и вернулся на землю, чтобы помочь — предполагая, что никто не может войти в рай, пока мы все в него не войдем.

Это красивая легенда, и я думаю, она говорит нам, в первую очередь, о том, что помощь — это очень и очень тяжелая работа, и помощник может оказаться неуклюжим дураком

³ Helper (англ.) — помощник (Примеч. пер.).

или вредителем. Очень часто оказывается, что лучше подходить к помощи с даосистской точки зрения. Убрать свои чертовы руки — часто самый лучший способ помочь. Знать, когда будешь действительно полезным, а когда нет, — вот, что значит быть действительно полезным, быть скорее советником, чем манипулятором, контролером, источником помех, навязывающим свои порядки и указывающим, что людям делать. Это очень по-западному. Помощник, приходя, часто становится поистине чертовой помехой, об этом вам может рассказать любой житель трущобы. Почему постоянно получается, что социальных работников, которые хотят помочь людям и которые посвящают свою жизнь помощи, так часто презирают и ненавидят?

Я полагаю, что путь помощи Бодхисаттвы — это доверие к собственному выбору личности, когда вы как помощник всегда готовы прийти на помощь, если другой этого захочет, но вы не берете контроль над ситуацией и не говорите людям, что им делать. Это подразумевает, помимо прочего, определенного рода смирение, потому что на самом деле я утверждаю, что помощник становится абсолютно совершенной личностью. Это очень трудно сделать, это когда знаешь, когда убрать руки, а когда помочь; когда быть наготове и т. д., особенно это трудно с маленькими детьми, когда часто действительно надо вмешаться.

Из всего этого следует, что один из путей быть помогающим — это совершенствовать свою личность в психотерапевтическом смысле, в смысле созревания, развития, рас-

крытия, становления целостным человеком и т. д. Исцели себя сам. В той мере, в какой вы невротичны, доминантны или авторитарны, вы можете навредить людям, пытаясь им помочь. В той мере, в какой вы демократичны, принимающи, даосистски ориентированы, в той мере вы скорее сможете помочь. Но это парадокс, потому что один из путей стать лучшей личностью — это помогать другим людям. Вы не можете стать лучше, оставаясь эгоистичным, оставаясь в своей шкуре. Этот парадокс должен быть разрешен, это как курица и яйцо, неразрывно: если хочешь стать хорошим помощником, то развиваться и быть полезным — лучшее, что можно сделать, но при этом нужно оставаться смиренным и скромным, а не пытаться взять на себя управление ситуацией.

Целостность истины

На первом уроке биологии в средней школе мне сказали, что я буду изучать науку о жизни. Нам давали лягушку и ножницы, чтобы отрезать ей голову. Вы жалеете лягушку. И этому, со свойственной мне наивностью, я изумлялся — изучать жизнь? Сейчас я понимаю, что это одно из следствий аристотелевского подхода к миру, к истине, к реальности, когда истина препарируется, обособляется, одна истина рассматривается в отдельности от другой. Это атомистический подход, это аристотелевская логика, которая течет в нашей крови: «а» и «не-а» совершенно отделены друг от друга. Вещь — это вещь, и ничто больше этой вещью не является.

Так вот из такого, по существу дела, ложного определения истины,

которая на самом деле целостна, а не раздроблена, вытекает множество глупостей, ошибок и т. п. В основе своей мир неделим, и все является всем, так же как мы совершенно реально ощущаем, что являемся частью друг друга, связаны друг с другом и т. п. Сказать, что я полностью отделен от вас, будет неправдой, это не так. Но это то, чему нас учат со времен Аристотеля, — не такое уж малое время, целых два тысячелетия.

О порнографии

Некоторое время назад я был погружен в размышления над определением порнографии и над тем, как можно регулировать относящиеся к ней вопросы с помощью закона. В настоящее время наша концепция закона является ньютонианской, атомистической, состязательной, а не братской. Нам нужна новая философия закона, чтобы сообразоваться с новой приходящей идеологией. В законе содержится аристотелевская идея о том, что необходимо определить порнографию, проведя четкую границу, отделяющую то, что является, а что не является порнографией, подобно границам государств на карте. Для многих вещей это невозможно сделать, они незаметно переходят друг в друга. Мы забываем, что явную порнографию очень и очень легко отличить от явной непорнографии. Трудности начинаются в тот момент, когда мы пытаемся построить четкую Китайскую стену в том месте, где это невозможно сделать. Так что получается, что никто еще не смог дать хорошего определения порнографии. Итак, мы это бросили. И теперь некоторые

люди говорят, что нет такого явления, как порнография, а им следует сказать, что невозможно провести аристотелевскую границу между порнографией и непорнографией.

Так, если, например, говорить об истине, то оказывается очень легко определить, в чем различия между истиной и ложью, если речь идет об их крайних проявлениях. Если мы сфокусируемся на пограничных областях, на трудных случаях, то можем забыть о существовании этих различий и впасть, например, в марксистское «правды нет»: в любом случае истина связана с классовыми интересами и революцией, в любом случае она есть то, что полезно. В итоге они оказываются в ситуации, когда не способны найти различие между очевидной истиной и явной ложью. Если бы я был газетным репортером, я бы так же, как они, был озабочен проблемой, что именно является истиной в каждом конкретном случае. Итак, нам надо оставить надежду на выяснение того, что на самом деле правда, потому что мы можем быть точны только в том, что касается пустяков.

Порнография — как я сам для себя ее определяю — это не то, что может мне повредить. Что-то из нее кажется мне очень интересным, что-то из нее мне нравится. Но для того, кто неопытен, порнография — это фантазия, неправда, ложные ожидания. Существуют мальчишеские фантазии. Я могу рассказать вам об одной из своих. Сейчас я этим не озабочен. Я достаточно стар. Но я могу рассказать о фантазии, которую имеет большинство мальчиков: что их выбросило на необитаемый остров с целым гаремом девушек. Это

нереально в том смысле, что как я мог с ними поступить? Или представления о том, что все женщины нимфоманки. Это неправда, только два процента женщин нимфоманки. Мне эти игры с сексуальными фантазиями не вредны, потому что я знаю разницу между реальностью и вымыслом. Но для двенадцатилетнего мальчика это все равно, что его обманывать. Потому что ложь, на мой взгляд, — это то, что надо подавать с большой осторожностью. Есть стратегия, как можно провести через это. Моих дочерей, которые в настоящее время уже взрослые женщины, я не стал бы сейчас защищать от порнографии. Они не нуждаются в защите. Они в ней нуждались, когда им было десять, двенадцать, четырнадцать лет.

Так что я бы предложил обсуждать только правду, насколько это возможно, о чем угодно и обо всем. Это слишком лично важно для половозрелого юноши. Это жидкий огонь, который бежит по его венам, это задача, которую нельзя откладывать. Среди написанных книг, о которых я знаю, не существует хорошей книги о сексе, нет настоящей книги. Большинство из них — это чушь. В большинстве из них пишут о том, как соблазнить кого-то тем или иным способом. Истины — это скорее нравы, чем истины. Мы можем сделать чертовски много хорошего по сравнению с тем, что уже сделали, и, я думаю, мы движемся в этом направлении. Я думаю, что сексуальная жизнь молодых людей будет все ближе и ближе смещаться к началу подросткового возраста, до брачному экспериментированию и т. д. И, я думаю, мы должны научить их правде, что бы мы о ней ни знали.

Кстати говоря, все наши сексологические знания довольно примитивны. Мы знаем не так уж много. Люди слишком боялись иметь дело с этим вопросом. Таким образом, научное знание в смысле фактического знания о сексуальности встречается очень редко. Но хотя бы то, что есть, должно быть передано нашим детям. Я бы организовал что-то вроде обучения и просвещения. Но это совсем не то что порнография. Сейчас я мог бы использовать порнографию в обучении, скажем, тринадцатилетних детей. Я мог бы использовать ее, чтобы научить их разнице между правдой и ложью, между тем, что можно ожидать, и тем, чего на самом деле нет, чтобы научить их тому, что сексуальные фантазии мужчины гораздо более амбициозны, чем позволяет его биология.

Пиковые переживания

Как-то я подумал, что было бы очень интересно продолжить Теорию X и Теорию Y МакГрегора Теорией Z, и это оказалось настолько полезным, что в конце концов я опубликовал ее в «Журнале трансперсональной психологии» (The Journal of Transpersonal Psychology. 1969. Vol. 1. № 2). Моя теория представляет собой обобщение различных типов переживаний. Один случай взят из моей продолжительной работы с самоактуализирующимися людьми, в которой я обнаружил, что одна из моих испытуемых, Элеонора Рузвельт, не испытывала пиковых переживаний. Когда я впервые это опубликовал, она была единственным исключением. Все остальные рассказы вали о пиковых переживаниях, и я

сказал (в целом), что самоактуализирующиеся люди испытывают пиковые переживания. Но оказалось, что есть довольно много людей, у которых не бывает пиковых переживаний. И снова, демонстрируя свою находчивость, я назвал их «пикерами» и «не-пикерами». И теперь эти названия прижились у нас.

Пикеры — это те, кто испытывает пиковые переживания (это опять-таки не для того, чтобы возвести Китайскую стену или провести границу), для многих из которых это просто и естественно. На другом конце находятся не-пикеры. Я не уверен, в том ли дело, что они неспособны испытывать пиковые переживания или просто у этих людей их не так много. Это, может быть, не качественное, а количественное различие. Многие люди испытывают пиковые переживания очень редко или не понимают, что я имею в виду, когда я пытаюсь обсудить это с ними. Люди на разных полюсах этой шкалы отличаются друг от друга. Олдос Хаксли очень характерный пикер. Есть и другие, кого можно привести в пример, например, Мартин Бубер. Он явно тот, кто испытывает пиковые переживания. Всех мистиков можно назвать пикерами. Не-пикеры на другом полюсе чаще бывают более одержимыми людьми, которые боятся эмоций в любых проявлениях и ограждают себя от них. Некоторые типы идеологий стремятся не допускать пиковых переживаний. Например, в марксизме. Хороший марксист не должен испытывать пиковых переживаний, потому что это идеалистично и контрреволюционно. Как бы то ни было, я обнаружил, что люди, которые называют себя марк-

систами, чаще не испытывают пиковых переживаний. Это верно и для ученых, точнее, если использовать неформальное выражение, для упертых ученых. Это очень наглядный пример. Есть и другие, кто боится. Я недостаточно много про это знаю, но думаю, шизоидные люди или люди, которые боятся оказаться захлестнутыми эмоциями, скорее избегают пиковых переживаний или понимают их как-то по-другому. Но это все крайности.

Я бы назвал пикеров трансцендирующими, потому что они испытывают трансцендентные переживания. Они трансцендентны в смысле преодоления границ Эго, личности, озабоченной собой и ограниченной пределами кожи. В момент пикового переживания человек силен, испытывает единство с миром, забывает о себе. Осознание себя пропадает. И это прекрасное чувство, как вы знаете, — быть полностью поглощенным чем-то, погруженным в суть, очарованным, опьяненным чем-то. Вы забываете о себе, о своем «не-чистом Эго», в том смысле, в котором жители Востока называют его помехой нам, в пиковых переживаниях вы выходите за пределы этого. Самые распространенные формы, самые частые пусковые механизмы пиковых переживаний — это музыка и секс. Здесь это почувствовать легче всего. И, как вы знаете (не думаю, что кто-то будет со мной спорить), это приятно. Эти переживания субъективно желаемы. Это состояние счастья. Это хорошее, желанное, позитивно подкрепляющее состояние.

Итак, если мы возьмем приведенные выше примеры как чистые типы, то многое сможем сказать о будущем

человечества, если вы позволите мне сделать такой внезапный резкий переход. Это знание о нашем потенциале, о пределах наших возможностей. Это может сказать нам кое-что о том, чем может стать человек, что для него возможно. Это знание о возможностях, которые есть у человечества и которыми обладает в полной мере каждый ребенок, появляющийся на свет. Так что это дает нам некоторое понимание того, чем в действительности на практике может стать человечество.

Объединенное сознание, о котором, я думаю, мы должны знать, легко наблюдать у людей, склонных к пиковым переживаниям: у хорошо трансцендирующих людей, особенно

у трансцендирующих самоактуализирующихся личностей — психологически здоровых, полноценных, высокоразвитых, зрелых людей. Объединенное восприятие (мне кажется, люди Дзен описали бы это лучше всего) — это восприятие, в котором сакрализируются обычные проявления жизни. Не знаю, понятно ли это. Скорее в человеке, но и в цветке, и в дереве, в чем угодно вы можете увидеть идеальную платоновскую сущность, и одновременно с этим вы воспринимаете его тем, что он есть, в его конкретных проявлениях. Это как если редуцироваться до уровня конкретики, в чем тоже есть известное удовольствие. Знаете, это здесь-и-сейчас, которое практикуется

в Эсалене или на тренинговых группах, — бытие конкретным, вовлеченным в здесь-и-сейчас, осознающим все происходящее в эту секунду. Но в то же время — это способность видеть священное в конкретном опыте, конкретной личности, конкретном явлении (цветке, дереве и т. д.).

Теперь те, с кем я работаю, делают это легко. Это просто, и вы можете легко этому научиться. Я имею в виду, что это как-то впиталось в меня, и теперь мне это легко. Я думаю, этому можно учить силой примера или рассказывая людям об этом. И, я думаю, мы можем настроить наше восприятие на это объединенное сознание, на это объединенное восприятие так, чтобы уметь видеть и мирскую, и священную сторону в каждом человеке: то, что здесь-и-сейчас и одновременно вечное, архетипическое, символическое, мифическое, поэтическое, как если бы обыкновенная история была бы одновременно и притчей (которая значит гораздо больше, чем в ней прямо сказано). Эти объединенное сознание и объединенное восприятие чрезвычайно важны.

Ну, а если говорить об экстремальных случаях, целостное восприятие само по себе делает невозможным самоубийство. Оно само по себе делает жизнь очень ценной. Если говорить об этом так, как мне нравится, это заставляет вас видеть всю ценность жизни, красоту природы и т. п. Это очень глубоко затрагивает человека, потому что из этого следует, что он живет в каком-то смысле в хорошем мире. Так бывает даже тогда, когда человек испытывает физическую боль или, как Олдос Хаксли, умирает полной достоинства смер-

тью. Это делает возможным хорошую смерть, надежда на которую и стремление достигнуть которой проникает во все религии. Как нас учат экзистенциалисты, это замечательная вещь, потому что абсолютно ясно, что мы постоянно страдаем от нависшего над нами тучей страха смерти. И если бы вы могли трансцендировать страх смерти, что возможно, если, например, я мог бы убедить вас, что ваша смерть не будет недостойной, а будет милостивой и смиренной (то, что католический священник назовет хорошей смертью), то изменилась бы ваша жизнь сегодня, сейчас. И вся оставшаяся ваша жизнь изменилась бы. Каждый момент изменился бы. Таким образом, я думаю, мы можем учить трансцендированию Эго и объединяющим переживаниям. На самом деле, сам по себе факт, что я говорил об этом последние несколько минут, поможет некоторым из вас осознать это в такой степени, чтобы сохранить это в себе. В этом и обучение. Поскольку у этого есть так много хороших следствий, то в некотором смысле это суррогат религии. Это одно из того, к чему стремились религии, и в случае успеха это то, чего они достигали, — объединенное восприятие. Это могли делать монахи. В христианской традиции, особенно в Средние века, это было само собой разумеющимся. Монах в монастыре мог сказать: «Да, я копаю картошку во славу Господа моего». И это очень важно, это значит, что вы можете быть кем угодно: быть хоть садовником во славу Господа. Это открывает целый мир, в котором наша деятельность приобретает священный смысл и в котором можно делать

свою работу, не воспринимая ее как мышиную возню. Дети часто неправильно понимают нас. Они думают, что мы попались куда-то, когда на самом деле мы захвачены тем, что любим. Они не могут понять, что мы любим свою работу. Так что эта техника делает возможным любить свою работу, воспринимать ее священную сторону. И это работает даже в отношении выкапывания картошки и всего остального тоже.

Тот факт, что существует уменьшение пиковых переживаний, тоже имеет значение. Это личное, но я преодолел смущение по этому поводу, конечно. Я исчерпал это. Когда становишься старше, пиковых переживаний становится меньше. Кажется, так происходит не только у меня, это печальный опыт, но другие люди переживают что-то подобное. Я думаю, отчасти это механизм самозащиты. Мне кажется, что если бы у меня сейчас были такие же пиковые переживания, как в двадцать или тридцать лет, они бы убили меня. Кажется, сейчас мы просто не такие сильные, как были тогда. Но у этого есть, однако, и цена, которая состоит в том, что пиковые переживания молодых не всегда являются духовными, т. е. они не всегда способствуют познанию, не всегда являются озарением. Это хорошо понятно, если разобрать, что происходит в сексе. Секс может быть и часто является источником пиковых переживаний, «пиковым». Эти переживания не всегда означают озарение по поводу мира. Иногда так происходит, и тогда люди узнают из секса не только то, что он сам прекрасен, но и что весь

этот чертов мир прекрасен, жизнь прекрасна и т. д. С возрастом приходит, помимо прочего, то, что познание играет все большую роль, в то время как острота эмоций уменьшается и сходит на нет. И я думаю (просто таков мой личный опыт), что моя субъективная жизнь сейчас счастливее, чем в 20, 30 лет, хотя я и не испытываю того трепета и волнения, которыми была полна моя тогдашняя жизнь — первая хорошая книга, музыка, девушки, дети, цветы, что угодно, что раньше могло разорвать меня на части, и это было бы прекрасно. То, что происходит при взрослении (у меня для всего есть название), можно назвать «плато-переживаниями». Я помню, как в 20 или в 30 лет впервые слушал «Жар-птицу» Стравинского, и она едва не убила меня. Сейчас она не может меня едва не убить. Я могу спокойно сидеть и слушать ее. То, что когда-то было озарением — новым знанием, способностью видеть священную сторону мира, — сейчас стало очень легко и может включаться и выключаться по моему желанию. Но эта своеобразная цена, я думаю, связана и с одной хорошей вещью: если вы хорошо проживаете жизнь и правильно распорядитесь собой, то вы можете ожидать, что с возрастом ваш субъективный опыт будет становиться все более позитивным. Об этом я и говорю. Единственная проблема, что ваше проклятое тело не может держаться на том же уровне. Был один немецкий профессор, который не очень хорошо говорил по-английски, и он красиво сказал: «Душа просит, а мясо немощно»⁴.

⁴ «The spirit is willing but the meat is feeble».

Лидеры и революционеры

Великие лидеры всегда хорошо высыпаются перед битвой. Лучше всего любить себя, следить за собой, за своим телом и, как я уже говорил, работать над собой, чтобы становиться все лучшим и лучшим помощником. Если говорить обо мне как о революционере, что я на самом деле о себе думаю, то кажется, я более продуктивен и лучше справляюсь с возникающими проблемами, если ночью перед этим у меня не было бессонницы, после которой я вообще ничего не могу делать. Я думаю, что это истощающе, глупо и саморазрушительно. Лучшее, что можно сделать в последний день перед битвой, это позаботиться о себе: хорошо выспаться, хорошо поесть и т. п.

Еще одна свободная ассоциация на эту тему — это впечатление, которое производят на меня беременные женщины, очень тонко воспринимающие свою беременность: им нравится это состояние, и в них есть замечательная разновидность здорового эгоизма, если вы понимаете, что я имею в виду. Они заботятся о себе, потому что они вынашивают в себе нечто драгоценное.

Я вам расскажу об одной из моих печалей по поводу детей революции. Во-первых, я думаю, половина из них портят революцию, делают ее менее вероятной, не приемлют ее и делают ее обреченной на провал, руководствуясь самыми разнообраз-

ными целями и говоря при этом, что делают это ради мира, братства и всемирной любви. Они пытаются добиться этого ненавистью, размозженными головами и распрями. Когда я в хорошем настроении, меня это забавляет, но в плохом настроении это действует на меня угнетающе. Я думаю, что в истории достаточно уроков для тех, кому хочется изменить и улучшить мир.

Я не хочу использовать слово *революционер*, потому что вокруг него будет много споров. Я думаю о себе как о революционере и я думаю, что, судя по большинству детей, с которыми мне приходится общаться, настоящая революция маловероятна. Вам, наверное, знакомо: «Храни меня от друзей моих, пожалуйста...»

Если вы генерал, это один разговор; если вы капрал, то это другой. Для генерала, лица ответственного, очень и очень важно не быть захлестнутым своими эмоциями. Лучше всего оставаться хладнокровным и спокойным, а не ожесточенным, злым или виноватым. Капралы и сержанты могут позволить себе быть охваченными страстью. Хорошему генералу, генералу революционной армии, лучше оставаться хладнокровным. Он примет лучшие решения и с меньшей вероятностью приведет войска к гибели.

Перевод с англ. Е.М. Лантевой

ПОНЯТИЕ МЕТАПАТОЛОГИИ У А. МАСЛОУ: КОНТЕКСТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.В. ИВАНЧЕНКО

Иванченко Галина Владимировна — заместитель декана факультета социологии Государственного университета — Высшая школа экономики, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор.

Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве» (1999), «Психология восприятия музыки: проблемы, подходы, перспективы» (2001), «Совершенство в искусстве и в жизни» (2006), «Логос любви» (2007), «Идея совершенства в психологии и культуре» (2007).

Контакты: galina-iv@yandex.ru

Резюме

В статье анализируется понятие метапатологии, предложенное в последних работах А. Маслоу для характеристики личностных патологий как следствия снижения человечности, проявления социальных недугов. Обосновывается формулировка «метапатологических» вариантов, неоптимальных для личностного развития, как дилемм.

Ключевые слова: *новая концепция человека, ценности бытия, метапатологии, личностное развитие, экзистенциальные дилеммы*

Не так часто последние работы выдающегося ученого оказываются более новаторскими и дерзкими, чем те, с которыми он некогда входил в науку. Работы последних лет жизни А. Маслоу, безусловно, продолжают теоретический поиск, направленный на формирование новой концепции человека в гуманистической психологии и вместе с тем содержат ряд принципиально новых идей, обозначают действительно «новые рубежи человеческой природы» (название последней книги А. Маслоу — «The Further Reaches of Human Na-

ture», 1971). Это новые трактовки и ценностей, и творчества, и проработка понятия пиковых переживаний в различных контекстах, включая образовательный; это и разработка граней трансценденции, и теория метамотивации.

Почему эти идеи А. Маслоу продолжают быть актуальными или даже становятся еще более актуальными ныне? Нет числа научным трудам и публицистике, в которых обличается неестественный (и даже противоестественный) характер урбанистической цивилизации с ее

индивидуализмом, гедонизмом, культом насилия, превосходства и т. д. Появление и утверждение этого «прекрасного нового мира» первыми почувствовали поэты и писатели, так, еще в начале XX в. Александр Блок сделал запись: «Люди стали жить странной, совсем чуждой человечеству жизнью. Прежде думали, что жизнь должна быть свободной, красивой, религиозной, творческой. Природа, искусство, литература — были на первом плане. Теперь развилась порода людей, совершенно перевернувших эти понятия и, тем не менее, считающихся здоровыми. Они стали суетливы и бледнолицы. У них умерли страсти — и природа стала чужда и непонятна для них. Они стали посвящать все свое время государственной службе — и перестали понимать искусства. Музы стали невыносимы для них. Они утратили понемногу, идя путями томления, сначала бога, потом мир, наконец — самих себя. Как бы циркулем они стали вычерчивать какой-то механический круг собственной жизни, в котором разместились, теснясь и давя друг друга, все чувства, склонности, привязанности. Этот заранее вычерченный круг стал зваться жизнью нормального человека» (Блок, 1962, с. 68).

«Перевернутый» мир не пуст, если для человека не существуют красота, искусство, творчество, мир его не будет опустевшим наполовину, на четверть, на одну десятую или всецело, он наполнится уродством, низкопробностью, вульгарностью, чем-то безвкусным и недолговечным. Печальным следствием дифференциации социально-гуманитарного знания является то обстоятельство,

что одни науки рассматривают следствия «перевернутости» жизненного мира для личности, а другие — следствия для социума и культуры. Но есть и исключения.

Одной из первых работ, аргументированно и последовательно выявляющей связь личностных расстройств и социальных патологий, стала упомянутая выше книга А. Маслоу «Новые рубежи человеческой природы». В ней ученый говорит о том, что в значительной степени личностные патологии есть следствие снижения человечности, проявления болезни, социальных недугов. Размышляя, каким же должно быть совершенное общество, А. Маслоу не давал готовых ответов на вопросы: «Проиндустриальное или антииндустриальное? Пронаучное или антинаучное? Проинтеллектуальное или антиинтеллектуальное?» (Маслоу, 1999, с. 209). В те же годы Ш. Бюлер и М. Аллен анализировали психологические проблемы, оказавшиеся следствием современного им развития западного, в первую очередь американского, общества: проблемы кризиса ценностей и пессимизма, одиночества, неустойчивой идентичности, утраты доверия к авторитетам, утраты смысла, ведущей к многообразным социальным девиациям, от деструктивной агрессии до наркомании и самоубийств (Buhler, Allen, 1972). Виктор Франкл называл фатализм, конформизм и гедонизм коллективными неврозами нашего времени (Франкл, 2000). Позднее Сальваторе Мадди (Maddi, 1967; 1971) сформулировал представление о различных формах экзистенциальной болезни, перетекающей в невроз, каждая из которых предполагает разрушение

смысла как результат психологического, биологического и социального стрессов. Самая острая форма экзистенциальной болезни, *вегетативность*, характеризуется на когнитивном уровне неспособностью верить в осмысленность чего бы то ни было из того, что делает или может делать страдающий ею человек; на аффективном уровне — апатией и скукой, перемежающимися периодами депрессии, частота которых уменьшается по мере развития расстройства; а на уровне действий — низкой энергией и общей беспечностью. *Нигилизм* — менее выраженная форма экзистенциальной болезни, поскольку при нем остается некоторое ощущение осмысленности. Нигилист держится «противосмысленности», или парадоксального нахождения смысла в том, что все бессмысленно. На аффективном уровне он обнаруживает раздражение и отвращение, а на уровне действий — деструктивное соперничество. *Авантюризм*, согласно С. Мадди, является наименее выраженной формой экзистенциальной болезни. Повседневная жизнь оказывается утратившей какой-либо смысл, и для того, чтобы испытывать чувство осмысленности, авантюрист должен быть непрерывно вовлечен в какую-либо экстремальную, опасную деятельность. Особо следует отметить обсуждение С. Мадди этих форм болезни в терминах не только того, что они значат для самого субъекта, для его индивидуальной эволюции, но и того, что они значат для общества как системы.

Рональд Лэйнг в своей знаменитой книге «Политика переживания» (Laing, 1967) настаивал на том, что

лечение психоза индивида зависит от радикального изменения общества, в котором этот индивид находится, и что общество должно стать более толерантным к девиантному поведению, дабы дать возможность большему числу людей избежать принуждения к «нормальному» «псевдосуществованию». С. Мадди говорит о подверженности творческого человека не только экзистенциальному, но и социополитическому риску, поскольку представляется, что его усилия способны изменить статус кво и это может составлять угрозу для некоторых людей и некоторых институтов (Kobasa, Maddi, 1983). Неудобные творцы и девианты в любой момент могут оказаться нужными обществу на новом, никогда до конца не предсказуемом витке его развития (Асмолов, 1996).

Возникает вопрос: возможны ли направленные усилия общества по формированиюсообразных человеку условий воспитания, образования, жизни в целом (а не по «селекции» или трансформации индивидов в «нужном» направлении оруэлловских или замятинских антиутопий)? Косвенным индикатором необходимости таких усилий по гуманизации общества является огромная популярность книг по самосовершенствованию (в том числе и работ А. Маслоу, выходявших небывалыми для академической психологии тиражами) и немалый интерес к практической философии в самых разнообразных вариантах.

Можно говорить о мощной практико-философской составляющей гуманистического движения. «Всеобщая декларация прав человека» (1948), «Гуманистический манифест I»

(1933), «Гуманистический манифест II» (1973), «Декларация светского гуманизма» (1980) и «Декларация взаимной зависимости» (1988), «Гуманистический манифест 2000» — все эти эпохальные документы не только отражают потребности и чаяния своего времени, но и идеал личности, свобода которой согласована с ответственностью перед обществом.

Пол Куртц, один из самых авторитетных гуманистов нашего времени, почти 20 лет назад высказал мысль о необходимости евпраксофии — науки, выводящей из *sofia*, мудрости, нормативные следствия для нашей практической жизни (Kurtz, 1990). Сводя воедино современное и наиболее достоверное знание о природе и человеческом роде, евпраксофы также будут заниматься евпраксией, благим образом жизни (от *eu* — благо и *praxis* — образ жизни). В будущем, полагает П. Куртц, евпраксофия будет отличительным качеством каждого образованного человека; каждый должен стать способным к рефлексивным суждениям и скептическому исследованию, обладать достаточно верными представлениями о вселенной, способностью формулировать практические суждения (см.: Куртц, 2005, с. 331–334).

В проекте евпраксофии соединяются общественный идеал (общество, состоящее из свободных, рефлексивных, толерантных индивидов) и идеал личности, обладающей максимумом возможностей благодаря своей вооруженности *sofia*.

Наряду с евпраксофией, проекты разной степени детальности, масштабности, индивидо- и социоцентрированности были предложены в последние десятилетия гумани-

стической психологией, экзистенциальной психологией, позитивной психологией.

Гуманистическая психология, созданная более чем полвека назад, прежде всего, А. Маслоу и К. Роджерсом, чаще всего воспринимается в своем раннем «потенциалистском» варианте, который предполагает наличие врожденных человеческих свойств, в том числе стремления к самоактуализации. При благоприятных условиях эти качества разворачиваются «сами собой», переходя из потенциальной в актуальную форму (позже А. Маслоу и его последователи существенно трансформировали эту первоначальную «модель», см., напр.: Леонтьев, 2002). Таким образом, казалось, что достаточно создать хорошие, благожелательные условия для развития каждого ребенка — и большая часть социальных и психологических проблем будет разрешена.

Существенно иным оказался взгляд на перспективы человека в экзистенциальной психологии (Л. Бинсвангер, М. Босс, С. Мадди, Р. Мэй, В. Франкл). Настаивая на негарантированности человеческого в человеке, экзистенциальная психология особую роль придавала понятиям ответственности, выбора, аутентичности. В противовес вниманию к трагическим аспектам человеческого существования сторонники этого направления предложили гораздо менее фаталистический взгляд на возможности человека. В любой момент своей жизни человек может продвигаться как вперед, к подлинности, интегрированности, так и сделать свободный выбор в пользу требующих меньших усилий способов существования.

Позитивная психология (М. Селлигман, М. Чиксентмихайи, К. Петерсон) возникла совсем недавно в результате противостояния большинству психологических подходов, сконцентрированных на отклонениях, болезнях и нарушениях функционирования. Особое внимание в позитивной психологии уделяется «личностным добродетелям» и «силам характера» как ресурсам приспособления к миру и овладения им. Именно позитивные личностные образования помогают субъекту выдерживать напряжение подлинно человеческого, продуктивного существования.

В своих поздних работах А. Маслоу проводит аналогию между базовыми потребностями большинства людей и метамотивацией самоактуализирующихся личностей. И те и другие потребности, пишет он, необходимо удовлетворять, «чтобы избежать болезни, атрофии человечности и, в позитивном аспекте, для того, чтобы двигаться вперед и вверх, к самоактуализации или полной человечности» (Маслоу, 1999, с. 300).

Вглядимся пристальнее в это определение «вперед и вверх». «Вперед и вверх» — это метафора, условность, но все же логичен вопрос — какой аспект самоактуализации, «вертикальный» или «горизонтальный», требует больших усилий и внимания? Ценность движения «горизонтального», движения как такового, иллюстрируется известным афоризмом «движение — все, цель — ничто». Однако без вертикальной составляющей движение малоосмысленно, а порой и опасно: «Он удивлялся и радовался тому, как легко подниматься вверх, не замечая, что

стремительно несется вниз» (Кafka, 1993).

Р.М. Загайнов в книге «Проклятие профессии. Бытие и сознание практического психолога» задается вопросом: «Не уведят ли такие необходимые для дела “вещи”, как целеустремленный характер, все более совершенствующаяся личность и профессионализм в сторону от большинства людей и от обычной жизни? Не путь ли это к одиночеству?» (Загайнов, 2001, с. 339).

Здесь мы подходим к проблеме не просто соотношения управляемого и заданного в процессе самоактуализации, но и более широкой — к проблеме гармоничного и негармоничного развития личности. Даже самое непринужденное, свободное совершенствование со временем может поставить под угрозу иные жизненные цели и смыслы человека.

Этой фундаментальной антропологической диспропорции Людвиг Бинсвангер посвятил специальную работу, «Экстравагантность». Человеческое существование, говорит Л. Бинсвангер, не только движется вперед, но и поднимается вверх (Бинсвангер, 1999б). Поэтому в обоих отношениях человеческое существование может слишком далеко зайти, стать экстравагантным. Суть «экстравагантности» в дисгармонии возникающей между подъемом вверх и движением вперед. Как возможно это «слишком» — «слишком далеко» или «слишком высоко»? Согласно Л. Бинсвангеру, человеческое существование там, где оно покидает обитель любви с присущим ей измерением вечности и целиком погружается в «пространство и время», попадает туда, где высота и глубина,

близость и отдаленность, настоящее и будущее могут иметь такое важное значение. Переход в экстравагантность совершается тогда, когда человеческое существование может зайти слишком далеко, может достичь конечной цели и сейчасности, откуда нет хода ни вперед, ни назад (это может быть экстравагантная «идея», идеология, экстравагантный идеал или «чувство», экстравагантное желание или замысел, экстравагантное притязание, мнение или точка зрения, простая «прихоть» либо экстравагантный поступок или проступок). Даже шизофреническое помешательство, утверждает Л. Бинсвангер, можно понять, только если с самого начала признать его экзистенциальной формой экстравагантности. То же верно и по отношению к «массовым явлениям» экстравагантности.

Итак, для описания «вертикального» и «горизонтального» аспектов самоактуализации важным является понятие меры. Одним из первых о нравственном и экзистенциальном измерениях меры писал Плотин: в своей нравственной жизни субъект только отдает дань нравственным императивам, не исчерпывая себя в них. В этом и проявляется универсальный характер кардинального принципа «справедливости» — воздаяния «каждому по достоинству» (*kat`axian*), соблюдения некоторой бытийной «меры», препятствующей всякой чрезмерности в притязаниях и избыточности в самоотдаче.

Нарушением меры можно считать и абсолютизацию становления, саморазвертывания, самореализации, представление об их непрерывности как норме, — эту линию, например,

проводит один из основателей экзистенциальной психотерапии Л. Бинсвангер в книге «Генрик Ибсен и проблема самореализации в искусстве». При таких критериях нормы идеальным оказывается непрочное и неукорененное состояние личности, лишенной ценностей и идеалов, кроме вечного становления. И тогда сама вынужденность постоянного изменения (тем более в русле следования «модным тенденциям») ставит под сомнение его экзистенциальную наполненность, его соответствие сущности самосовершенствующегося человека.

В работе «Сознание и цивилизация» М. Мамардашвили приводит слова Р. Декарта: «Все существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени». Далее находим очень точную характеристику отношения человека к пути и к развитию: «Человек ведь — существо фантастической косности и упрямой хитрости. Он готов на все, лишь бы не привести себя в движение и не поставить себя под вопрос» (Мамардашвили, 1992, с. 112) Один из очевидных способов «поставить себя под вопрос» — подняться над собой, что делает возможной метапозицию.

Идущий вверх видит все дальше отступающий горизонт, его мир непрерывно расширяется. Но этот горизонт все же ограничен «привязанностью» к данному месту поднимающегося вверх и недвигающегося вперед.

Продвигающийся вперед видит все новые пейзажи, сменяющие друг друга, но ему не дано полетности и воспарения подъема, выхода на более высокий уровень.

Чувство меры, о котором мы говорили выше, тесно связано с чувством

пути, определяемым Д.А. Леонтьевым «как психологическая переменная, которая может характеризоваться разной степенью выраженности вплоть до полного отсутствия» (Леонтьев, 2008) и представляющая собой существенный компонент смысла жизни. Чувство пути отличается от чувства цели или направления тем, что в нем не задано направление движения в целом; оно позволяет нам лишь ощущать «правильность» конкретных шагов, решений, поступков.

Разная выраженность чувства пути, считает Д.А. Леонтьев, оказывает решающее влияние на функцию выбора. Чувствуя себя на своем пути, человек может свернуть на альтернативную дорогу, ведущую в том же направлении и даже временно на боковую дорогу, отклоняющуюся в сторону, не теряя общей ориентации и зная, в каком направлении ведет путь. Напротив, при слабом или отсутствующем чувстве пути любая критическая ситуация выбивает из колеи, вынуждая «сворачивать в кювет». Это качество выбора переживается нами как аутентичность. При наличии чувства пути каждый сделанный выбор ощущается либо как аутентичный, сохраняющий ощущение продвижения по своему пути, либо как неаутентичный, не продвигающий по личностному пути или даже уводящий с него.

Почему же не все люди совершают аутентичные выборы и поступки, сохраняющие ощущение своего уникального пути? Этому препятствуют массовые нарушения личностного развития, названные А. Маслоу в книге «Новые рубежи человеческой природы» «общими метапатоло-

гиями» и «специфическими метапатологиями». Эти патологические варианты личностного развития оказываются последствиями депривации ценностей бытия (Б-ценностей).

Что такое Б-ценности? По А. Маслоу, это не просто «истина», «добро», «красота», «жизненность», «уникальность», «самодостаточность», «игра» и еще семь ценностей; это и характеристики настоящего, подлинного бытия. Б-ценности обнаруживаются и в свойствах полностью человеческих людей, и в характеристиках идеального искусства, и в отдаленных целях идеального гуманистического образования, в образах идеальной науки и идеального общества, в пиковых переживаниях самых разных людей. Параллели во многом обусловлены тем, что источником Б-ценностей является онтологическая основа бытия (Маслоу, 1999, с. 124–130).

Создатель гуманистической психологии говорит о том, что в значительной степени метапатологии есть снижение человечности, проявления болезни, проявления социальных недугов. «Специфические метапатологии» трактуются им как «фигуры на фоне общих метапатологий» (там же, с. 304).

«Общие метапатологии», как они охарактеризованы у А. Маслоу, отражают прежде всего закрытость для человека источников бытия. Это отчуждение, аномия, ангедония, апатия, аксиологическая депрессия, безнадежность, отчаяние, мука, опустошенность, бесцельное разрушение. «Общепатологический» вариант — это тупик, в который заходит человек, в результате чего отчуждается от собственного внутреннего мира и от

других людей. Это тягостная для человека невозможность движения вообще при насущнейшей потребности выйти из мучительного состояния. Будучи устойчивым, такое состояние разрушает личность и ее отношения с миром.

Специфические же метапатологии скорее описывают ситуацию следования путями, которые некорректно назвать тупиковыми, но на этих путях человек удаляется от своей уникальной сущности, не имеет возможности ее выразить, впадает в безрадостность стандартного существования. На наш взгляд, все без исключения аспекты «специфических метапатологий», перечисленные А. Маслоу, характеризуют ощущения и чувства человека, на время или совсем потерявшего свой путь из виду (в пределе никогда не переживавшего «чувства пути» или совершенно забывшего о нем). Так, «неверие, недоверие, подозрение» закономерно появляются у сбившегося с пути. Мы можем доверять только такому миру, который открывается нам в перспективе нашего уникального пути; миру, насыщенному вызывающими к нам, единственно к нам обращенными возможностями. Зависть, неверие и подозрение выдают незнание источников подлинного бытия, его неисчерпаемости.

«Полный эгоизм, ненависть, доверие одному себе, цинизм», равно как и «Дуэль, война или конфликт» характеризуют отношения с людьми, и, добавим, с миром ценностей вне пути. Далее, с потерей пути теряется и покой. Он может быть мертвенным, пресыщенным, разочарованным, оцепенелым (см. у А. Маслоу: «мертвенность, скука, утрата эмо-

ций»), но не к такому покою стремится человек.

Излишне, пожалуй, комментировать связь утраты пути с такими метапатологиями, как потеря чувства самости и индивидуальности, ощущение собственной заменимости, анонимности, ненужности; безнадежность, чувство настороженности, незавершенности, потеря интереса к миру, дезинтеграция, потеря ориентации (sic!), безрадостность. Завершает гештальт «утрата смысла, отчаяние, бессмысленность жизни» (там же, с. 303). Даже перечисление метапатологий напоминает нам сны, которые хочется стряхнуть как наваждение: ты всюду опоздал, окончательно заблудился, твой язык никому вокруг не понятен:

*И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень канет...*

(А. Блок)

Здесь стоит отметить, что в конкретном составе «специфических метапатологий» сильна культурная и даже культурно-историческая составляющая. Так, в этноспецифичных словах (авось, маяться, неприкаянность, рок, томиться, тоска, хочется) разные исследователи усматривают сходные лейтмотивы «русской языковой картины мира»: наличие чужой воли; ее неопределенность, непостижимость, таинственность для субъекта; ощущение неподвластности человеку хода событий (Булыгина, Шмелев, 1997; Вежбицка, 2001). Или, говоря о том, что русским и японцам присуще чувство пустотности сего мира, Т. Сасаки (Сасаки, 1996, с. 170) напоминает, что японцы, например, дол-

гие годы учились азбуке (48 букв) по стихотворению следующего содержания:

*Все на свете, что блещет и благоухает,
обречено на исчезновение.
Наш мир не знает постоянства.
Сегодня мы шагаем по долгому пути
через горы бытия и наших дел.
Видим мимолетные сны
И не опьяняемся мечтами.*

Но, понятно, ни объективные условия, ни «языковая картина мира» не детерминируют жестко содержание и «степень тяжести» метапатологий. Выше мы уже говорили о том, что «силы и добродетели», позитивные личностные образования, помогают субъекту выдерживать напряжение продуктивного существования. Но для того, чтобы полнее обрисовать позитивный вариант, желательно определить крайности и «неправильности», между которыми он находится. А. Маслоу свою классификацию метапатологий дал «наподобие периодической таблицы, в которой могут быть обозначены пока не открытые болезни, которые еще предстоит определить» (Маслоу, 1999, с. 301). Специфические метапатологии оказались следствием фрустрации 14 отдельных Б-ценностей (в приводимой на с. 302–303 таблице их 18 с учетом «подклассов»). Сам А. Маслоу призывал рассматривать описание соответствующих фрустрации отдельных Б-ценностей метапатологий как «весьма предварительную попытку <...> разве только в качестве обозначения будущих задач» (там же, с. 304). Действительно, многие описания специфических метапатологий сильно пересекают-

ся — так, «безнадежность» оказывается следствием отсутствия Б-ценностей «совершенства» и «завершенности», а если принимать во внимание синонимичные «уныние, депрессию, безрадостность, отчаяние», то еще и отсутствия «красоты», «полноты», «игры» и «осмысленности». «Беспокойство» («настороженность, напряжение, перегрузка») характеризует отсутствие по меньшей мере пяти Б-ценностей и т. п. «Крайности» и «неправильности» распадаются на несколько смысловых «гнезд», и прямо соотносить их с Б-ценностями удается ценой многочисленных — безусловно, содержательных — повторений.

На наш взгляд, эти предельные, крайние, «метапатологические» варианты, неоптимальные для личностного развития, могут быть сформулированы как дилеммы. Почему мы считаем возможным и эвристичным именно этот принцип?

Михаил Эпштейн в работе «Стереотипика. Двойственность добродетели и “алмазно-золотое правило”» обосновывает представление о моральном поступке не как о единственно возможном действии, но как лежащем в подвижном континууме между двумя добродетелями, например, мужеством и благоразумием. В схеме, приводимой им, по краям лежат два порока, а в середине — две добродетели (в отличие от аристотелевской схемы, где добродетель понималась как середина между избытком и недостатком, например, благородство между кичливостью и униженностью):

*безрассудство — мужество —
благоразумие — трусость*

*расточительство — щедрость —
бережливость — скупость*

*бесстыдство — прямота —
скромность — ханжество*

В языке, добавляет М. Эпштейн, нет слов и понятий, чтобы точно центрировать добродетель, но есть дополнительные пары понятий, между которыми остается большой промежуток для свободных действий, нравственный континуум доброго: между щедростью и бережливостью, между жизнелюбием и воздержанием и т. д. (Эпштейн, 2004, с. 749–750). *Стереотипика* — это попытка совместить разные моральные проекции одного поступка: так, если он приближен к благоразумию, он опасно граничит с трусостью, а если отвечает требованиям мужества, то близок безрассудству. В этой двойной системе координат невозможно найти «золотую середину», раз и навсегда установленный оптимум, но и нельзя не искать.

«Полярность» добродетелей и пороков можно визуализировать и с помощью известного противопоставления узкого, сложного, требующего усилий пути добродетели и широкой дороги, по которой к пороку шагать приятно и легко. Добродетели (края тропинки) ближе друг к другу, нежели пороки, кажущиеся поначалу противоположностями. Сфера социально-патологического неизмеримо шире, чем довольно узкое и требовательное понимание нормы как должного (подчеркнем, что речь идет не о патологиях в медицинском смысле). Но в искаженном мире, утратившем связь со своей бытийной основой, искажения распространяются во все

стороны — например, и к самоуничтожению, и к нарциссической самовлюбленности; и к полудетскому безответственному легковерию, и к глубокому недоверию и неверию; и к метаниям дезинтегрированной личности, запутавшейся в противоречиях своего жизненного мира, и к отказу от роста, от «цветущей сложности» бытия, к сведению жизни к самому необходимому.

Известный американский психоаналитик Дж. Хиллман, говоря о попытках найти альтернативу анализу, относится к ним весьма скептически, так, в случае групповой психотерапии «мы имеем дело просто с пересадкой аналитического мышления группе или ее лидеру» (Хиллман, 2005, с. 13). Попытки войти в состояние транса с помощью наркотиков или собрания хиппи, проходящие под знаком благости и любви и порой заканчивающиеся групповым сексом, — все это, говорит Дж. Хиллман, безрезультатные попытки высвободиться из плена рассудочности. Но конвертация последней в безмыслие — лишь переход из одной крайности в другую.

Понятие экзистенциальной дилеммы не чуждо психологии. Широко известность получила периодизация развития личности Э. Эриксона, он использовал понятие дилеммы. Каждый период может иметь своим итогом позитивный результат развития (например, «интеграция эго») либо негативный («отчаяние»). Отметим, что эти экзистенциальные дилеммы вырастают из дилемм раннего возраста, к которым Э. Эриксон подходил с психоаналитических позиций, отталкиваясь от понятий психосексуального развития и

динамического бессознательного. В российской психологии понятие экзистенциальной дилеммы использовали в своем исследовании феноменологии выбора Д. Леонтьев и Е. Мандрикова (Леонтьев, Мандрикова, 2005).

У А. Маслоу понятие экзистенциальной дилеммы встречается в несколько ином контексте – как «экзистенциальная дилемма человечества». Даже наиболее полноценное бытие человека, говорит А. Маслоу, не избавлено от затруднений – быть одновременно «просто созданными и богоподобными, сильными и слабыми, ограниченными и неограниченными, животными и уметь трансцендировать свою животную суть, взрослыми и детьми, испуганными и отважными, прогрессирующими и регрессирующими, быть героем и червем одновременно» (Маслоу, 2002, с. 143). Речь идет об интеграции противоположных стремлений или начал, никогда до конца невозможной и вместе с тем необходимой, о «сверхзадаче» развития; мы же говорим о более частных задачах, хорошо, удовлетворительно или «метапатологически» решаемых субъектом (хотя процесс решения этих задач незавершен, пока длится существование человека).

И, наконец, еще одним основанием для рассмотрения экзистенциальных рисков не по отдельности, а парами является дуальность мира – дуальность, при которой противоположности не отменяют, а дополняют и предполагают друг друга. Впрочем, есть и иная точка зрения, разделяемая многими антропологами и культурологами. Согласно этому подходу, неконфликтность противополож-

ностей возможна не в мире бинарных оппозиций, а в мире тернарности (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман).

В сущности, такие неконкурентные, взаимодополняющие отношения характерны для Б-ценностей А. Маслоу (хотя это не всегда так). Игорь Ефимов в эссе «Солженицын читает Бродского» проницательно отметил, что человеку свойственно и утешительно думать: высокие порывы (к Разумному, к Прекрасному, к Доброму, к Высокому) никогда не могут вступить в противоборство друг с другом.

«Увы, история духовной жизни показывает нам, что это не так.

Что Прекрасное сплошь да рядом отказывается подчиняться требованиям разумного, доброго, полезного.

Что Высокое может требовать от нас недоброго (“Оставь отца и мать своих...”).

Что культ разумного приводил к Робеспьеру и Ленину» (Ефимов, 2003, с. 409).

Итак, подведем предварительные итоги наших вслед за А. Маслоу рассуждений: метапатологии – порождение нездорового общества, по крайней мере, именно с появлением «массового общества» они становятся массовыми; метапатологии можно рассматривать как нарушение личностного развития; неоптимальные варианты развития можно сформулировать как дилеммы; оптимальный (ведущий к гармоничному развитию и росту) ответ лежит в удалении от обоих полюсов.

Логичным представляется ввести понятие нескольких уровней «тяжести» метапатологий. Это, во-первых, дилеммы, возникающие при оторванности от онтологической, глубинной

основы бытия (далее — дилеммы первого уровня):

– *сверхсложность — предельная простота;*

– *фанатизм — неверие, недоверие, цинизм;*

– *всеотзывчивый активизм — отчужденная апатия* (все кажется «своим», нужным немедленно, необходимым либо ничего не принимается за «свое», не кажется желанным и нужным).

Во-вторых, это опасности, возникающие при утере ориентиров личностного пути и самой устремленности (дилеммы второго уровня):

– *хаос случайного — тотальная детерминированность;*

– *слияние — изоляция;*

– *несогласие с собственным — безразличие, равнодушие к альтернативам.*

В-третьих, это дилеммы, с которыми сталкивается человек, утративший или не взрастивший в себе чувство меры, гармонии, склонный впасть в ту или иную крайность (дилеммы третьего уровня):

– *вечный поиск новизны — отсутствие перемен;*

– *«боязливая совесть» — «спящая совесть»;*

– *чрезмерно высокая планка — заниженная планка задач самосовершенствования.*

Рассмотрим дилеммы в трех основных аспектах: отношения «Я — мир», «Я — Другой», «Я — Я сам» (Я — Я как объект воздействия) (см. табл. 1). Если первые два аспекта нет необходимости специально обсуждать и обосновывать, о третьем необходимо сказать отдельно. Реализация отношения «Я — Я сам» невозможна без рефлексии, без осознан-

ного отношения к своим свойствам и качествам. Религиозная традиция, в особенности христианская и буддистская, придает особое значение задачам преодоления человеком собственной природы. «Постулат рефлексивности» удивительным образом воспроизводится в совершенно различных философских системах, от древности до современности, от предельно рационалистических до иррациональных систем. Так, Г.-Ф. Гегель в «Эстетике» говорит о «смягчающей силе искусства»: пусть даже оно ограничивается изображением страстей и даже льстит им, «уже и в этом заключена смягчающая сила... Человек созерцает свои влечения и склонности, и в то время как раньше он поддавался им без всякого размышления, теперь он видит их вне себя и уже начинает освобождаться от них, так как они противостоят ему как нечто объективное» (Гегель, 1968, с. 54). С. Кьеркегор («Наслаждение и долг») противопоставлял «этического» и «эстетического» человека именно по критерию наличия или отсутствия непосредственного отношения к жизни. Внутренний долг требует от человека выбора; поскольку выбор мучителен, то многие стремятся его избежать или отложить. Но непосредственная, эстетическая жизнь ведет к отчаянию, к сознанию погубленной жизни; внутренний же долг, долг перед самим собой можно исполнить только через выборы, соответствующие замыслу Бога о человеке.

Подчеркнем, что, на наш взгляд, практически всегда метапатология проявляется себя во всех трех аспектах отношений — с миром, с людьми и с самим собой. Отношения с другими

Табл. 1

Метапатологические и оптимальные варианты решения субъектом экзистенциальных дилемм

Отсутствие меры	<p>3.1. Неустойчивость, вечный поиск новизны</p> <p><i>Верность (способность меняться)</i></p> <p>Неизменность, ригидность</p>	<p>3.2. «Боязливая совесть»</p> <p><i>Баланс отдачи и принятия</i></p> <p>«Спящая совесть»</p>	<p>3.3. Чрезмерно высокая планка, сравнение с нереалистичским идеалом</p> <p><i>Адекватная сложность задач самосовершенствования</i></p> <p>Заниженная планка</p>
Утрата направления, ориентиров, пути	<p>2.1. Хаос случайного</p> <p><i>Неслучайность</i></p> <p>Беспросветная детерминированность</p>	<p>2.2. Слияние (заменимость)</p> <p><i>Автономность</i></p> <p>Изоляция, отгороженность (ложная уникальность)</p>	<p>2.3. Несогласие со сложившимся, протест, насильственность самосовершенствования</p> <p><i>Чувство пути</i></p> <p>Безразличие к альтернативам (направлениям), ощущение тупика, отрицание совершенства и возможности самосовершенствования</p>
Утрата связи с источниками бытия	<p>1.1. Избыточная сложность мира, дезинтегрированность</p> <p><i>«Цветущая сложность», полнота жизни</i></p> <p>Предельная простота, убогость, нехватка, маложизненность</p>	<p>1.2. Фанатизм, соблазненность идеями</p> <p><i>Доверие, реализм</i></p> <p>Неверие, недоверие, цинизм</p>	<p>1.3. Всеотзывчивый активизм</p> <p><i>Избирательность</i></p> <p>Отчужденная апатия</p>
	Я – мир (чувство бытия)	Я – Другой (отношения с людьми)	Я – Я как объект (работа над собой)

людьми не могут быть гармоничными и зрелыми при нарушенных отношениях с реальностью мира и с собственным «Я», и наоборот. Хотя, без сомнения, выраженность метапаталогических проявлений может различаться и широко варьировать в разных сферах отношений.

Мы вполне отдаем себе отчет в условности приведенного в табл. 1 деления по степеням и сферам метапатологий. К примеру, в таком человеческом качестве, как расчетливость, можно увидеть и утрату связи с онтологической основой, поскольку скупость выдает незнание неисчерпаемости источников подлинного бытия (1.1), и утрату чувства пути, подмену интуитивного псевдорациональным (2.3), и нарушение меры осознаваемого и интуитивного в принятии решений, и, что еще важнее, нарушение меры в отношениях с другими людьми (3.2).

Другой пример — болезненная скованность застенчивости, за которой можно увидеть и дистанцию, которую заставляет субъекта удерживать его недоверие к людям (1.2); и кажущуюся почти непреодолимой изолированность от других (2.2); и ежесекундную боязнь кого-то обидеть, задеть, а скорее — нарушив некие сверхсложные правила, оказаться чьим-то должником, вовлеченным в отношения теснее, чем привычно (3.2).

Те варианты решения дилемм, которые приведены в нижней части каждой клетки таблицы, представляют собой более «энтропийный», менее «энергоемкий» вариант. Напомним, что С. Мадди связывает сниженную энергию, апатию с самой тяжелой формой экзистенциальной

болезни, с вегетативностью; однако далее мы попытаемся показать, что для каждой дилеммы возможен «низкоэнергетический» и «высокоэнергетический» варианты решения, оба неоптимальны с точки зрения личностного развития.

Курсивом в тексте таблицы выделены «оптимальные» решения, решения, ведущие к личностному росту, по крайней мере, для подавляющего большинства субъектов. Те же варианты, которые помещены в верхней части каждой клетки, представляют собой «воодушевленно-приподнятый», «высокоэнергетический» вариант. В данном случае по сравнению с противоположным полюсом энергия более высока, но ее все равно нельзя назвать избыточной. Избыток, перетекающий через край, есть только в настоящей жизни и любви к ней. Здесь же — некий сгусток энергии, которая может стать разрушительной (как, впрочем, и созидательной) при общей неустойчивости способов субъекта управлять этой энергией.

Степень продуктивности либо непродуктивности (неэффективности, неоптимальности) разрешения дилемм — одно из проявлений (и вместе с тем одна из причин) неравенства «обычных», «нормальных» взрослых людей, которое, считает Д.А. Леонтьев, «определяется мерой их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия. Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных индивидуальных особенностей и в своеобразии внутреннего мира, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с

миром у разных людей. Иногда при взгляде вокруг складывается впечатление принадлежности людей, внешне довольно похожих друг на друга, к разным биологическим видам. Качественная разнородность людей имеет под собой объективную основу. Однако она определяется не априорным разделением людей по “кастам”, а мерой индивидуального продвижения по пути очеловечивания» (Леонтьев, 2004). Даже к моменту совершеннолетия индивидуальная эволюция человека отнюдь не прекращается.

Одним из наиболее разработанных концептов в экзистенциальной теории личности, отражающих меру «индивидуального продвижения по пути очеловечивания», является понятие аутентичности. Аутентичный человек развивает свои психологические потребности (С. Мадди), стремясь полно реализовать те возможности, которые имеются у него как у уникального субъекта. Цельность и способность меняться при этом позволяют ему принимать связанную с будущим, на которое он ориентирован, неопределенность. Принимать связанное с неопределенностью беспокойство ему помогает мужество. Неаутентичный человек не развивает, а подавляет собственно человеческие психологические потребности, он не мыслит себя вне предопределенных социальных ролей и биологических потребностей. В его поведении непоследовательность и стереотипность нередко «застывают» в эксплуатации других, в ригидных материалистических установках, в чувствах бесполезности и ненадежности. Он боится неопределенности будущего; уклоня-

ясь от этой неопределенности, он определяет себя исключительно в терминах своего прошлого или настоящего, несмотря на происходящие от этого чувства вины и сожаления (Kobasa, Maddi, Kahn, 1982).

Метапатологии различной степени тяжести представляют собой разную степень удаленности от себя, неаутентичности. Также они могут быть представлены как «возможные способы бытия» (Бинсвангер, 1999а) или как градация переходов от *das Man* (общепринятая или стадная ментальность) до *Dasein* (способность достигать высоких уровней сознательности и уникальности путем познания себя, других и мира природы) в понимании М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1997). Нельзя отрицать адаптивности отдельных метапатологий как приспособления индивида к своему жизненному миру. Однако это приспособление рано или поздно приходит в противоречие с непрерывным изменением и ростом личности, на котором делает особый акцент экзистенциальная психология.

Нередко при метапатологическом развитии личности складывается аддиктивный тип поведения. Аддикции могут быть чрезвычайно многообразными, но общий механизм их возникновения и закрепления един. Очень важно также, что аддикты легко могут переходить от одной аддикции к другой, от одного аддиктивного объекта к другому, при этом основные аддиктивные механизмы сохраняются. Не только наркотические и алкогольные аддикции, но и нефармакологические нарушают физическое состояние субъекта. Общий кризис, подавленность, апатия, иногда перемежаясь вспышками

ярости, постепенно перерастают в опустошенность, отчаяние.

Потребительские аддикции не столь серьезно и стремительно разрушают личность. Однако в благополучных странах в настоящее время депрессивные состояния, например, встречаются в 10 раз чаще, чем в 1960 г. Один из создателей позитивной психологии Мартин Селигман формулирует парадокс: показатели объективного благополучия (покупательская способность, уровень образования и т. д.) постоянно растут, в то время как показатели субъективного (духовного) благополучия снижаются (Селигман, 2006, с. 162). Наиболее важной причиной этого парадокса М. Селигман считает возможность получать удовольствие без усилий, появившуюся у жителей развитых стран.

Ни «силы и добродетели», ни аутентичность невозможно развить без работы над собой, усилий, что, собственно, и образует личностный путь, путь преодоления и самопреодоления. Язык же подсказывает некий образ пути как четко прочерченной траектории, колеи. Но было бы большим упрощением представлять себе «пространственные» отношения между личностью и ее личностным путем таким образом, что есть некое предустановленное соответствие субъекта и предназначенной именно ему «колеи». Такая метафора исключает, по меньшей мере, еще один очень важный аспект — свой путь мы не находим, а строим, конструируем, формируем (хотя феноменологически нередко переживаем «построение» нами очередного участка пути как его нахождение).

Еще один аспект личностного пути — необходимость вертикального, трансцендентного измерения для саморазвития и самореализации. Самотрансценденция нужна человеку не только для самопознания. Отказываясь от самопреодоления, противясь изменениям и росту, человек неизбежно замыкается, отгораживается от мира стенками, которые по минутно подправляет, вынужден подпирать и поддерживать, расходуя на это те силы, которые нужны ему для совсем других задач. Индивид отгораживается и от других людей, отношения с которыми лишаются глубины и высоты.

«Как складывается наше отношение к другому? — задается вопросом философ Владимир Бибахин. — Оно деловое, равнодушное, увлеченное, тягостное. Эти возможности, которые разбирает бытовая психология, открываются, когда забыта встреча с настоящим другим. Он задевает нас так, что, например, слова любовь и страх кажутся одинаково и одновременно неподходящими для этой задетости» (Бибахин, 1998, с. 173).

Понятно, что индивид не может все время удерживаться на самом высоком доступном ему уровне существования. Для объяснения «перепадов» в функционировании — от самых высоких до «субчеловеческих» уровней Д.А. Леонтьевым предложен антропологический образ «пунктирного человека» (Леонтьев, 2001). В его же мультирегуляторной модели личности (Леонтьев, 1999) была показана множественность регуляторных принципов и механизмов, управляющих человеческим поведением, неизбежность их сочетания и постоянного переключения с

одного на другой. Сущность человека, полагает Д.А. Леонтьев, выражается как раз в этой возможности переключаться с одной системы регуляции на другую, с одного уровня на другой, и траектория его жизни есть пунктирная траектория. Эта траектория может иметь разную конфигурацию, но практически ни у кого не бывает сплошной. Субчеловеческие формы существования оказываются менее энергозатратными, более легкими, более привлекательными как путь наименьшего сопротивления; собственно же человеческие проявления — путь наибольшего сопротивления. Поэтому, отмечает Д.А. Леонтьев (Леонтьев, 2004), не каждый стремится во всем быть человеком и платить за это соответствующую цену.

Метапатологии — результат попыток уклониться от платы, попыток прожить жизнь, минимизируя усилия и примиряясь с тем, что живешь не полной мерой, подгоняешь свою жизнь под ее обстоятельства и усло-

вия, а не творишь их, заставляя считаться со своими замыслами и планами.

В заключение отметим: понятие метапатологии, предложенное А. Маслоу более тридцати лет назад, дает, на наш взгляд, исследователям возможность зафиксировать патологичность (но не психопатологичность) современного общества. Представления о «социальном безумии», «массовом безумии», «массовых психических аномалиях», безусловно, метафоричны, эти концепты требуют весьма осторожного обращения; отметим, что «психопатологизирующая» риторика, политическая во всяком случае, оживляется всякий раз при столкновении с непредсказуемостью «объекта», вспомним знаменитое «Россия, одумайся, ты одурела!» И хотя путь от описания к систематизации и объяснению факторов, подталкивающих личность к метапатологическому развитию, еще не пройден, но его необходимость вряд ли вызывает сомнения.

Литература

Асмолов А.Г. Культурно-историческое образование и конструирование миров. М., 1996.

Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998.

Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Рефл-Бук, Киев: Ваклер, 1999а.

Бинсвангер Л. Экстравагантность // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 1999б.

Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1996.

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. Диалог между терапевтом и пациентами в гуманистической психотерапии. М.: Класс, 1998.

Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1.

Ефимов И. Солженицын читает Бродского // Мир Иосифа Бродского. Путеводитель / Сост. Я.А. Гордин; Под ред. И.А. Муравьева. Изд-во журнала «Звезда», 2003. С. 399–410.

- Загайнов Р.* Проклятие профессии. Бытие и сознание практического психолога. М.: Смысл, 2001.
- Кафка Ф.* Афоризмы // Знамя. 1993. № 6. С. 107–117.
- Куртц П.* Утверждения. Жизнь, полная радости и творчества. М.: Рос. гуманистич. о-во, 2005.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д.А.* О предмете экзистенциальной психологии // I Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Со-сланда. М.: Смысл, 2001. С. 3–6.
- Леонтьев Д.А.* Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.
- Леонтьев Д.А.* К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: Материалы международной конференции. М., 2004.
- Леонтьев Д.А.* Причинность в психологии личности // Эпистемология и философия науки. 2008. № 3. (В печати).
- Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю.* Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37–42.
- Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107–121.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: Эксмо, 2002.
- Сасаки Т.* Между «пустотой» и «простотой». О смысле *vanite* в произведениях А.С. Пушкина // Концепция и смысл. Сборник статей в честь 60-летия профессора В.М. Марковича / Под ред. А.Б. Муратова и П.Е. Бухаркина. СПб: Изд-во СПб ун-та, 1996. С. 154–170.
- Селигман М.* Новая позитивная психология. Харьков, 2006.
- Франкл В.* Воля к смыслу. М.: Апрель-пресс; Эксмо, 2000.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хиллман Дж.* Миф анализа: Три очерка по архетипической психологии. М.: Когито-Центр, 2005.
- Энштейн М.* Знак вопроса. М., 2004.
- Buhler Ch., Allen M.* Introduction to humanistic psychology. Monterey, CA: Brooks / Cole, 1972.
- Kobasa S. C., Maddi S.R.* Existential personality theory // R. Corsini (ed.). Current personality theory. Itasca, IL: Peacock, 1983. P. 243–276.
- Kobasa S.C., Maddi S.R., Kahn S.* Hardiness and Health: A Prospective Study // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 42. № 1.
- Kurtz P.* Eupraxsophy: Living Without Religion. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1990.
- Laing R.D.* The Politics of Experience and the Bird of Paradise. Harmondsworth: Penguin, 1967.
- Maddi S.R.* The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology. 1967. Vol. 72. № 4. P. 311–325.
- Maddi S.R.* The search for meaning // The Nebraska symposium on motivation 1970 / J. Arnold, M.H. Page (eds.). Lincoln: University of Nebraska press, 1971. P. 137–186.

Психодиагностика

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ЧЕСТНОСТИ КАК УСТОЙЧИВОЙ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ

А.А. БОРМОТОВ

Резюме

Статья посвящена попытке разработки и апробации методики диагностики честности как черты личности. Рассмотрен подход к описанию честности в этике, а также взгляды на этот феномен и смежные понятия в отечественной и зарубежной психологии и психодиагностике. В связи с малоизученностью феномена предпринята попытка экспериментально описать данную черту через выявление критериев честности и нечестности (качеств и черт, присущих честным и нечестным людям). На основе выделенных критериев построено содержание методики, направленной на оценку личностной готовности к честному или нечестному поведению. Были апробированы два блока методики (выбор афоризмов и пословиц), представляющие собой проективный стимульный материал. Результаты подтверждают значимые связи со шкалами валидизации.

Ключевые слова: *черты личности, зарубежная психодиагностика, психодиагностические методики, честность, критерии честности, принцип проекции*

Актуальность фундаментальных психологических исследований неправды, лжи и обмана сейчас не вызывает сомнения в связи с социальной значимостью данных феноменов

и недостатком дифференцированных знаний в этой области.

В последнее время в развитых странах общий уровень честности населения неуклонно снижается,

а количество нечестных людей постоянно возрастает. Как отмечает В.В. Знаков, в Великобритании в период с 1987 по 1991 г. только по случаям предъявленных обвинений, можно судить о том, что объем мошенничества увеличился более чем в два раза (Знаков, 1999). По данным американских исследователей, за последнее время непродуктивное поведение сотрудников обходится фирмам в миллиарды долларов ежегодно. Эти потери вызваны не техническими проблемами, не экономическими факторами или налогами, а поступками людей, которые присваивают товары, время или деньги у своих работодателей и таким образом демонстрируют поведение, противоречащее духу сотрудничества, не соответствующее правилам или проявляют безответственное отношение к своим коллегам, покупателям и контролерам (Батурин, Бормотов, Первухина, 2006).

Таким образом, важность наличия такой устойчивой черты личности работника, как честность, выходит на первый план при профессиональном отборе и консультировании компаний и коммерческих организаций. Особенно это актуально для оценки тех сотрудников, которые имеют прямой доступ к материальным ценностям и неразглашаемой информации.

Феномен честности, прежде всего, рассматривается и описывается в этике. Это моральное качество отражает одно из важнейших требований нравственности. Оно включает: правдивость (говорить истину, не скрывать от других людей и самого себя действительное положение дел); принципиальность (верность

определенной идее в убеждениях и проведение этой идеи в поведении); верность принятым обязательствам; субъективную убежденность в правоте проводимого дела; искренность перед другими и перед самим собой в отношении тех мотивов, которыми человек руководствуется; признание и соблюдение прав других людей на то, что им законно принадлежит. Противоположностью честности является нечестность, проявляющаяся в обмане, лжи, воровстве, вероломстве (злоумышленных коварных действиях, сознательном обмане чужого доверия или вопиющем нарушении принятых обязательств, клевете), а также лицемерии. Честность, с позиции этики, характеризует как поступки, так и отдельные стороны поведения определенной личности, выступающие как свойства ее характера (Словарь по этике, 1981).

В психологии не существует не только единых представлений о честности, но и каких бы то ни было фундаментальных исследований этого феномена. Можно найти лишь обращения к различным связанным с честностью явлениям, таким как искренность и неправда, правдивость и ложь. Так, в отечественной психологической науке, например, рассматривалась правдивость как черта характера, выражающая стремление субъекта говорить только то, что он считает правдой. Правдивость, по мнению С.Л. Рубинштейна, не тождественна искренности, а связана с пониманием субъектом культурно-исторически и социально обусловленных категорий — справедливости и истины (Знаков, 1999). Понятие же честности, как видно из приведенного выше этического определения,

гораздо шире и включает некоторые перечисленные феномены.

В зарубежной психологии рассматривались скорее противоположные честности феномены. Так, американский психолог Пол Экман развернуто и обстоятельно исследовал проблемы порождения, понимания и обнаружения лжи. Ложь, или обман, определяется ученым как действие (искажение информации, сокрытие правды), которым человек умышленно вводит в заблуждение другого (Экман, 2000). Одним из первых П. Экман осуществил глубокий и чрезвычайно интересный психологический анализ разновидностей лжи, ее мотивов, а также личностных и ситуативных факторов возникновения этого феномена в различной коммуникативной обстановке.

В отличие от П. Экмана, широко трактующего феномен лжи, многие другие психологи разводят содержание понятий обман, ложь и неправда и анализируют их более дифференцированно (Знаков, 1993, 2005). В.В. Знаков подробно останавливается на различиях в понимании названных феноменов с учетом личностных характеристик и особенностей российского менталитета. Кроме исследования и анализа лжи и обмана как ситуативных феноменов, В.В. Знаков осуществил попытку ввести в обиход отечественной психологии разработанное за рубежом понятие «макиавеллизм», понимая под ним склонность личности осознанно манипулировать другими для достижения своей цели. Такая черта связана с наличием у человека убеждения в том, что людьми можно и нужно манипулировать, а также с коммуникативной ригидностью и

навыками манипуляции. Для оценки этого феномена (несколько отличающегося от нечестности) В.В. Знаков адаптировал русскоязычный вариант методики исследования макиавеллизма личности — «Мак-шкалы», получив в результате валидный инструмент диагностики (Знаков, 2001).

За рубежом оценка устойчивой черты личности, определяющей готовность сотрудника к обману, хищению, разглашению информации, производится с помощью большого числа методов, направленных в основном на диагностику деструктивного поведения и декларируемой честности персонала. Такой инструментарий определяется двояко — «honesty tests» и «integrity tests» (тесты честности). Эти термины часто используются как взаимозаменяемые, хотя термин «integrity» охватывает несколько более широкий диапазон поведения. Но ни то, ни другое определение не соответствуют диагностируемым качествам полностью. Американские психодиагносты Д. Майнер и М. Кэппс (Miner, Carpps, 1996) приводят список из 16 характеристик «нечестного поведения» по итогам изучения ими множества тестов диагностики честности, в который, кроме прочего, они вносят эмоциональную неустойчивость, склонность к частой смене работы, а также недостаток сохранности сознания.

Список видов нечестного поведения предлагается также в «Рекомендациях для программ тестирования честности при подборе персонала» (Model Guidelines for Pre-employment Integrity Testing Programs), которые были разработаны специальной комиссией по использованию

тестов честности Ассоциации издателей тестов для диагностики персонала:

- воровство наличных денег, товаров и собственности;
- порча товаров для их последующей покупки со скидкой;
- продление обеденных перерывов;
- воровство «времени»;
- постоянное опаздывание на работу;
- приход на работу в состоянии опьянения или похмелья;
- незаконная продажа наркотиков на работе;
- несоблюдение правил;
- повреждение и ущерб;
- предотвратимые несчастные случаи;
- неправомерное использование привилегий для скидок;
- получение зарплаты за большее количество часов работы, чем было фактически;
- смена работы по различным причинам;
- неправомерное использование информации компании;
- использование отпуска по болезни, когда служащий не болеет;
- злоупотребление наркотиками на рабочем месте;
- преднамеренно медленное или небрежное выполнение работы;
- злостное неправомерное поведение;
- вандализм;
- физические нападения.

Некоторые тесты сосредоточиваются на ограниченном наборе проблем, в большинстве случаев связанных с воровством служащего; некоторые имеют множество субшкал,

имеющих дело с различными типами проблем, и подводят итог для каждой; некоторые содержат пункты, освещающие широкий диапазон проблем, но резюмирующие только общий итоговый балл. Тест, который разработали Д. Майнер и М. Кэппс, характеризуется последним качеством. Список диагностируемых ими параметров дополняется следующими: шантаж, склонность к азартным играм, саботаж, фальсификация улик и показаний, налоговое мошенничество и обман, нападение и насилие, вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, сексуальные домогательства и т. д.

Очевидно, что такие тесты честности включают гораздо более широкий диапазон поведения, чем обозначено в их названии. По этой причине они иногда упоминаются как диагностика подрывного, непродуктивного поведения на работе или ненадежности (там же).

Тестирование на честность в США с помощью личностных опросников, разрабатываемых в качестве альтернативы детектору лжи, — это индустрия, обороты которой оцениваются во многие миллионы долларов. По обобщенным данным проводящих тестирование организаций, в 1980-е гг. в США по меньшей мере 5000 фирм использовали тестирование на честность персонала и принимаемых на работу лиц. Как правило, эти опросники используются при обследовании тех сотрудников, которые связаны с розничной торговлей, складскими операциями и работой в финансовых структурах. Как средство первичного отбора опросники применяются для изучения лиц, принимаемых на должности низшего

звена (кассиры, инкассаторы, операторы в банках) и на более высокие посты в учреждениях и даже в полиции (Бурлачук, Морозов, 2000).

Существует информация о надежности опросников и значений коэффициентов корреляции получаемых с их помощью показателей с результатами обследования на детекторе лжи, с признаниями обследуемых в случаях воровства в прошлом и с поведением на работе в будущем. Большинство опросников имеют достаточно значимую прогностическую валидность и высокие оценки надежности. Имеются сведения о взаимосвязи London House Personnel Selection Inventory и Reid Report с результатами прохождения теста Кеттелла. Так, лица с низкими показателями честности характеризуются слабостью Эго и Супер-Эго, подозрительностью и напряженностью.

В большинстве рассматриваемых опросников, используемых, как правило, при приеме на работу, обследуемые должны отвечать на прямые вопросы об имеющихся склонностях к хищениям, подлогам и растратам, а также на вопросы, побуждающие к прямому признанию в воровстве в прошлом, такие как: «На какую сумму вы взяли товар у вашего работодателя в прошлом году?» Общими для этих методик являются и «опосредованные» вопросы, касающиеся:

- наказания за воровство (например: «Следует ли увольнять человека, который украл пять долларов?»);
- ощущения простоты воровства (например: «Насколько просто было бы нечестному человеку украсть что-нибудь у работодателя?»);
- вероятности обнаружения воровства (например: «Какой процент

служащих, воровующих у компании, попадается?»);

– рациональных оправданий воровству (например: «Работодатель, который платит людям слишком мало, заслуживает того, чтобы его обворовали?»).

Наряду со шкалами, вопросы которых касаются воровства, в некоторых опросниках используются и другие, «сочетающиеся» со «склонностью к хищениям». Это прежде всего шкалы, позволяющие оценить степень алкогольной и наркотической зависимости обследуемых. Иногда в опросник включаются вопросы на социальную желательность ответа. Следует учитывать, что, хотя назначение всех рассмотренных опросников и определяется как диагностика честности, в действительности речь идет об измерении значительно более узкого конструкта, который может быть обозначен как «склонность к хищениям, воровству» (там же, 2000).

Одним из таких методов является опросник отбора персонала — PSI (Personnel Selection Inventory, 1991, 1996), который содержит специализированную шкалу честности. Авторы опросника стоят на позициях диагностики честности путем определения отношения человека к правонарушениям на работе: насколько он толерантен к воровству, к тем, кто ворует, рационализирует ли респондент факты краж и обмана (т. е. существуют ли у него определенные психологические установки на эти действия). Они рассматривают так называемый треугольник мошенничества, включающий три основных элемента: 1) давление внешних, чаще всего финансовых обстоятельств;

2) реальная возможность совершить и некоторое время скрывать акт мошенничества; 3) способность человека оправдывать свой поступок.

Шкалы честности в основном предназначены для того, чтобы выявить личностное отношение к актам воровства и обмана на предприятиях с целью прогнозирования такого поведения на работе. Как и другие опросники, они были разработаны для определенной выборки с определенными культурными особенностями развития. В российских реалиях для оценки честности персонала прямые опросниковые шкалы честности не подходят ввиду особенностей развития российского бизнеса и специфики российского менталитета персонала. Более плодотворным, на наш взгляд, для диагностики такого феномена является использование наряду с опросниковым проективного подхода.

В связи с этим перед психологами встает важная и актуальная проблема грамотной и точной оценки честности как устойчивой личностной черты, а не ситуативного ее проявления при социальной желательности ответов. В данном случае честность описывается нами как направленность и готовность сотрудника на поведение согласно принятым обязательствам, адекватное выполнение профессиональных задач и т. д.

Следует особо отметить, что для диагностики такого феномена в значительно большей степени по сравнению с другими личностными характеристиками требуется учет культурных, исторических и национальных особенностей российских граждан.

С этой целью в лаборатории психодиагностики Южно-Уральского

государственного университета осуществлена попытка разработки тестовой системы измерения честности. Была принята следующая логика содержания новой методики, основанная на описанных выше представлениях о лжи и обмане в зарубежной и отечественной психологии и на некоторых элементах шкал честности зарубежных опросников.

Основной блок методики направлен на оценку личностной готовности к честному поведению, хищению или воровству на работе, выявляя людей, которые чаще думают о нарушении закона и уверены в благополучном исходе такой ситуации при участии в ней. Предполагается, что такие люди проявляют большую, чем другие, терпимость по отношению к тем, кто ворует, они поддерживают воровскую солидарность (не выдают нарушителя и надеются, что их не выдадут). Такие сотрудники, скорее всего, убеждены в том, что большинство людей нечестны (что освобождает их от ответственности и чувства вины), а также рационализируют свое поведение, объясняя и презентуя его (в первую очередь для себя) в лучшем свете.

Еще один блок методики предполагает получение от респондента информации об уже совершенных им преступлениях (прямые признания в воровстве или других правонарушениях), для первичного отсева не зарекомендовавших себя кандидатов. Также диагностируется склонность приукрашивать себя как направленность на фальсификацию и искажение информации и манипулировать другими, что полнее описывает феномен нечестности.

Дополнительный блок направлен на выявление побочных факторов,

способствующих нечестному поведению, таких как склонность к аддиктивному поведению (употребление алкоголя и наркотических средств), склонность к агрессии и насилию, к риску и экстремальным ситуациям (Батурин, Бормотов, Первухина, 2006).

Данная работа состояла из трех этапов, на каждом из которых решались разные задачи:

- определение критериев честности;
- разработка методики диагностики честности как устойчивой черты личности;
- проверка конструктивной валидности методики диагностики честности.

Определение критериев честности

Основной задачей, решаемой на этапе выделения критериев честности, было определение ключевых характеристик, описывающих честность как черту личности. Для этого использовалось полустандартизированное интервью, включающее вопросы о содержании понятия честности для респондента и о качествах и чертах, присущих честным и нечестным людям.

Выборка состояла из 72 человек: 23 мужчины и 49 женщин в возрасте от 18 до 52 лет. Из них 29 студентов и аспирантов, 10 практикующих психологов, 15 руководителей различного уровня, 18 специалистов различного профиля. Обработка результатов интервью осуществлялась с использованием метода контент-анализа двумя психологами-экспертами, специализирующимися в изучаемой области.

При обобщении данных, полученных в теоретическом и эмпиричес-

ком исследовании, были выделены следующие основные критерии честного поведения:

- 1) правдивость (важность правды и истины);
- 2) открытость и искренность;
- 3) конгруэнтность (согласованность, согласие с самим собой);
- 4) ответственность;
- 5) доверие к себе и окружающим.

Определены и критерии нечестного поведения:

- 1) лживость (склонность к обману, клевете и т. д.);
- 2) закрытость и скрытность;
- 3) отсутствие доверия;
- 4) страхи и активное использование механизмов психологической защиты;
- 5) склонность к манипуляциям.

Разработка двух блоков методики диагностики честности как устойчивой черты личности

Как отмечалось, преимущества в диагностике честности, на наш взгляд, может иметь методика, использующая по аналогии с проективными методами принцип опосредованной оценки. Рассмотрим детально два блока методики диагностики честности как устойчивой черты личности.

1. *Выбор пословиц.* Пословица — это краткое народное изречение с назидательным содержанием, что обеспечивает более опосредованную оценку поступков и процесс проекции. Респондентам предлагается из предложенного списка выбрать 10 пословиц, которые в большей степени соответствуют тому, как чаще всего поступает большинство людей (выбор 1). Этот выбор, по нашему мнению, иллюстрирует факт проекции

собственных качеств (честности или нечестности) на большую выборку — «большинство людей». Затем предлагается выбрать те 10, которые в большей степени соответствуют поведению самого респондента (выбор 2). Второй выбор свидетельствует о социальной желательности ответов респондента в ситуации диагностики.

2. *Выбор афоризмов.* В качестве материала были выбраны афоризмы как обобщенная, законченная и глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся меткой выразительностью и неожиданностью суждения. Афоризмам свойственны признаки, весьма ценные для конструирования тонкого диагностического инструмента, посредством которого измеряется глубинное личностное свойство. Респондентам предлагается выбрать из пары афоризмов наиболее отражающий точку зрения респондента. В парах подобраны афоризмы декларирующие соответственно ценности честного и нечестного поведения.

Задача отбора афоризмов и пословиц решалась двумя экспертами, специализирующимися в данной области. В задачи экспертов входил подбор пар утверждений, одно из которых декларирует ценность честного поведения, а другое — ценность нечестного поведения, порой с позитивной окраской и использованием механизмов психологической защиты.

Проверка валидности блоков методики диагностики честности

С целью проверки валидности блоков теста подобраны следующие

стандартизированные шкалы соответственно выделенным критериям честного и нечестного поведения.

Фактор G (сила «Сверх-Я» — слабость «Сверх-Я») личностного опросника Р. Кеттелла (16PF) связан с регуляцией поведения и характеризует наличие стремления к соблюдению моральных требований, потребности ощущать себя правым в действиях и морали. У честного человека высоки моральные принципы, соблюдение которых является для него очень важным. Следовательно, высокие значения по данной шкале характеризуют таких людей.

Шкала Re (ответственность) Калифорнийского психологического опросника (CPI) определяет лиц с надежным, честным (совестливым), ответственным характером и темпераментом. Эта шкала напрямую отражает честное поведение, которому присуща совесть, ответственность и надежность, четко отражающая один из основных критериев честного поведения.

Шкала So (социализация) CPI определяет уровень (степень) социальной зрелости, правильности и честности, достигнутый данным индивидуумом.

Шкала Ne (представлений о природе человека) Самоактуализационного теста (SAT) измеряет склонность респондента воспринимать природу человека в целом как положительную. Высокие значения по этой шкале характеризуют поведение честного человека, так как он склонен проявлять доверие к миру. Окружающие не несут для него угрозы, таким образом, респондент не направлен на нечестное поведение (обман, манипуляцию). Данная шкала

связанна с критерием доверия к себе и окружающим.

Для диагностики у респондентов уровня выраженности различных психологических защит личности использован Опросник жизненных стилей (LSI), разработанный Р. Плутчиком совместно с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом и адаптированный в диссертационном исследовании Л.Р. Гребенникова. Методика LSI предназначена для оценки степени использования индивидом восьми механизмов психологической защиты (МПЗ): отрицания, проекции, регрессии, замещения, вытеснения, интеллектуализации, формирования реакции, компенсации.

Механизмы психологической защиты определяются как автоматизированные способы последовательного искажения когнитивной и аффективной составляющих образа стимульной ситуации. Механизмы психологической защиты, на наш взгляд, больше присущи человеку, который склонен проявлять нечестное поведение. Можно предположить, что для честного человека более характерны такие защиты, как отрицание, вытеснение, быстрое нивелирование отрицательного опыта, а также формирование реакции, как стремление трансформировать импульсы и чувства, расцениваемые как неприемлемые, в противоположные. Это, например, может выражаться в склонности к морализаторству.

Для человека, склонного к нечестному поведению, скорее характерны такие защиты, как интеллектуализация и проекция, формирующие рациональную основу для оправдания и принятия себя при неприятии других. Им также свойственны компен-

сация с тенденцией исправлять или заменять неудобные объекты и факты и замещение как перенос агрессии с более сильного или значимого субъекта (являющегося источником гнева) на более слабый, доступный объект или на самого себя.

Диагностика такого связанного с нечестностью феномена, как социальная желательность, осуществлялась с помощью шкал искренности из текста опросников Айзенка — EPQ и EPI, которые отражают степень искренности при ответах на вопросы, склонность давать социально желательные ответы. Респондент, склонный к нечестному поведению, часто представляет себя в более выгодном свете (высокие значения по «шкалам лжи»), приукрашивает, выставляет на показ нужные для конкретной ситуации качества, проявляя манипулятивное поведение.

На этапе психометрической проверки методики диагностики честности выборка составила 108 человек в возрасте от 20 до 52 лет: 66 женщин и 42 мужчины. Диагностика проводилась в ситуации добровольного участия респондентов с целью первичной апробации. Для проверки валидности частей создаваемой нами методики было проведено корреляционное исследование результатов выполнения описанных выше шкал и методик.

Результаты

Как видно из табл. 1, наблюдается взаимосвязь между количеством выбранных «для большинства людей» пословиц, декларирующих честное поведение (*Выбор посл. 1*) и МПЗ

Отрицание при уровне значимости $p \leq 0.01$. Это свидетельствует о том, что люди, склонные оценивать поведение большинства как честное, часто отрицают причиняющий страдания опыт, некоторые импульсы или стороны себя. Таким респондентам присущи внушаемость, самовнушаемость, жажда признания, легкая переносимость критики и отсутствие самокритичности. Они отличаются оптимистичным взглядом на вещи, что и позволяет видеть окружающих людей честными. При этом присутствует отрицательная корреляционная связь между *Выбором посл. 1* и МПЗ *Компенсация* ($p \leq 0.05$). Чем выше испытуемые оценивают большинство людей как честных, тем менее выражен такой механизм психологической защиты, как компенса-

ция, т. е. у них нет попыток исправить или заменить объекты, вызывающие чувство неполноценности, нехватки, утраты. Респонденты склонны реалистично смотреть на вещи без попыток подмены их более удобными фактами и объектами. Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу о наличии у честного респондента подобных механизмов психологической защиты.

Также наблюдается значимая на уровне $p \leq 0.01$ корреляционная связь между *Выбором посл. 1* и шкалой *Искренности* Г. Айзенка. Чем выше респонденты оценивают большинство людей как честных, тем более они склонны давать социально желательные ответы, но это ни в коем случае не лживость как личностная характеристика.

Табл. 1

Значимые коэффициенты корреляции блоков методики диагностики честности со шкалами валидации

	Механизмы психологической защиты (LSI, Р. Плутчик)				
	Отрицание	Компенсация	Проекция	Замещение	Формирование реакции
Выбор посл. 1	0.257**	-0.190*	0.025	-0.128	-0.008
Выбор посл. 2	0.116	-0.164	-0.223*	-0.149	0.254**
Выбор афор.	0.040	-0.172	-0.262**	-0.255**	0.187
Шкалы личностных опросников					
	Ne (CAT)	Шкала искренности (Айзенк)	Re (CPI)	So (CPI)	G (16PF)
Выбор посл. 1	0.091	0.261**	0.112	0.091	0.115
Выбор посл. 2	0.230*	0.215*	0.391**	0.241*	0.262**
Выбор афор.	0.298**	0.187	0.473**	0.392**	0.257**

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$

Наблюдается взаимосвязь между количеством выбранных соответственно своим поступкам пословиц, декларирующих честное поведение (*Выбор посл. 2*), и шкалой *Ответственность (Re)* при уровне значимости $p \leq 0.01$. Таким образом, респонденты, оценивающие себя более честными, являются более надежными, совестливыми, ответственными. Они склонны проявлять последовательное поведение, отличаются смелостью и обладают чувством собственного достоинства, независимостью, являются осторожными в вопросах морали и этики. Также наблюдается положительная корреляционная связь между *Выбором посл. 2* и *Социализацией (So)* при уровне значимости $p \leq 0.05$. Респонденты, приписывающие себе честное поведение, обладают высоким уровнем социальной зрелости. Они отличаются серьезностью, правильностью и честностью в поведении. При этом они готовы к самоограничению и приспособлению для реализации поставленных целей. Наблюдается положительная корреляционная связь между *Выбором посл. 2* и *фактором G* (сила Сверх-Я — слабость Сверх-Я) при уровне значимости $p \leq 0.01$. Чем выше респондент оценивает себя как честного, тем больше он стремится к соблюдению моральных требований. При этом у испытуемого выражена потребность ощущать себя правым в действиях и морали, присутствует развитое чувство ответственности, обязательности и добросовестности. Такие респонденты точны и аккуратны в делах, любят порядок, не нарушают правил, даже если они кажутся им пустой формальностью, обладают хорошим самоконтролем.

Взаимосвязь между *Выбором посл. 2* и шкалой *Представлений о природе человека (Ne)* при уровне значимости $p \leq 0.05$ может свидетельствовать о том, что, чем больше испытуемые приписывают себе честное поведение, тем выше склонность субъекта воспринимать природу человека в целом как положительную.

Данная ситуация скорее демонстрирует высокую подверженность подобных шкал личностных опросников фальсификации со стороны респондентов. Тем самым косвенно подтверждается и целесообразность использования проективных методов в оценке честности как устойчивой черты личности, а не социально желательной реакции на ситуацию диагностики.

Также отрицательная взаимосвязь выявлена между *Выбором посл. 2* и *Проекцией (E)* при уровне значимости $p \leq 0.05$, т. е. чем выше респондент оценивает свое поведение как честное, тем меньше он использует проекцию как механизм психологической защиты. Он менее склонен приписывать окружающим различные негативные качества, мысли, чувства. Наблюдается положительная взаимосвязь между *Выбором посл. 2* и МПЗ *Формирование реакции (H)* при уровне значимости $p \leq 0.01$. Респонденты, оценивающие свое поведение как честное, склонны трансформировать импульсы и чувства, которые они по тем или иным причинам расценивают как неприемлемые, в их противоположности, т. е. проявляют неприятие всего «неприличного» и демонстрируют выраженное стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения. Они отличаются

морализаторством, хотя бы примером для окружающих, что соотносится со стремлением давать социально более привлекательные ответы. Данный факт еще раз подтверждает корреляционная связь между шкалой *Выбор посл. 2* и шкалой *Искренности* при уровне значимости $p \leq 0.05$. Чем выше респонденты оценивают свое поведение как честное, тем более они склонны давать социально желательные ответы, но это ни в коем случае не лживость как личностная характеристика.

Также выявлена положительная корреляционная связь между *Выбором посл. 2* и *Выбором афоризмов* при уровне значимости $p \leq 0.01$. Это указывает на то, что представленные шкалы измеряют одну реальность. И их картины корреляционных связей, как видно из табл. 1, являются во многом сходными.

Отрицательная корреляционная связь между *Выбором афоризмов*, *Проекцией (E)* и *Замещением (F)* при уровне значимости $p \leq 0.01$ может свидетельствовать о том, что чем выше у респондента ценность честного поведения, тем меньше он использует проекцию, т. е. менее склонен приписывать окружающим различные негативные качества, мысли, чувства, а также меньше смещенная агрессия — механизм снятия напряжения путем переноса агрессии с более сильного или значимого субъекта на более доступный объект.

В результате респонденты, приписывающие большинству людей честное поведение, склонны использовать такой механизм психологической защиты, как *отрицание*. Но, отрицая, они не делают попыток исправлять или заменять объекты, вы-

зывающие чувство неполноценности, нехватки, утраты. Такие респонденты склонны реалистично смотреть на вещи, но лишь в рамках своих установок, а противоречащая информация и события просто не воспринимаются ими. У них также выражена склонность давать социально желательные ответы. Но такая тенденция не является проявлением лживости как личностной характеристики.

Респонденты с высокими значениями по *Выбору посл. 2* характеризуются яркой социальной направленностью, что проявляется в склонности давать социально желательные ответы. У них выработался такой механизм психологической защиты, как *формирование реакций*. Такая защита проявляется в четкой тенденции трансформировать импульсы и чувства, расценивающиеся как неприемлемые, в их противоположности. Проявляется неприятие всего «неприличного», присутствует подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения. Заметим, однако, что такая тенденция к социально желательным ответам респондентов не является отражением лживости как личностной характеристики.

Респонденты с высокими значениями по шкале *Выбор афоризмов* во многом схожи по характеристикам с респондентами с высокими значениями по *Выбору посл. 2*. В свою очередь, они склонны реалистично смотреть на вещи без попыток подмены их более удобными фактами и объектами.

Выводы

Теоретический анализ литературы по данной тематике показал, что в

психологии не существует не только единых представлений о честности, но и каких бы то ни было фундаментальных исследований этого феномена. Можно найти лишь обращения к различным связанным с честностью явлениям, таким как искренность и неправда, правдивость и ложь.

В отдельных случаях для диагностики нечестного поведения за рубежом предлагаются списки характеристик непродуктивных действий персонала. Для диагностики же честности в России в значительной степени требуется учет культурных, исторических и национальных особенностей российских жителей.

Вследствие обобщения данных, полученных в теоретическом и эмпирическом исследованиях, были выделены основные критерии честного поведения, такие как правдивость (важность правды и истины), открытость и искренность, конгруэнтность (согласованность, согласие с самим собой), ответственность и доверие к себе и окружающим. На основании этих критериев и особенностей нечестного поведения были сконструированы блоки методики диагностики честности, которые в основном предназначены для того, чтобы выявить личностное отношение к актам нечестности, воровства и обмана на

предприятиях с целью прогнозирования такого поведения на работе.

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что параметры честности блока пословиц и суждений прочно взаимосвязаны с психологическими защитами личности (показатели отрицания, замещения, проекции, формирования реакции), со шкалами ответственности и социализации CPI (соответственно Re и So), G из 16PF Кеттелла. Эти связи подтверждают конструктивную валидность описанных блоков методики. Перспективными исследованиями с целью обеспечения комплексной оценки честности как личностной черты персонала являются более обширные процедуры валидации и стандартизации целостной методики при непосредственной экспертизе кандидатов на должности в организацию или в ситуации внутренней оценки персонала.

Подобный подход к диагностике честности как устойчивой черты личности персонала кажется нам наиболее адекватным для решения проблем оценки описанного феномена при приеме на работу будущих сотрудников с учетом национальных особенностей отношения к честному поведению, к правонарушениям, воровству и обману.

Литература

- Батурин Н.А., Бормотов А.А., Первухина Е.С.* Диагностика честности как устойчивой черты личности // Психология образования: культурно-исторические и социально-правовые аспекты: Материалы III Национальной научно-практической конференции. М., 2006. Т. 2. С. 115–116.
- Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М.* Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2000.
- Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М.: Изд-во ИП РАН, 1993.
- Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
- Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
- Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1981.
- Экман П.* Психология лжи. СПб.: Питер, 2000.
- Miner J.B., Capps M.H.* How Honesty Testing Works. Westport, CT; London: Quorum Books, 1996.
- Personnel Selection Inventory Information Guide. National Computer Systems, Inc., USA, 1991, 1996.

Бормотов Александр Александрович, Южно-Уральский государственный университет, факультет психологии, аспирант

Контакты: bormotovalexander@yandex.ru

Короткие сообщения

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА: ЭКСПЕРИМЕНТ «СТРОИМ ВМЕСТЕ»

О.В. БЕЛОКОНЬ

Резюме

В статье анализируется взаимосвязь эмоционального интеллекта с выдвижением на лидерскую позицию, эффективностью лидерства и лидерскими стилями. Описывается эксперимент, названный «Строим вместе», который проводился в студенческой среде, и его результаты. Получены данные о взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта с выдвижением на лидерскую позицию, эффективностью лидерства и деловым стилем лидерства.

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, лидерство, выдвижение на лидерскую позицию, эффективность лидерства.*

Явление лидерства обнаруживается во всех сферах нашей жизни, его можно назвать условием эффективной работы любой организации. Важность проблемы эффективного лидерства определяет ее активную разработку в социальных и психологических науках. В настоящее время насчитывается множество различных теорий лидерства, а также факторов, обуславливающих его возникновение и эффективность, в связи с

чем создаются трудности при выборе той или иной теории для решения конкретной управленческой ситуации.

В 90-е гг. XX в. наблюдался рост исследовательского интереса к роли личностных факторов в лидерстве. Ученых интересует влияние различных форм неакадемического (практического, социального, эмоционального) интеллекта на эффективность лидерства.

Д. Гоулмен (Goleman, 1998) рассматривает эмоциональный интеллект как неперемное условие эффективного руководства. По результатам обследования менеджеров разных уровней в 188 компаниях, в том числе и транснациональных, Д. Гоулмен пришел к выводу, что вклад эмоционального интеллекта в эффективность управленческой деятельности (она определялась показателями прибыльности подразделений фирмы) вдвое превосходит соответствующий вклад таких факторов, как технические умения и IQ. В книге «Эмоциональное лидерство» (Гоулмен, Бояцис, Макки, 2007) он описывает модель лидерских способностей, в которой устанавливается связь между лидерством и такими аспектами эмоционального интеллекта, как самосознание, самоконтроль, социальная чуткость и управление отношениями.

Д. Гоулмен с соавт. (там же, 2007) вводят понятие резонансного лидерства; это лидерство на основе настройки лидера и его аудитории на одну эмоциональную волну. В основе резонансного лидерства лежит эмоциональный интеллект, активность сознания, оптимизм и эмпатия. Ученые выделяют стили лидерства, четыре из которых способствуют эмоциональному резонансу (идеалистический, обучающий, товарищеский, демократический), а остальные вызывают диссонанс (амбициозный, авторитарный), если используются без учета ситуации.

Проблемой взаимосвязи эмоционального интеллекта с эффективностью лидерства занималась Д. Джордж (George, 2000). Она провела теоретический анализ возможных свя-

зей эмоционального интеллекта с деятельностью эффективных руководителей и выделила ряд его элементов, характеризующих содержательную сторону менеджерского поведения и испытывающих, по ее мнению, влияние эмоционального интеллекта. К ним относятся:

1) развитие коллективного осознания целей и задач, а также представлений о путях их достижения;

2) содействие пониманию персоналом важности выполняемых рабочих заданий;

3) возбуждение и поддержание в организации духа увлеченности, энтузиазма, уверенности, оптимизма и отношений сотрудничества и доверия;

4) проявление гибкости в принятии решений и адаптации к организационным изменениям;

5) установление и сохранение осмысленной организационной идентичности.

Р. Риджио с соавт. (Riggio, Murphy, Pirozzolo, 2002) также полагают, что эмоциональный и социальный интеллект отличает эффективных лидеров и позволяет этим лидерам действовать успешно в любой ситуации.

Как видно из анализа литературы, исследователи занимались проблемой влияния эмоционального интеллекта на эффективность лидерства, однако остаются малоизученными такие вопросы, как взаимосвязь эмоционального интеллекта с продвижением на лидерскую позицию в малых группах, а также со стилями лидерства как в учебных коллективах, так и в организациях. Необходимо отметить, что в отечественной психологии малоизучен вопрос о взаимосвязи эмоционального

интеллекта с эффективностью лидерства.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта с продвижением на лидерскую позицию, эффективностью лидерства и стилями лидерства.

Методика

На первом этапе исследования приняли участие 238 человек (223 девушки и 15 юношей) — студенты факультета коррекционной педагогики и психологии (ГОУ ВПО «ШГПИ», г. Шадринск) в возрасте от 17 до 24 лет. С ними проводилась работа по третьей версии опросника ЭМИн Д.В. Люсина (Lyusin, 2006).

Полученные результаты использовались на втором этапе исследования, который состоял в проведении эксперимента на изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта с продвижением на позицию лидера и эффективностью лидерства. Выборка состояла из 165 человек, из них 158 девушек и 7 юношей в возрасте от 17 до 24 лет. Работа с ними строилась по специально разработанной экспериментальной методике «Строим вместе».

Набирается группа из 5 человек, которой дается задание собрать 3 объекта из элементов конструктора, изображенных на схеме. Конструктор представляет собой набор пластмассовых блоков различной величины и цвета. Блоки соединяются между собой по типу «лего», т. е. из строительных элементов можно строить различные модели. Каждому участнику присваивается бейдж с номером (от 1 до 5). В соответствии с

целью наблюдения выделяются 3 экспериментальных условия:

1. В группу включаются испытуемые с высокими, низкими и средними показателями эмоционального интеллекта. Прорабом бригады строителей назначается испытуемый с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта, однако самим испытуемым это не известно. Дается следующая инструкция: «Представьте себе, что вы — бригада строителей, заказчик дает вам задание — построить несколько объектов на его земле. Как вы видите на схеме, это дом, башенка и паровозик. Строить нужно именно в таком порядке: сначала вся бригада строит дом, затем все вместе строите башню, а потом уже паровозик. Никто не разделяет задание, все нужно делать вместе. Постарайтесь строить так, как указано на схеме. Замечу, что заказчик оказался скупым, поэтому материалов может не хватить. Все возникающие вопросы вы будете решать со своим прорабом, который будет руководить строительством. Сейчас я выберу его случайным образом. На строительство отводится 20 минут. Можете начинать».

2. В группу включаются испытуемые с высокими, низкими и средними показателями эмоционального интеллекта. Прорабом бригады строителей назначается испытуемый с низким уровнем развития эмоционального интеллекта. Самым испытуемым это не известно. Инструкция аналогична предыдущей.

3. В группу включаются испытуемые с высокими, низкими и средними показателями эмоционального интеллекта, самим испытуемым это не известно. Прораб не назначается.

Дается только та часть инструкции, где объясняется задание, без упоминаний прораба. Целью является наблюдение за выдвижением в позицию лидера.

Принцип отбора в группы: в основу отбора были положены результаты методики ЭМИн, в которой выделены 5 уровней эмоционального интеллекта (межличностного и внутриличностного): очень низкий, низкий, средний, высокий и очень высокий. В соответствии с содержанием эксперимента были отобраны испытуемые в следующем порядке:

- 1) в первую очередь были выделены те испытуемые, что получили очень высокие баллы по шкале МЭИ и ВЭИ;

- 2) затем испытуемые, имеющие очень высокие баллы по одной из этих шкал, а по другой шкале — высокие;

- 3) испытуемые, имеющие высокие результаты по МЭИ и ВЭИ;

- 4) испытуемые, имеющие средние баллы по обоим шкалам;

- 5) испытуемые, имеющие очень низкие баллы по МЭИ и ВЭИ;

- 6) испытуемые, имеющие либо очень низкие баллы по одной из шкал и низкие по другой, либо низкие баллы по обоим шкалам.

На роль «прораба» назначались в первую очередь те испытуемые, которые имели очень высокие (для 1-го экспериментального условия) и очень низкие (для 2-го экспериментального условия) баллы по ЭМИн; поскольку таких испытуемых было недостаточно, затем назначались испытуемые с высокими и низкими баллами. В группы испытуемых всех трех экспериментов входили: 1 человек с очень высокими или высокими

баллами по ЭМИн, 3 человека со средними баллами и 1 человек с очень низкими или низкими баллами. Имела место некоторая вариативность в силу разного количества испытуемых по уровням эмоционального интеллекта. Так, группы могли состоять из одного испытуемого с очень высокими баллами, одного с высокими баллами по одной из шкал ЭМИна, двух со средними показателями и одного с очень низкими или низкими. В каждую экспериментальную ситуацию попало 11 групп, т. е. по 55 испытуемых в 1-м, 2-м и 3-м экспериментальных условиях.

Протокол наблюдения велся по *схеме Бейлза* (Регуш, 2001), где фиксируются единицы наблюдения по 12 категориям:

- 1) выражение солидарности, повышение статуса другого человека, оказание помощи, вознаграждение;

- 2) снятие эмоционального напряжения, шутка, смех, выражение удовлетворения;

- 3) согласие, пассивное принятие, понимание воздействия, уступчивость;

- 4) предложение совета, направления мысли при сохранении автономии партнера;

- 5) выражение своего мнения, оценивание, анализ, проявление чувств, желаний;

- 6) ориентация членов группы, информирование, повторение, уточнение;

- 7) просьба ориентировать, дать информацию, повторить, подтвердить;

- 8) просьба сообщить мнение, оценить, проанализировать, выражение чувств;

- 9) вопрос, просьба дать направление, возможный способ действия;

10) возражение, пассивное неприятие воздействия, отказ в помощи;

11) выражение эмоционального напряжения, просьба о помощи, уклонение;

12) проявление антагонизма, подрыв статуса другого, самозащита, домогательство своего признания.

По истечении 20 минут участникам 1-го и 2-го эксперимента задаются два вопроса.

1) Оцените общую эффективность деятельности прораба (шкалирование от 1 до 10);

2) Кто еще в бригаде строителей, по вашему мнению, мог бы эффективно справиться с задачей? И почему?

Анкета для участников 3-го экспериментального условия содержит следующие вопросы:

1) Можете ли вы в вашей бригаде строителей выделить лидера, т. е. человека, который направлял бы ход работы, делал бы указания, как лучше сделать, воодушевлял бы? Если да, то укажите, какие именно действия могут свидетельствовать о его лидерской позиции?

2) Кто, по вашему мнению, мог бы быть прорабом вашей бригады строителей? И почему?

Таким образом, анкета отражает два выбора — фактического лидера (выбор № 1) и человека, который потенциально мог бы быть лидером (выбор № 2). Испытуемым разрешалось вписывать свое имя только в том случае, если они действительно уверены, что справились бы либо же могли справиться с ролью прораба лучше всех остальных.

Стоит отметить, что в конструкторе не хватало элементов для строительства всех трех объектов, и это

усложняло задачу, требовало от испытуемых инициативы.

Результаты

Взаимосвязь эмоционального интеллекта с выдвижением на лидерскую позицию

В первую очередь из числа категорий по Бейлзу были исключены те, баллы по которым имели слишком низкую вариативность, — это 3-я, 7-я, 8-я, 11-я и 12-я. По оставшимся 7 категориям был проведен факторный анализ с вращением по методу варимакс. В результате выделился один наиболее сильный фактор, который объясняет 32% дисперсии. Наиболее сильные нагрузки по этому фактору получили категории 1 (выражение солидарности, повышение статуса другого человека, оказание помощи, вознаграждение), 4 (предложение совета, направления мысли, при сохранении автономии партнера), 6 (ориентация членов группы, информирование, повторение, уточнение). Этот фактор можно назвать «лидерская позиция», поскольку предположительно он свидетельствует о выдвижении на позицию лидера.

В 3-м экспериментальном условии выбор № 1, отражающий фактическую позицию лидера, положительно коррелирует с межличностным эмоциональным интеллектом (МЭИ) ($r = 0.395$, $p = 0.003$), в том числе со шкалами М1 ($r = 0.424$, $p \leq 0.001$) и М2 ($r = 0.337$, $p = 0.012$); с 1-й категорией по Бейлзу ($r = 0.633$, $p \leq 0.001$); 4-й категорией ($r = 0.581$, $p \leq 0.001$); 5-й категорией ($r = 0.334$, $p = 0.013$); 6-й категорией ($r = 0.361$, $p = 0.007$) и имеет отрица-

тельную взаимосвязь с 9-й категорией ($r = -0.303, p = 0.025$). Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что фактический лидер обладает следующими характеристиками: понимает эмоции других людей — проявляет чуткость к их внутреннему состоянию и способен распознавать эмоциональную информацию через экспрессию; в процессе группового взаимодействия проявляет позитивные социально определяемые эмоции, доминирование, ориентирован на выполнение задачи.

Выбор потенциального лидера осуществлялся во всех трех видах групп, поэтому число испытуемых — 143 человека. Выбор № 2 положительно коррелирует с МЭИ ($r = 0.329, p \leq 0.001$), ВЭИ ($r = 0.232, p = 0.005$), с 1-й категорией по Бейлзу ($r = 0.495, p \leq 0.001$), 2-й категорией ($r = 0.251, p = 0.003$), 4-й категорией ($r = 0.486, p \leq 0.001$), 5-й категорией ($r = 0.306, p \leq 0.001$), 6-й категорией ($r = 0.436, p \leq 0.001$). Таким образом, портрету потенциального лидера присущи следующие черты: способность предвидеть последствия поведения людей в процессе взаимодействия, предсказывать то, что произойдет в дальнейшем, на основе анализа невербальной информации; понимание своих эмоций и эмоций других людей, способность вызывать у них желательные эмоции, снижать интенсивность нежелательных, управление собственными эмоциями и их проявлениями; в процессе группового взаимодействия проявляет позитивные социально определяемые эмоции, доминирование, ориентирован на выполнение задачи.

Фактор «лидерская позиция» ($n = 143$) положительно коррелирует

с МЭИ ($r = 0.0,338, p = 0.001$), ВЭИ ($r = 0.232, p = 0.005$).

Взаимосвязь эмоционального интеллекта с эффективностью лидерства.

В соответствии с экспериментальными условиями в 1-м и 2-м исследовании приняли участие 22 «прораба».

Эффективность лидерства положительно коррелирует с МЭИ ($r = 0.5, p = 0.018$), в том числе со шкалами М2 ($r = 0.616, p = 0.002$) и М3 ($r = 0.497, p = 0.018$); ВЭИ ($r = 0.542, p = 0.009$), в том числе со шкалой В3 ($r = 0.677, p = 0.001$); 4-й категорией ($r = 0.506, p = 0.016$), 6-й категорией ($r = 0.472, p = 0.026$); деловым стилем ($r = 0.895, p \leq 0.001$) и социально-эмоциональным стилем ($r = 0.528, p = 0.012$). Эффективный лидер способен контролировать проявления своих эмоций, понимать эмоциональную информацию других людей через мимику, звучание голоса и поведение, вызывать у них желательные эмоции, снижать интенсивность нежелательных. В профессиональной деятельности скорее ориентирован на задачу, чем на взаимоотношения.

Для того чтобы установить достоверность различий, был использован критерий Манна–Уитни. В результате были установлены следующие достоверные различия: в 1-м экспериментальном условии «прорабы» имеют выше показатели по эффективности лидерства, лидерской позиции и деловому стилю лидерства, а также по 5-й категории Бейлза; во 2-м экспериментальном условии «прорабы» имеют выше показатели по 9-й категории (табл. 1).

Табл. 1

Показатели достоверности различий по критерию Манна–Уитни в 1-м и 2-м экспериментальных условиях (ЭУ)

Название фактора	1-е ЭУ	2-е ЭУ	U Манна–Уитни	p
Эффективность	14.91	8.09	23	0.014
Категория 1	14.05	8.95	32.5	0.051
Категория 2	9.82	13.18	42	0.22
Категория 4	16.09	6.91	10	0.001
Категория 5	14.32	8.68	29.5	0.041
Категория 6	14.86	8.14	23.5	0.014
Категория 9	7.77	15.23	19.5	0.002
Категория 10	10.73	12.27	52	0.447
Лидерская позиция	15.82	7.18	13	0.002
Деловой стиль	14.36	8.64	29	0.038
Социоэмоциональный стиль	11.95	11.05	55.5	0.74

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают предположение о том, что высокий уровень эмоционального интеллекта (внутриличностного и межличностного) обуславливает выдвижение на лидерскую позицию, в том числе установлена взаимосвязь между выбором фактической позиции лидера (выбор № 1), потенциального лидера (выбор № 2) и эмоциональным интеллектом. Можно предположить, что в эксперименте наблюдалось резонансное лидерство, когда «прорабы» и испытуемые, выдвинувшиеся на лидерскую позицию, воодушевляли и заражали своими позитивными эмоциями подчиненных.

Эффективность лидерства взаимосвязана с эмоциональным интеллектом, что соотносится с моделями

эффективных лидеров Д. Гоулмена и Д. Джордж. В частности, в ходе исследования были установлены корреляционные связи с такими аспектами эмоционального интеллекта, как умение понимать эмоции других людей через экспрессию, управлять чужими эмоциями и способность контролировать собственные. Фактор лидерской позиции взаимосвязан со всеми компонентами эмоционального интеллекта, что находит отражение в каждом элементе модели лидерских способностей Д. Гоулмена и эффективного лидера Д. Джордж.

Необходимо отметить два ограничения проведенного исследования. Во-первых, испытуемые находились в игровой ситуации, они не решали реальных организационных и профессиональных задач, и, несмотря на установку серьезно подойти к

выполнению задания, у них не было реальной ответственности за результат, не было и санкций за невыполнение задачи. Во-вторых, в ходе эксперимента скорее исследовалось ситуативное лидерство, процесс выдвижения на лидерскую позицию, в связи с чем и репертуар лидерских стилей был ограничен рамками заданной си-

туации, не было возможности для вариаций. Для более всестороннего изучения роли эмоционального интеллекта в эффективности лидерства и выборе лидерских стилей необходимо провести исследование руководителей, которые действуют в реальных организациях, взаимодействуя с подчиненными.

Литература

Гулмен Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2007.

Кричевский Р.Л. Психология лидерства. М., 2007.

Резуш Л.А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. СПб., 2001.

George G. Emotions and leadership: The role of emotional intelligence // Human Relations. 2000. Vol. 53.

Goleman D. What makes a leader? // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76.

Lyusin D. Emotional Intelligence as a Mixed Construct: Its Relation to Personality and Gender // Journal of Russian and East European Psychology. 2006. 44. 6. November – December. P. 54–68.

Riggio R.E., Murphy S.E., Pirozzolo F.J. (eds.). Multiple intelligences and leadership. Mahwah, NJ: Lawrence Earlbaum Associates, 2002.

Белоконь Ольга Владимировна — Шадринский государственный педагогический институт, ассистент

Контакты: passionflower@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ОБНАРУЖЕНИЯ СИГНАЛА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ И УВЕРЕННОСТИ В НЕМ ЧЕЛОВЕКА

В.М. ШЕНДЯПИН, В.А. БАРАБАНЩИКОВ

Резюме

В парадигме теории обнаружения сигнала с учетом многоотсчетного описания наблюдения получены формулы для вычисления вероятности правильности ответов в каждой пробе, объясняющие феномен уверенности человека в своих решениях. В результате упрощения полученных формул разработана эвристическая модель принятия решения и оценки уверенности в нем, воспроизводящая поведение человека точнее, чем предшествующие модели.

Ключевые слова: математическое моделирование, принятие решения, уверенность в сенсорных суждениях, теория обнаружения сигнала, разработка эвристической модели

Нерешенные вопросы моделирования уверенности

Настоящая работа продолжает исследования уверенности человека при решении сенсорных задач, результаты которых опубликованы ранее (Шендяпин и др., 2003, 2006, 2008).

Изучение принятия решения как базового звена выполнения любой когнитивной задачи — одна из центральных проблем психологии. Актуальность ее очевидна. Поэтому такие

исследования за рубежом бурно развиваются начиная с середины XX в. Позднее к ним добавились работы, направленные на изучение уверенности в принятом решении (в частности, на материале сенсорно-перцептивных задач порогового типа). Разработаны математические модели принятия решения и оценки уверенности в нем (Balakrishnan, Ratcliff, 1996; Bjorkman et al., 1993; Ferrell, 1995; Link, Heath, 1975; Vickers et al., 1998, 2003 и др.). Наиболее проработанной

среди них признается аккумуляторная модель (Vickers et al., 1998, 2003). Она предполагает накопление свидетельств в пользу каждой из сравниваемых альтернатив ответа как механизм вынесения решения и оценки уверенности в его правильности, а также адаптивную подстройку этого механизма.

В ходе эксперимента при решении сенсорной задачи испытуемого просят в каждой пробе оценить уверенность в правильности своего решения в виде ожидаемой вероятности его правильности (Adams, 1957), и испытуемый дает такую оценку. Логично было бы ожидать, что разработанные модели позволяют получать в каждой пробе вместе с ответом и оценку уверенности в нем в виде вероятности правильности ответа. Выполнение этого условия позволяло бы напрямую сопоставлять оценки уверенности, полученные при моделировании и в эксперименте.

Однако анализ упомянутых моделей показывает, что они оценивают уверенность иначе. Нединамические модели (Balakrishnan, Ratcliff, 1996; Bjorkman et al., 1993; Ferrell, 1995), базирующиеся на теории обнаружения сигнала (ТОС) (Иган, 1983; Green, Swets, 1966/1974), задают величину уверенности как расстояние на оси сенсорных репрезентаций стимулов от полученной в данной пробе сенсорной реакции на предъявленный стимул до критерия принятия решения. Динамические же модели: случайных блужданий (Link, Heath, 1975) и аккумуляторная (Vickers et al., 1998, 2003) выражают уверенность через специально введенные величины свидетельств. При этом вероятность правильности при-

нятого решения в каждой пробе они не вычисляют. Поэтому задача получения для каждой пробы оценки уверенности в виде вероятности правильности принятого решения является актуальной.

Для выполнения поставленной задачи на первом этапе создания модели была доработана ТОС (Иган, 1983; Green, Swets, 1966/1974). Необходимость ее доработки объясняется тем, что качество ответов наблюдателя в ней оценивается через вероятности правильного обнаружения и ложной тревоги, характеризующие только интегральную эффективность принимаемых решений, усредненную по всей серии проб. Теоретические же формулы для вычисления вероятности правильности принятого решения в каждой отдельной пробе в ней отсутствовали, что не позволяло описать феномен уверенности человека с помощью идеальной модели ТОС.

Однако ТОС имеет большой объяснительный потенциал, так как она использует только хорошо определенные формальные понятия и с их помощью дает обоснованное описание идеального процесса принятия решения, включенного в сенсорную задачу. Ожидалось, что необходимые формулы для вычисления вероятности правильности ответа в каждой пробе в ТОС все-таки могут быть выведены. В результате анализа апостериорных вероятностей событий необходимые формулы действительно были получены, что позволило объяснить феномен уверенности человека вначале на уровне идеальной модели ТОС.

Затем была выделена переменная, от которой зависит вероятность

правильности принятого решения в каждой пробе. Во второй части работы в результате анализа свойств этой переменной и учета реальных возможностей человека был сконструирован простой алгоритм вычисления сенсорных свидетельств, на основе которого была разработана более близкая к реальности, чем идеальная модель ТОС, эвристическая модель принятия решения и оценки уверенности в нем человека, выражаемая через ожидаемую вероятность правильности.

Вывод формул для вероятностей правильности и ошибочности принятых решений в парадигме ТОС

Неопределенность

Неопределенность в сенсорной задаче различения стимулов заключается в том, что наблюдателю достоверно не известно, какой из двух возможных стимулов он наблюдает. При различении двух близких по величине стимулов предъявление стимула, порождающего на выходе сенсорной системы наблюдателя более слабый отклик, называется событием **n** (noise, т. е. шум). А предъявление другого стимула, порождающего на выходе сенсорной системы более сильный отклик, называется событием **sn** (signal + noise, т. е. сигнал + шум). Так как к детерминированному отклику сенсорной системы на предъявляемый стимул всегда добавляется внутренний шум самой системы, то любая величина реакции сенсорной системы может быть вызвана как событием **n**, так и событием **sn**.

Априорные вероятности

Обычно наблюдателю известна априорная вероятность появления события **sn**, равная $P(\mathbf{sn})$. Априорная вероятность появления дополнительного к нему события **n** при этом равна $P(\mathbf{n}) = 1 - P(\mathbf{sn})$. Отношение априорных вероятностей:

$$l_0 = P(\mathbf{sn})/P(\mathbf{n}) \quad (1)$$

показывает, насколько событие **sn** появляется чаще, чем событие **n**.

Наблюдение

Описание результирующего отклика сенсорной системы человека на наблюдаемые события задается в виде стационарного случайного процесса $X(t)$, принимающего значения x , распределенные по закону $f(x|\mathbf{n})$ при событии **n** либо по закону $f(x|\mathbf{sn})$ при событии **sn**.

Для описания наблюдения из процесса $X(t)$ с шагом Δt берется m -мерная выборка откликов (x_1, x_2, \dots, x_m) , за период времени $T = m\Delta t$. Будем далее обозначать строку полученных откликов вектором выборки $\mathbf{x} = (x_1, x_2, \dots, x_m)$. Величина отношения правдоподобия полученной выборки \mathbf{x} , равная отношению совместных плотностей $l(\mathbf{x}) = f(\mathbf{x}|\mathbf{sn})/f(\mathbf{x}|\mathbf{n})$, показывает, насколько чаще данная выборка \mathbf{x} появляется при событии **sn**, чем при событии **n**.

Апостериорные вероятности

Апостериорная вероятность $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ есть вероятность события **sn** при условии, что на выходе сенсорной системы была получена выборка \mathbf{x} .

Аналогично $P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$ — апостериорная вероятность события \mathbf{n} . Разумеется $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) + P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) = 1$. Апостериорные вероятности событий можно выразить через априорные вероятности и отношение правдоподобия.

Обозначим через $g(\mathbf{sn}, \mathbf{x})$ функцию плотности вероятности совпадения двух событий: а) попадания полученных значений выборки $\mathbf{x} = (x_1, x_2, \dots, x_m)$ в элементарный интервал $d\mathbf{x} = dx_1, dx_2, \dots, dx_m$ и б) реализации события \mathbf{sn} . Используя формулу для вероятности совпадения этих событий, получаем, что $g(\mathbf{sn}, \mathbf{x}) = P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn}) = f(\mathbf{x})P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$. При этом $f(\mathbf{x}) = P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn}) + P(\mathbf{n})f(\mathbf{x}|\mathbf{n}) = P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn}) \{1 + [l(\mathbf{x})l_0] - 1\}$. Отсюда получаем апостериорные вероятности:

$$P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) = \frac{P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn})}{f(\mathbf{x})} = \frac{P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn})l(\mathbf{x})l_0}{P(\mathbf{sn})f(\mathbf{x}|\mathbf{sn})[1+l(\mathbf{x})l_0]} = \frac{l(\mathbf{x})l_0}{1+l(\mathbf{x})l_0} \quad (2)$$

$$P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) = 1 - P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) = \frac{1}{1+l(\mathbf{x})l_0} \quad (3)$$

Отношение полученных апостериорных вероятностей равно:

$$l_x(\mathbf{x}) = P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})/P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) = l(\mathbf{x})l_0. \quad (4)$$

Если от отношений l_0 , $l(\mathbf{x})$ и $l_x(\mathbf{x})$ перейти к их натуральным логарифмам: $L_0 = \ln(l_0)$, $L(\mathbf{x}) = \ln[l(\mathbf{x})]$ и $L_x(\mathbf{x}) = \ln[l_x(\mathbf{x})]$, то формулы (2), (3) и (4) упрощаются:

$$P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) = \exp[L(\mathbf{x})+L_0] \{1+\exp[L(\mathbf{x})+L_0]\}^{-1} = 0.5 + 0.5th\{[L(\mathbf{x})+L_0]/2\}, \quad (5)$$

$$P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) = 1 - P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) = 0.5 - 0.5th\{[L(\mathbf{x})+L_0]/2\}, \quad (6)$$

$$L_x(\mathbf{x}) = L(\mathbf{x}) + L_0. \quad (7)$$

Простой и наглядный вид зависимостей $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ и $P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$ от $L(\mathbf{x})$, задаваемый функцией гиперболического тангенса, получен в парадигме ТОС впервые. Графики зависимостей $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ и $P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$ от $L(\mathbf{x})$, рассчитанные по формулам (5) и (6), показаны на рис. 1. Видно, что с ростом $L(\mathbf{x})$ $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ монотонно растет от 0 до 1, а $P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$ монотонно убывает от 1 до 0. При выборках \mathbf{x} , удовлетворяющих условию $L(\mathbf{x}) = -L_0$, вероятности событий \mathbf{sn} и \mathbf{n} совпадают и равны 0.5.

В точке, где $L(\mathbf{x}) = 0.0$, $l(\mathbf{x}) = 1$. Подставляя $l(\mathbf{x}) = 1$ в выражения (2) и (3), получаем $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) = P(\mathbf{sn})$ и $P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) = P(\mathbf{n})$, т. е. апостериорные вероятности событий при этом равны априорным.

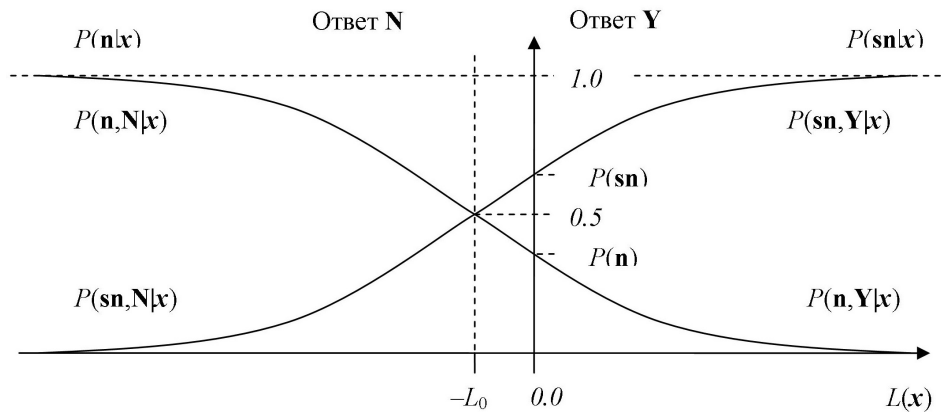
Принятие решения

Принятие решения начинается после получения выборки \mathbf{x} случайного процесса $X(t)$ и внешне выглядит как оценка истинности утверждения «данная выборка \mathbf{x} была вызвана событием \mathbf{sn} ». Если наблюдатель согласен с этим утверждением, то должен сказать «да». Если же он скорее не согласен, то должен сказать «нет». Решение в виде ответа «да» является событием \mathbf{Y} (Yes — да), а решение в виде ответа «нет» — событием \mathbf{N} (No — нет).

Ситуация после получения выборки \mathbf{x} описывается двумя несовместными сочетаниями событий: $(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ и $(\mathbf{n}|\mathbf{x})$. После принятия решения и появления события \mathbf{Y} или \mathbf{N}

Рис. 1

Зависимости апостериорных вероятностей $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x})$ и $P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$ от $L(\mathbf{x})$

Примечание. Решающее правило идеальной модели ТОС: при $L(\mathbf{x}) > -L_0$ принимается решение \mathbf{Y} , иначе принимается решение \mathbf{N} . $P(\mathbf{sn},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$ и $P(\mathbf{n},\mathbf{N}|\mathbf{x})$ — вероятности правильности решений. $P(\mathbf{n},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$ и $P(\mathbf{sn},\mathbf{N}|\mathbf{x})$ — вероятности ошибочности решений.

ситуация описывается уже четырьмя несовместными сочетаниями: $(\mathbf{sn},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$, $(\mathbf{sn},\mathbf{N}|\mathbf{x})$, $(\mathbf{n},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$ и $(\mathbf{n},\mathbf{N}|\mathbf{x})$.

Сочетание $(\mathbf{sn},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$ называется правильным обнаружением сигнала (события \mathbf{sn}) при данной выборке \mathbf{x} . Сочетание $(\mathbf{n},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$ — ложной тревогой (ошибочным обнаружением события \mathbf{sn}). Сочетание $(\mathbf{sn},\mathbf{N}|\mathbf{x})$ — пропуском сигнала (ошибочным обнаружением события \mathbf{n}). Сочетание $(\mathbf{n},\mathbf{N}|\mathbf{x})$ — правильным отрицанием (правильным обнаружением события \mathbf{n}). Сумма вероятностей всех возможных сочетаний событий и решений, усредненных по всем выборкам \mathbf{x} , равна 1: $P(\mathbf{sn},\mathbf{Y}) + P(\mathbf{n},\mathbf{Y}) + P(\mathbf{sn},\mathbf{N}) + P(\mathbf{n},\mathbf{N}) = 1$. При этом вероятность правильности принятых решений $P(\text{Cor})$ (Correct — правильный) независимо от того, при какой выборке \mathbf{x} они были получены и каким было решение, равна:

$$P(\text{Cor}) = P(\mathbf{sn},\mathbf{Y}) + P(\mathbf{n},\mathbf{N}) = \int [P(\mathbf{sn},\mathbf{Y}|\mathbf{x}) + P(\mathbf{n},\mathbf{N}|\mathbf{x})]f(\mathbf{x})d\mathbf{x}. \quad (8)$$

Из рис. 1 и формул (5), (6) видно, что в принципе при любой выборке \mathbf{x} можно принять как решение \mathbf{Y} (вероятность его правильности будет равна $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) > 0$), так и решение \mathbf{N} (вероятность его правильности равна $P(\mathbf{n}|\mathbf{x}) > 0$). Однако если наблюдатель хочет получить максимум вероятности правильных решений $P(\text{Cor})$, то из двух возможных при данной выборке \mathbf{x} альтернатив ответа он должен выбирать ту, которая приносит ему вероятность правильности большую, чем вероятность ошибочности. Поэтому если при данной выборке \mathbf{x} выполняется неравенство $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) > P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$, то он должен выбрать решение \mathbf{Y} , и тогда он получит нужный результат: $P(\mathbf{sn},\mathbf{Y}|\mathbf{x}) > P(\mathbf{n},\mathbf{Y}|\mathbf{x})$, а если $P(\mathbf{sn}|\mathbf{x}) < P(\mathbf{n}|\mathbf{x})$, то он должен выбрать

решение \mathbf{N} и тогда тоже получит нужный результат: $P(\mathbf{sn}, \mathbf{N} | \mathbf{x}) < P(\mathbf{n}, \mathbf{N} | \mathbf{x})$.

Так как в соответствии с рис. 1 неравенство $P(\mathbf{sn} | \mathbf{x}) > P(\mathbf{n} | \mathbf{x})$ эквивалентно неравенству $L(\mathbf{x}) + L_0 > 0$, а неравенство $P(\mathbf{sn} | \mathbf{x}) < P(\mathbf{n} | \mathbf{x})$ эквивалентно неравенству $L(\mathbf{x}) + L_0 < 0$, то решающее правило идеальной модели ТОС можно сформулировать следующим образом: при $L(\mathbf{x}) > -L_0$ принимается решение \mathbf{Y} , иначе принимается решение \mathbf{N} . При этом в соответствии с найденными нами формулами (5) и (6) вероятности правильности принятых решений \mathbf{Y} и \mathbf{N} вычисляются по формулам:

$$P(\mathbf{sn}, \mathbf{Y} | \mathbf{x}) = 0.5 + 0.5th\{|L(\mathbf{x}) + L_0|/2\},$$

при $L(\mathbf{x}) + L_0 > 0$, (9)

$$P(\mathbf{n}, \mathbf{N} | \mathbf{x}) = 0.5 - 0.5th\{|L(\mathbf{x}) + L_0|/2\},$$

при $L(\mathbf{x}) + L_0 < 0$. (10)

А вероятности ошибочности принятых решений \mathbf{Y} и \mathbf{N} вычисляются по формулам:

$$P(\mathbf{n}, \mathbf{Y} | \mathbf{x}) = 0.5 - 0.5th\{|L(\mathbf{x}) + L_0|/2\},$$

при $L(\mathbf{x}) + L_0 > 0$, (11)

$$P(\mathbf{sn}, \mathbf{N} | \mathbf{x}) = 0.5 + 0.5th\{|L(\mathbf{x}) + L_0|/2\},$$

при $L(\mathbf{x}) + L_0 < 0$. (12)

На выборках \mathbf{x} , удовлетворяющих условию $L(\mathbf{x}) + L_0 = 0$, ни одно из решений не имеет преимущества, так как вероятности их правильности и ошибочности равны 0.5.

Переход от идеальной модели ТОС к эвристической модели принятия решения и оценки уверенности человеком

Мы пришли к результату, что в идеальной модели ТОС имеется переменная $L_x(\mathbf{x}) = L(\mathbf{x}) + L_0$, позволяющая при данной выборке \mathbf{x} принимать решение и по формулам (9), (10) получать вероятность его правильности. Однако большинство психологов, занимающихся проблемой принятия решений человеком, склоняется к гипотезе, что при принятии решений в условиях неопределенности люди не используют теорию вероятности. Субъективная оценка вероятности скорее похожа на субъективную оценку физических величин, таких как расстояние или размер. По их мнению, люди интегрируют информацию, содержащуюся в задаче, с помощью простых эвристических упрощений, которые сводят сложные задачи оценки вероятностей и прогнозирования значений величин до более простых операций суждения (Козелецкий, 1979; Тверски, Канеман, 2005). Математическая сложность вычисления переменной $L(\mathbf{x})$, входящей в $L_x(\mathbf{x})$, явно превышает реальные возможности мозга человека. В связи с этим возникает вопрос: как упростить процесс вычисления $L(\mathbf{x})$ и свести его к простым вычислительным эвристикам, более свойственным людям?

Самая очевидная причина сложности вычисления $L(\mathbf{x})$ связана с многомерностью полученной выборки \mathbf{x} , которая в случае взаимозависимости ее отсчетов требует вычисления совместных законов распределений $f(\mathbf{x} | \mathbf{sn})$ и $f(\mathbf{x} | \mathbf{n})$. Однако если шаг

дискретизации Δt непрерывного процесса $X(t)$, имеющего ширину спектра Δf , выбрать примерно равным времени корреляции этого процесса $\Delta t \approx 1/\Delta f$, то, с одной стороны, сохраняется вся информация, содержащаяся в процессе $X(t)$ (Котельников, 1956), а, с другой стороны, отсчеты x_i становятся практически некоррелированными. При обычном предположении, что закон распределения отсчетов x_i является нормальным, из некоррелированности отсчетов следует их взаимная независимость. В таком случае отношение правдоподобия выборки \mathbf{x} можно приближенно заменить произведением отношений правдоподобия отдельных отсчетов x_i :

$$l(\mathbf{x}) \approx \prod_{i=1}^m f(x_i | \mathbf{sn}) / f(x_i | \mathbf{n}) = \prod_{i=1}^m l(x_i). \quad (13)$$

Другая причина сложности вычислений состоит в том, что человеку трудно вычислять отношения правдоподобия $l(x_i)$ для отсчетов x_i . Однако если предположить, что в поро-

вых задачах дисперсии нормальных распределений $f(x_i | \mathbf{sn})$ и $f(x_i | \mathbf{n})$ одинаковы, то при условии единичной дисперсии и нулевого среднего для $f(x_i | \mathbf{n})$ и среднего значения равного $d' > 0$ для $f(x_i | \mathbf{sn})$ (рис. 2) эти плотности имеют вид:

$$f(x_i | \mathbf{n}) = (2\pi)^{-1/2} \exp(-0.5x_i^2), \quad (14)$$

$$f(x_i | \mathbf{sn}) = (2\pi)^{-1/2} \exp[-0.5(x_i - d')^2]. \quad (15)$$

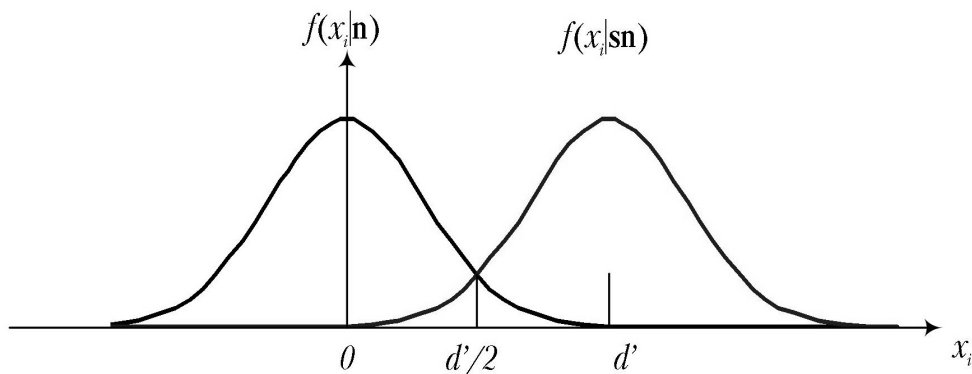
При этом отношение правдоподобия имеет простой вид (Иган, 1983):

$$l(x_i) = f(x_i | \mathbf{sn}) / f(x_i | \mathbf{n}) = \exp[d'(x_i - d'/2)]. \quad (16)$$

Из-за плавности изменения характеристик сенсорной системы предположение о равенстве дисперсий распределений $f(x_i | \mathbf{sn})$ и $f(x_i | \mathbf{n})$ выполняется тем лучше, чем меньше различие между стимулами, описываемое различимостью d' .

Рис. 2

Одномерные нормальные законы распределения выборки x_i при событиях \mathbf{n} и \mathbf{sn} . Дисперсии обоих распределений совпадают

В итоге с учетом формул (13) и (16) получаем новый и важный результат. Величину $L(\mathbf{x})$ можно вычислять по приближенной формуле:

$$L(\mathbf{x}) \approx \sum_{i=1}^m d'(x_i - d'/2). \quad (17)$$

Полученный результат свидетельствует о том, что мозг человека на основе оценки различимости d' и отсчетов x_i случайного процесса $X(t)$ может принимать решения и оценивать вероятность его правильности при условии, что он успевает в реальном времени (т. е. за время Δt) вычислять и накапливать на сумматоре выражения вида $d'(x_i - d'/2)$. Правда, для получения такой эвристики пришлось сделать определенные предположения о работе сенсорных систем человека. Однако эти предположения не являются произвольными. Все они имеют свои обоснования.

Анализ взаимосвязей между разрабатываемой и предшествующими эвристическими моделями

Соотношение с аккумуляторной моделью

Слагаемые суммы (17) по своему смыслу похожи на свидетельства в пользу сравниваемых альтернатив решения, рассматриваемые Д. Викерсом (Vickers, Lee, 1998). Поэтому вслед за ним будем называть переменные $d'(x_i - d'/2)$ сенсорными свидетельствами. Различие же состоит в том, что у свидетельств, введенных Д. Викаерсом, нет множителя d' . При этом смысл свидетельств в обоих случаях вполне очевиден: если $x_i > d'/2$, то это

действительно можно считать свидетельством в пользу события \mathbf{sn} , а если $x_i < d'/2$, то это может свидетельствовать в пользу события \mathbf{n} (рис. 2).

Идея использования понятия свидетельства при выборе наилучшего решения является плодотворной. Так как выбор решения и вероятность его правильности зависят от суммы $L(\mathbf{x}) + L_0$, то L_0 также влияет на принятие решения. Только в отличие от сенсорных свидетельств L_0 является априорным свидетельством.

Соотношение с моделями, основанными на ТОС

Окончательно переходя от идеальной модели ТОС к разрабатываемой нами эвристической модели принятия решения, получаем, что вместо переменной $L(\mathbf{x})$ можно использовать более простую эвристическую переменную в виде суммы сенсорных свидетельств:

$$S(\mathbf{x}) \approx \sum_{i=1}^m d'(x_i - d'/2), \quad (18)$$

а вместо переменной $L_x(\mathbf{x}) = L(\mathbf{x}) + L_0$ — сумму всех свидетельств $C(\mathbf{x}) = S(\mathbf{x}) + L_0$.

При этом связь между идеальной моделью ТОС и нашей эвристической моделью очень нетривиальна. В строгом математическом смысле переменные $L(\mathbf{x}) = \ln[f(\mathbf{x}|\mathbf{sn})/f(\mathbf{x}|\mathbf{n})]$ и $S(\mathbf{x})$ являются совершенно разными функциями от \mathbf{x} . Однако если отсчеты x_i выборки \mathbf{x} являются нормальными, слабо коррелируют друг с другом и имеют одинаковые дисперсии, то выполняется примерное равенство $L(\mathbf{x}) \approx S(\mathbf{x})$. Именно это равенство позволяет эвристической модели оценивать вероятности

правильности принятых человеком решений с помощью формул (9) и (10) путем замены $L(\mathbf{x})$ на $S(\mathbf{x})$.

Переформулируем для нашей эвристической модели решающее правило идеальной модели ТОС: при $C(\mathbf{x}) > 0$ принимается решение \mathbf{Y} , иначе принимается решение \mathbf{N} . При этом вероятности правильности принимаемых решений:

$$P(\text{sn}, \mathbf{Y} | \mathbf{x}) = 0.5 + 0.5th[C(\mathbf{x})/2], \quad \text{при } C(\mathbf{x}) > 0, \quad (19)$$

$$P(\text{n}, \mathbf{N} | \mathbf{x}) = 0.5 - 0.5th[C(\mathbf{x})/2], \quad \text{при } C(\mathbf{x}) < 0 \quad (20)$$

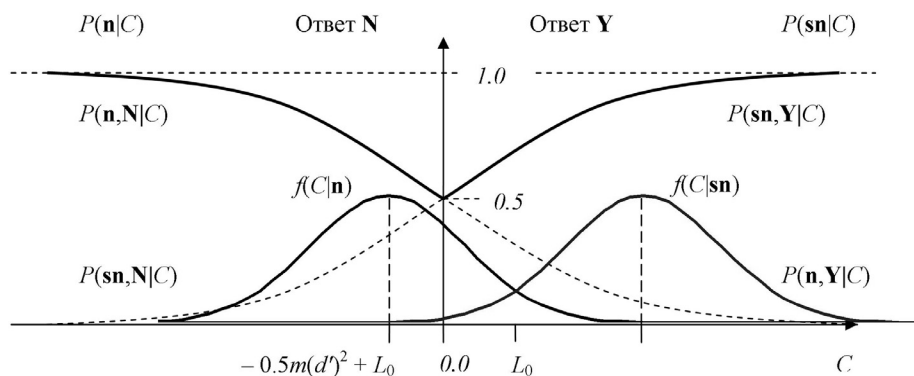
всегда превышают уровень 0.5, соответствующий полной неуверенности, на величину $\Delta P = 0.5th[|C(\mathbf{x})|/2] > 0$. Вот эту величину ΔP мы и предлагаем считать уверенностью в принятом решении. Зависимости вероятностей правильности и ошибочности реше-

ний от суммы свидетельств $C(\mathbf{x})$ приведены на рис. 3.

Таким образом, в нашей модели $C(\mathbf{x})$ является единственной переменной, необходимой и достаточной для описания принятия решения и получения оценки уверенности в нем. Так как величина $\Delta P = 0.5th[|C(\mathbf{x})|/2]$ является монотонно возрастающей функцией от $|C(\mathbf{x})|$, то при оценке уверенности вместо ΔP используется просто величина $|C(\mathbf{x})|$. При этом становится ясно, почему модели, базирующиеся на ТОС (Balakrishnan, Ratcliff, 1996; Bjorkman et al., 1993; Ferrell, 1995), оценивают величину уверенности как расстояние на оси сенсорных репрезентаций стимулов от полученной в данной пробе реакции на предъявленный стимул до критерия принятия решения. Видимо, под сенсорной репрезентацией они понимают интегральный эффект в виде суммы сенсорных свидетельств $S(\mathbf{x})$, а под критерием принятия

Рис. 3

Зависимости вероятностей правильности решений $P(\text{sn}, \mathbf{Y} | C)$, $P(\text{n}, \mathbf{N} | C)$ и вероятностей ошибочности решений $P(\text{n}, \mathbf{Y} | C)$, $P(\text{sn}, \mathbf{N} | C)$ от суммы свидетельств $C(\mathbf{x})$. Решающее правило эвристической модели: при $C > 0$ принимается решение \mathbf{Y} , иначе принимается решение \mathbf{N} . $f(C|\text{sn})$ и $f(C|\text{n})$ – нормальные законы распределения переменной C при событиях sn и n

решения — величину априорного свидетельства со знаком минус $-L_0$ (см. рис. 1).

Соотношение с моделью случайных блужданий

Так как все слагаемые $C(\mathbf{x})$ распределены по нормальному закону, то и сама переменная C также распределена по нормальному закону (см. графики $f(C|\mathbf{sn})$ и $f(C|\mathbf{N})$ на рис. 3). Среднее значение сенсорного свидетельства $d'(x_i - d'/2)$ при \mathbf{sn} равно $+0.5(d')^2$, а при \mathbf{N} равно $-0.5(d')^2$. Дисперсии свидетельств в обоих случаях равны $(d')^2$. При этом среднее значение C равно $+0.5m(d')^2 + L_0$ при \mathbf{sn} , а при \mathbf{N} оно равно $-0.5m(d')^2 + L_0$. Дисперсии сумм свидетельств C в обоих случаях равны $m(d')^2$.

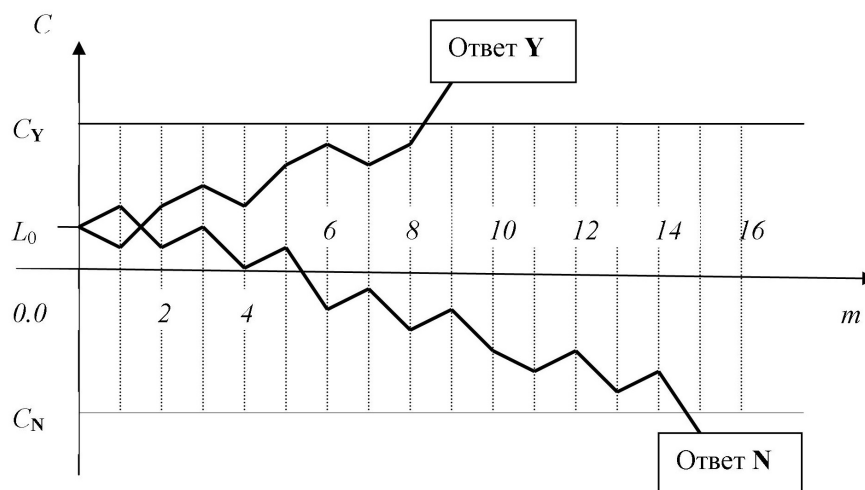
Видно, что процесс накопления свидетельств является динамическим. С увеличением длины выборки

m в зависимости от того, при каком событии (\mathbf{sn} или \mathbf{N}) происходит наблюдение, среднее значение суммы всех свидетельств C растет (при \mathbf{sn}) или убывает (при \mathbf{N}). Если графически изобразить дискретную реализацию случайного процесса $C(m)$, то получается отображение процесса случайных блужданий, который описан в версии модели случайных блужданий, предложенной С. Линком (Link, Heath, 1975) (см. рис. 4).

В начальный момент времени $m = 0$ сумма свидетельств равна исходному априорному свидетельству $C = L_0$. Затем с каждым новым отсчетом x_i к априорному свидетельству добавляется очередное случайное сенсорное свидетельство $d'(x_i - d'/2)$. Процесс накопления свидетельств останавливается в тот момент, когда сумма C превышает порог $C_Y > 0$, являющийся критерием принятия решения \mathbf{Y} , либо C опустится ниже

Рис. 4

Реализации процесса накопления суммы всех свидетельств для случая, когда наблюдатель принимает решения \mathbf{Y} и \mathbf{N} с заданными минимальными вероятностями правильности P_Y и P_N

порога $C_N < 0$, являющегося критерием принятия решения **N**. Пороги C_Y, C_N соответствуют минимальным значениям вероятности правильности принимаемых решений P_Y и P_N , ниже которых эти вероятности в модели случайных блужданий опуститься не могут.

Таким образом, предлагаемая нами эвристическая модель в целом подтверждает основные разработанные до нее эвристические модели принятия сенсорных решений и

оценки уверенности в них: аккумуляторную, случайных блужданий и основанную на ТОС. Но в отличие от них она получена непосредственно из идеальной модели ТОС, что позволяет описывать уверенность в принятом решении именно через вероятность его правильности, которую дают испытуемые в каждой пробе эксперимента, т. е. при моделировании оценки уверенности наша модель воспроизводит поведение человека точнее, чем предшествующие модели.

Литература

Иган Дж. Теория обнаружения сигналов и анализ рабочих характеристик. М.: Наука, 1983.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Котельников В.А. Теория потенциальной помехоустойчивости. М.: Госэнергоиздат, 1956.

Тверски А., Канеман Д. Принятие решений в условиях неопределенности: Правила и предубеждения // Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 17–36.

Шендяпин В.М., Скотникова И.Г. Моделирование уверенности в процессе принятия решения // Интегрированные модели и мягкие вычисления в искусственном интеллекте: Сборник трудов Второго Международного научно-практического семинара. М.: Физматлит, 2003. С. 362–368.

Шендяпин В.М., Скотникова И.Г. Математическое моделирование принятия решения и уверенности при выполнении

сенсорных задач // Новости искусственного интеллекта. 2006. № 2. С. 5–13.

Шендяпин В.М., Скотникова И.Г., Барабанищikov В.А., Тарасов В.Б. Математическое моделирование уверенности при принятии решения в сенсорных задачах // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 84–97.

Adams J.K. A confidence scale defined in terms of expected percentages // American Journal of Psychology. 1957. 70. 432–436.

Balakrishnan J.D., Ratcliff R. Testing models of decision making using confidence ratings in classification // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1996. 22. 615–633.

Bjorkman M., Juslin P., Winman A. Realism of confidence in sensory discrimination: the underconfidence phenomenon // Perception and Psychophysics. 1993. 54. 75–81.

Green D.M., Swets J.A. Signal detection theory and psychophysics. 1st ed. N.Y.: Wiley, 1966; 2nd ed. 1974.

Ferrell W.R. A model for realism of confidence judgments: implications of under-

confidence in sensory discrimination // Perception and Psychophysics. 1995. 57. 246–254.

Link S.W., Heath R.A. A sequential theory of psychological discrimination // Psychometrika. 1975. 40. 77–105.

Vickers D., Lee M. Dynamic models of simple judgments: I. Properties of a self-regulating accumulator module // Non-

linear Dynamics, Psychology, and Life Sciences. 1998. 2. 3. 169–194.

Vickers D. Confidence and response time in three-category judgment // В. Berglund, E. Borg (eds.). Fechner Day'2003: Proceedings of the 13th Annual Meeting of the International Society for Psychophysics (ISP) Larnaka: Cyprus, 2003. P. 325–331.

Шендятин Валентин Михайлович, Московский городской психолого-педагогический университет, программист

Контакты: alexander.valshend@yandex.ru

Барабанщиков Владимир Александрович, Институт психологии РАН, заведующий лабораторией, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор

Контакты: sbar@psychol.ras.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

L.Ya. Dorfman. The Horizons of Modern Empirical Psychology

Modern empirical psychology is a sensory experience and the mind outside this experience; it is a new relationship between empiricism and rationalism, between perception and understanding, between empirical and theoretical studies. The article makes an attempt to demonstrate and interpret achievements, to a first approximation, of empirical psychology, to outline the role and position of thinking (theorizing) in it from the philosophical point of view. Empirical psychology is analyzed in the opposition to the «a priori» psychology and in the context of the dichotomy between the empirical and the «a priori» sciences. The possibility and necessity of assigning the empirical psychology to a separate scientific domain is shown.

Key words: empirical psychology, empiricism, empirically grounded theory, a priori theory, realism

Theoretical and Empirical Research

I.S. Utochkin. Theoretical and Empirical Foundations of Level Approach to Attention

The article proposes application of the level approach to attention research. Four basic principles of level-based architecture of attention are de-

rived from theoretical premises of the level approach to cognition and the psychology of attention as well as from empirical data. The author offers a variant of empirical research program which is based on the logic of the level approach. Finally the 5-level model of attention processes organization is proposed on the basis on experimental data. The article also contains examples of author's empirical studies which are interpreted in the level approach framework. The first study demonstrates the functioning of the redundancy principle (which is one the basic principles stated in study) in the visual inspection tasks. The second study shows the differences in the efficiency of memorizing the same material and the differences in experiencing of subjective confidence in mnemonic judgments depending on the leading level of attention in task solving.

Key words: attention, level approach, leading level, background level, hierarchy, the redundancy principle

Special Theme of the Issue. Centenary of Abraham Maslow

D.A. Leontiev. Abraham Maslow in the XXI Century

The article presents the main milestones of the life and work of a prominent American psychologist Abraham Maslow (1908–1970).

Key words: Maslow, creativity, humanistic psychology, motivation, self-actualization, management, psychology of being

UCLA Seminar with A. Maslow, March 1970.

G.V. Ivanchenko. The Maslow's Notion of Metapathology: Contexts and Perspectives

The article analyses the notion of metapathology introduced in the late works of A. Maslow. It characterizes personality disorders as a sequence of a decrease in humaneness, as a manifestation of social shortcomings. The article justifies that «Metapathological» variants which are not optimal for personality development can be regarded as dilemmas.

Key words: new conception of a human, values of being, metapathologies, personality development, existential dilemmas

Psychodiagnostics

A.A. Bormotov. The Development and Assessment of a Measure of Honesty as a Stable Personality Trait

The article is devoted to an attempt to develop and assess a measure of honesty as a personality trait. An approach to description of honesty in the framework of ethics is described as well the views on honesty and the related concepts in Russian and foreign psychology and psychodiagnostics. Since this phenomenon is not thoroughly investigated, the author has made an attempt to describe this trait through experimental identification of criteria of honesty and dishonesty (that is those characteristics and traits which are inherent to honest and dishonest individu-

als). The contents of the measure for assessment of personal readiness to honest or dishonest behavior are developed on the basis on the revealed criteria. Two parts of the measure that represent projective stimulus material were tested (choice of aphorisms and choice of proverbs). The results prove the existence of their significant relations with validation scales.

Key words: personality traits, foreign psychodiagnostics, psychodiagnostic measures, honesty, honesty criteria, projection principle

Work in Progress

O.V. Belokon. Emotional Intelligence and Leadership: an Experiment «We are Building Together»

The article analyzes the interrelations between emotional intelligence, an appointment to a leader's position, leadership efficiency and leadership styles. The description of an experiment which was called «We are building together» and its results obtained from the students' sample are provided. The author obtained the data on the interrelations between emotional intelligence, an appointment to a leader's position, leadership efficiency and business leadership styles.

Key words: emotional intelligence, leadership, appointment to a leader's position, leadership efficiency

V.M. Shendyapin, V.A. Barabanschikov. Signal Detection Theory for the Development of the Model of Decision Making and of Subjects' Confidence in His/Her Decisions

In the framework of signal detection theory using a multi-reference data of observations' description, the formulae

for the calculation of correct responses probability in each trial were obtained. They explain the phenomenon of participant's confidence in his decisions. As a result of simplification of these formulae the heuristic model of decision making and confidence in it was elabo-

rated. The model simulates subject's behavior more precisely than the previous ones.

Key words: mathematical modeling, decision making, confidence in sensory judgments, signal detection theory, heuristic model elaboration

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx

Статья В.Д. Шадрикова «Психологическое описание нормального человека», опубликованная в журнале № 2 за 2008, с. 3–18, выполнена при поддержке гранта ГУ ВШЭ № 08-01-0031.